

РЕНЕ АХДИЕ

18+

ПЛАМЯ
В ТУМАНЕ

Annotation

Бестселлер The New York Times!

«Пламя в тумане» – завораживающее азиатское фэнтези о самопожертвовании, чести, любви и семейных ценностях. Как будто «Мулан» встречается с «Игрой престолов».

От автора мировых бестселлеров «Красавица» и «Ярость и рассвет».

Марико Хаттори всегда знала, что смысл ее жизни – выйти замуж. Политический брак с наследником престола принесет почет ее семье.

Как только ей исполнилось семнадцать лет, ее отправили на встречу с женихом. Но по пути во дворец на нее напал Черный клан, группа опасных наемников.

Марико чудом удалось спастись. Переодевшись в мужскую одежду, она решает отомстить и узнать имена тех, кто пожелал ее смерти. Только так она сможет заслужить уважение императора.

Но что, если, примкнув к Черному клану, она поймет свое истинное предназначение и не захочет вернуться к прежней жизни послушной дочери?

«Алхимия, самураи и Рене Ахдие. Разве нужно что-то еще говорить?» – *Culturess*

«Если вам понравилась диснеевская „Мулан“, то вы полюбите эту книгу». – *The Newark Advocate*

-
- [Рене Ахдие](#)
 -
 - [Начало](#)
 - [Иллюзии и ожидания](#)
 - [Ночная тварь](#)
 - [Не просто девочка](#)
 - [Дракон Кая](#)
 - [Золотой замок](#)
 - [Оправданный риск](#)
 - [Упасть вперед, чтобы продолжать двигаться](#)
 - [Незаслуженное благословение](#)

- [Выбор](#)
- [Последствия](#)
- [Драгоценная сталь и ночной ливень](#)
- [Множество видов силы](#)
- [Усталость духа](#)
- [Дзюбокко\[45\]](#)
- [Метательная звезда](#)
- [Заклепки из золота и розовые от лепестков воды](#)
- [Ханами](#)
- [Брошенный фонарь](#)
- [Честный обмен](#)
- [Горячие источники](#)
- [Странные сказки](#)
- [Наперстянка](#)
- [Урок, который необходимо усвоить](#)
- [Лес крови и огня](#)
- [Кровавая резня](#)
- [Дымовая завеса и скорбь](#)
- [Провинция боли](#)
- [Набег](#)
- [Меня зовут Марико](#)
- [Потерянная в пепле](#)
- [Теневой воин](#)
- [Черная орхидея](#)
- [Гора огня](#)
- [Феникс](#)
- [Конец](#)
- [Словарь](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
-

Рене Ахдие

Пламя в тумане

Посвящается [Цзю](#) и маме Джун, научившим меня, что истинная слабость – это слабость духа.

Renée Ahdieh
Flame In The Mist

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2017 by Renée Ahdieh

© Атарова А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

Семь принципов Бусидо:

пути воина

ги – Справедливость

йюки – Мужество

дзин – Сострадание

рэй – Почтение

макото – Искренность

мэйё – Честь

тјуги – Преданность

«В век упадка, в который мы живем, умы людей извращены, и они любят только слова, а не реальные поступки».

– Из I тома «Бансэнсюкай», древнего руководства по синоби-но моно, или искусству ниндзя

Начало

«В начале было два солнца и две луны».

Перед глазами мальчика все расплывалось, заставляя его не замечать правду. Не замечать стыда. Он сосредоточился на истории, которую ему рассказала уба^[2] прошлой ночью. Истории о добре и зле, о свете и тьме. Истории о том, как победоносное солнце взошло высоко над головами врагов.

Пальцы инстинктивно потянулись к мозолистой и теплой ладони уба. Няня из Кисуна была с ним с тех пор, как он себя помнил, но теперь – как и всего остального – ее не стало.

Теперь не осталось никого.

Вопреки воле зрение мальчика прояснилось, застыв на чистом голубом полуденном небе над головой. Пальцы сжали жесткую ткань рукавов его одежд.

«Не отводи взгляд. Если они увидят, что ты отводишь взгляд, то скажут, что ты слаб».

И вновь слова его уба эхом отдались в ушах.

Он опустил глаза.

Двор перед ним был задрапирован белоснежными занавесками и с трех сторон окружен экранами из рисовой бумаги. Длинные знамена с золотым гербом императора развевались на ветру. С двух сторон стояли мрачные зрители – самураи^[3], одетые в темные шелка парадных хакама^[4].

В центре двора на маленьком татами^[5], покрытом выбеленной парусиной, на коленях стоял отец мальчика. Он тоже был облачен в белое, черты его лица казались высеченными из камня. Перед ним стоял низкий столик, на котором лежал короткий меч. Рядом стоял человек, который когда-то был его лучшим другом.

Мальчик пытался перехватить взгляд отца. На мгновение ему показалось, что отец смотрит в его сторону, но это могла быть просто игра ветра. Уловка ароматного дыма, клубящегося над приземистыми медными жаровнями.

Отец не захотел бы смотреть сыну в глаза. Мальчик это знал. Стыд был слишком велик. А отец наверняка умрет прежде, чем

позволит сыну испытать стыд от его слез.

Барабаны начали отбивать медленный ритм. Панихида.

Вдалеке за воротами мальчик уловил приглушенный смех и возню детей. Вскоре на них коротко прикрикнули, заставляя замолчать.

Отец без колебаний развязал узел на талии и распахнул белые одежды, обнажая кожу на животе и груди. Затем он подоткнул рукава под колени, чтобы не упасть назад.

Ибо даже опальный самурай должен умереть достойно.

Мальчик наблюдал, как отец потянулся к короткому лезвию *танто*^[6] на маленьком столике перед ним. Ему хотелось закричать, чтобы он остановился. Закричать, моля еще о мгновении. О еще одном взгляде.

Только об одном.

Но мальчик хранил молчание, пальцы в кулаках побелели. Он сглотнул.

«Не отводи взгляд».

Его отец взялся за лезвие, обхватывая руками моток белого шелка у основания. Он вонзил клинок себе в живот, медленно ведя сначала влево, потом вправо. Его лицо оставалось безучастным. В нем нельзя было обнаружить ни одного намека на страдание, хотя мальчик искал его – чувствовал его, – несмотря на все усилия отца.

«Никогда не отводи взгляд».

Наконец, когда отец вытянул шею вперед, мальчик увидел его. Быстрая вспышка, гримаса. В то же мгновение сердце мальчика содрогнулось в груди. Горячий прилив боли захлестнул его.

Человек, который когда-то был лучшим другом его отца, сделал два длинных шага, затем взмахнул сверкающей *катаной*^[7] по идеальной дуге к обнаженной шее отца. Удар головы отца мальчика о татами заставил барабанную дробь замолкнуть.

Но мальчик продолжал смотреть. Наблюдал, как багровая струя вырвалась из сторбленного тела отца, миновала край циновки и разлилась на серые камни за ней. В нос ударил запах свежей крови – смесь теплого металла и морской соли. Он ждал, пока тело его отца понесли в одном направлении, а голову – в другом: выставить напоказ в качестве предупреждения.

Ни один намек на измену не будет прощен. Даже шепот.

Все это время к мальчику никто не подходил. Никто не смел заглянуть ему в глаза.

Бремя стыда обрело форму в груди мальчика, став тяжелее любого веса, который он когда-либо мог вынести.

Когда мальчик наконец повернулся, чтобы покинуть опустевший двор, его взгляд упал на скрипящую дверь рядом. Няня, одна рука которой соскользнула со щеколды, а вторая сжимала два игрушечных меча, встретила его немигающий взгляд. На мгновение она покраснела.

«Никогда не отводи взгляд».

Няня смущенно опустила глаза. Он наблюдал, как она быстро повела мальчика и девочку через деревянные ворота. Они были на несколько лет младше его и, очевидно, из богатой семьи. Возможно, дети одного из присутствовавших сегодня самураев. Мальчик поправил тонкий шелк воротника своего кимоно и пронесся мимо своей няни, ни разу не остановившись, чтобы обратить внимание на сына предателя.

Девочка, однако, замерла. Она дерзко уставилась прямо на мальчика, ее лицо все время меняло выражение. Потерев нос тыльной стороной ладони, она моргнула, мимолетно окинула его взглядом, а затем остановила глаза на его лице.

Он посмотрел в ответ.

– Марико-сама!^[8] – заругалась няня. Она шепнула что-то девочке на ухо, а затем потянула ее за локоть.

Тем не менее взгляд девочки не дрогнул. Даже когда она проходила мимо лужи крови, потемневшей на камнях. Даже когда ее глаза сузились от понимания.

Мальчик был благодарен, что не увидел в ее взгляде сочувствия. Вместо этого девочка продолжала изучать его, пока няня не увела ее за угол.

Его глаза вернулись к небу. Он высоко запрокинул подбородок, не обращая внимания на текущие слезы.

«Вначале было два солнца и две луны».

Однажды победоносный сын восстанет... И предаст огню всех врагов своего отца.

Иллюзии и ожидания

Десять лет спустя

На первый взгляд все казалось правильным.

Элегантный паланкин. Покорная дочь. Оказанная честь.

Затем, словно в насмешку над ней, паланкин Марико дернулся, из-за чего она ударилась плечом о стенку *норимоно*^[9]. Его выпуклые перламутровые вставки, несомненно, оставят синяк. Марико глубоко вздохнула, подавляя в себе желание начать ворчать в темноте, как злобная старуха. Запах лака *норимоно* наполнял ноздри, напоминая о леденцах «Борода дракона», которые она любила в детстве.

Мрачный, приторно-сладкий гроб, несущий ее к месту последнего упокоения.

Марико глубже зарылась в подушки. Ничто в путешествии в столицу империи Инако не шло гладко. Ее конвой отбыл позже, чем намечалось, и они слишком часто останавливались. По крайней мере, сейчас – по тому, как *норимоно* накренился вперед, – Марико могла заключить, что они двигались вниз по склону. Это означало, что они миновали холмы вокруг долины и преодолели уже половину пути до Инако. Она откинулась назад, надеясь, что ее вес поможет сбалансировать паланкин.

Как только она устроилась, *норимоно* внезапно остановился.

Марико приподняла шелковую занавеску, закрывающую маленькое окно справа от нее. Стужались сумерки. Лес перед процессией утопал в тумане, деревья казались зазубренными силуэтами, вонзающимися в серебристое небо.

Когда Марико повернулась, чтобы обратиться к ближайшему солдату, в поле зрения появилась молодая служанка.

– Моя госпожа! – выдохнула девушка, прижимаясь к стенке *норимоно*. – Вы, должно быть, голодны. Это моя оплошность. Пожалуйста, простите меня за невнима...

– Здесь нечего прощать, *Тиё-чан*^[10]. – Марико добродушно улыбнулась, но глаза служанки по-прежнему были полны

беспокойства. – Это не я остановила конвой.

Тиё низко поклонилась, цветы в ее импровизированной прическе съехали набок. Когда она снова выпрямилась, служанка протянула Марико аккуратно завернутый сверток с едой. Затем Тиё вернулась на свой пост рядом с паланкином, задержавшись лишь для того, чтобы вернуть Марико теплую улыбку.

– Почему мы остановились? – спросила Марико ближайшего *асигару*^[11].

Солдат вытер пот со лба, затем переложил длинный *шест нагинаты*^[12] в другую руку. Отражение солнечного света блеснуло на его остром лезвии.

– Лес.

Марико ждала, уверенная, что он добавит что-то еще.

Над губами солдата выступили капли пота. Он открыл было рот, собираясь что-то добавить, но приближающийся стук копыт отвлек его.

– Госпожа Хаттори... – Нобутада, один из приближенных ее отца и пользующийся его наибольшим доверием самурай, остановил своего скакуна рядом с норимоно Марико. – Я прошу прощения за задержку, но несколько солдат выразили обеспокоенность по поводу путешествия через лес Дзюкай.

Марико дважды моргнула, ее лицо приняло задумчивое выражение.

– На это есть какая-то особая причина?

– Солнце садится, и они боятся *ёкаев*^[13] и волнуются, что...

– Это просто глупые истории о монстрах, прячущихся во тьме, – она пренебрежительно махнула рукой. – И ничего более.

Нобутада сделал паузу, несомненно, принимая к сведению ее замечание.

– Они также утверждают, что недавно поблизости видели Черный клан.

– Утверждают? – Марико изогнула темную бровь. – Или их в самом деле видели?

– Это только утверждение, – Нобутада опустил защиту для подбородка своего шлема с рогами. – Хотя если бы Черный клан решил нас ограбить, это было бы нечто из ряда вон выходящее. Они

обычно не нападают на конвои с женщинами и детьми. Особенно на те, что охраняют самураи.

Марико задумалась.

– Поступим так, как вы считаете нужным, Нобутада-сама. – Вспоминая солдата, с которым она говорила мгновение назад, Марико попыталась улыбнуться. – И пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы вскоре у асигару было время передохнуть и напиться воды. Они выглядят очень утомленными.

Нобутада нахмурился в ответ на ее последнюю просьбу.

– Если нам придется идти в обход леса Дзюкай, это добавит нам целый день пути.

– Что ж, тогда это добавит нам день пути. – Она уже собиралась опустить занавеску, неловкая улыбка все еще не сходила с губ.

– Я предпочел бы не рисковать и не гневать императора.

– Тогда выбор прост. Мы должны повести за собой остальных, Нобутада-сама. Вы научили меня этому, когда я еще была маленькой девочкой. – Марико не отводила взгляд, пока говорила. И не пыталась извиниться за резкость своих слов.

Его хмурый взгляд стал еще темнее. Марико подавила вздох. Она знала, что с ней тяжело. Знала, что Нобутада хотел заставить ее принять решение. Или по крайней мере хотел, чтобы она высказала свое мнение.

Чтобы они сыграли бесполезную игру за власть. Игру, в которой Нобутада потом мог со всем самодовольством подавить ее как старший.

Как мужчина.

Как Марико ни старалась, она не могла справиться со скрытой жгучей обидой.

«Власть – это иллюзия. Ожидания не будут управлять моей жизнью. Больше нет».

– Возможно, не так прост, – поправила Марико, ее пальцы теребили край занавески. – Но на самом деле он прост. – Она смягчила тон – жалкая попытка успокоить его. Которая наверняка раздражает его, как часто бывало из-за ее противоречивости. Ее брат, Кэнсин, часто ставил ей это в укор. Часто говорил ей пореже... проявлять характер.

Чтобы хоть немного соответствовать, по крайней мере в подобных мелочах.

Марико склонила голову в поклоне:

– В любом случае полагаюсь на ваше мудрое решение, Нобутада-сама.

Тень упала на его лицо.

– Хорошо, госпожа Хаттори. Мы пойдем через лес Дзюкай. – Произнеся эти слова, он погнал своего скакуна обратно к началу процессии.

Чего и следовало ожидать: Марико разозлила его. Она не высказывала своего истинного мнения ни по одному вопросу с тех пор, как этим утром они покинули дом ее семьи. А Нобутада хотел, чтобы она командовала им. Отдавала ему приказы, соответствующие возложенной на него почетной роли.

Приказы, подходящие самураю, ответственному за сопровождение императорской невесты.

Марико полагала, что ей и вправду следовало бы побеспокоиться, что она может прибыть в замок Хэйан с опозданием.

Что она опоздает на встречу с императором. И на знакомство с его вторым сыном – ее будущим мужем.

Но Марико было все равно. С того самого дня, когда ее отец сообщил ей, что император Минамото Масару от имени своего второго сына Райдэна отправил предложение о свадьбе, ее вообще мало что заботило.

Марико должна была стать женой принца Райдэна, сына любимой супруги императора. Вступить в политический брак, который возвысит ее отца над остальной правящей элитой *даймё*^[14].

Ее должно было волновать, что ее обменивают как собственность, чтобы получить благосклонность. Но ее это не заботило.

Больше нет.

Когда норимоно снова дернулся вперед, Марико потянулась рукой вверх, чтобы поправить изящную черепаховую шпильку, скрепляющую ее густые локоны. Крошечные полоски серебра и нефрита свисали с ее конца, сплетаясь друг с другом в непрекращающейся битве. Когда Марико закончила распутывать их по одной, ее рука опустилась на нефритовый гребень меньшего размера под шпилькой.

В памяти возникло лицо ее матери – выражение решительной покорности, которое было у нее, когда она вставляла нефритовое украшение в волосы своей единственной дочери.

Прощальный подарок. Но не настоящий источник утешения.

Как и последние слова ее отца:

«Посвяти себя своей семье, Марико-тян. Для этого тебя и вырастили. Откажись от своих детских желаний. Будь выше... этого».

Марико плотно сжала губы.

«Это не имеет значения. Я уже отомстила».

У Марико больше не было причин заикливаться на этих вещах. Теперь ее жизнь пошла по четкому пути. Совершенно не важно, что она хотела не этого. Не важно, что осталось еще столь многое увидеть, узнать и сделать. Ее растили с определенной целью. Самое нелепое в этом было то, что эта цель – сделать ее женой важного человека, тогда как она с легкостью могла бы стать кем-то другим. Чем-то бóльшим. Но это не имело значения. Ведь она не мальчик. И несмотря на то что ей едва исполнилось семнадцать лет, Хаттори Марико знала свое место в жизни. Она выйдет замуж за Минамото Райдэна. Ее родители получают статус тех, чья дочь живет в замке Хэйан.

И Марико будет единственной, кто будет знать о пятне на этой чести.

Когда сгустились сумерки и процессия углубилась в лес, запах теплого влажного воздуха обрел свою жизнь. Он смешивался с железным ароматом земли и зелени только что вытоптаных листьев. Станный, пьянящий аромат. Яркий и свежий, но в то же время мягкий и зловещий.

Марико вздрогнула, по костям пробежал холодок. Лошади вокруг норимоно заржали, словно отзываясь на какую-то незримую угрозу. В попытке отвлечься Марико потянулась к небольшому свертку еды, который ей дала Тиё, и, борясь с мурашками, зарылась в подушки.

«Возможно, нам следовало обойти лес Дзюкай стороной».

Она быстро отбросила эти сомнения и переместила внимание на сверток в своих руках. Внутри было два рисовых шарика, покрытых семенами черного кунжута, а также маринованные кислые сливы, завернутые в листья лотоса. Развернув еду, Марико подняла пальцы,

чтобы зажечь крошечный бумажный фонарик, покачивающийся наверху.

Это было одно из ее первых изобретений. Достаточно маленький, чтобы его можно было спрятать в рукаве кимоно. Специальный медленно горящий фитиль, растянутый на тончайшей проволоке. Фитиль был сделан из хлопка, оплетенный речным тростником, затвердевшим в воске. Он сохранял свою форму, несмотря на размер, и горел постоянным ровным светом до самого конца. Марико придумала его еще в детстве. В густой ночной темноте это крошечное изобретение было ее спасение. Она клала его рядом со своими одеялами, где он излучал теплый, радостный свет, в котором она записывала свои новые идеи.

Улыбнувшись воспоминаниям, Марико принялась есть. Несколько черных семян кунжута упали на расписной шелк ее кимоно; она смахнула их. Ткань ощущалась как вода на кончиках пальцев. Она была цвета подслащенных сливок, кромка переходила в темный индиго. Бледно-розовые цветы сакуры усеивали длинные рукава и распускались ветвями у ног Марико.

Бесценное кимоно. Изготовленное из редкого шелка *тацумура*^[15]. Это был один из подарков, присланных ей сыном императора. Кимоно было прекрасно. Прекраснее всего, что когда-либо было у Марико в жизни.

«Возможно, девушке, которая ценит подобные вещи, было бы приятно».

Когда на шелк упало еще несколько семян кунжута, Марико даже не стала их смахивать. Она закончила есть в тишине, наблюдая, как крошечный фонарик качается из стороны в сторону.

Густые тени собирались снаружи, становясь все ближе и плотнее. Конвой Марико уже глубоко зашел под кроны деревьев. Углубился под их плащ из вздыхающих ветвей и шепчущих листьев. Странно, что она не слышала снаружи никаких признаков жизни – ни карканья ворона, ни крика совы, ни стрекотания насекомых.

Затем норимоно снова остановился. На этот раз слишком резко.

Лошади тяжело задышали. Затопали копытами по земле, усыпанной листьями.

Марико услышала крик. Ее паланкин закачался. Накренился. А затем со страшным стуком рухнул на землю. Она ударилась головой о

лакированное дерево, и перед ее глазами засверкали звезды.
И Марико поглотила тьма.

Ночная тварь

Марико проснулась от запаха дыма. Глухого шума в ушах. Стреляющей боли в руке.

Она все еще находилась в своем паланкине, но он опрокинулся набок, а все, что было внутри, сгрудилось в углу.

Тело знакомой ей служанки навалилось на нее. Тиё, которая любила есть замороженную хурму и вплетать в волосы лунные цветы. Тиё, чьи глаза всегда были такими открытыми, большими и честными.

Те самые глаза, которые теперь застыли в предсмертной маске.

У Марико сжалось горло. Ее взгляд затуманился слезами.

Звуки движения снаружи заставили ее очнуться. Правой рукой она коснулась чувствительной шишки на голове. Марико тихо выдохнула, полностью приходя в себя. Звук прозвучал сдавленным всхлипом. При малейшем движении ее рука остро пульсировала болью.

Марико потрясла головой, проясняя ее. И огляделась.

По расположению Тиё напротив нее – и по тому, как лакированные сандалии *дзори*^[16] Марико выпали из рук служанки, – было ясно, что девушка пыталась вытащить Марико из покореженного паланкина. Пыталась освободить ее и погибла в процессе. Повсюду была кровь. По блестящим вставкам разлетелись брызги. Она же вытекала из неприятного пореза на голове Марико. И объединялась с кровью из смертельной раны в сердце Тиё. Стрела пронзила насквозь грудь юной девушки; ее кончик вонзился в кожу на предплечье Марико, оставив за собой багровую струйку.

Несколько наконечников стрел вошли и в дерево норимоно. Еще несколько под странными углами торчали из тела Тиё. Стрелы, которые предназначались не для того, чтобы убить эту добрую служанку. И если бы не она, они бы, несомненно, попали в Марико.

Марико крепко обняла Тиё, ее глаза наполнились слезами.

«Спасибо, Тиё-тян. Сумимасэн»^[17].

Сморгнув слезы, Марико попыталась повернуть голову. Чтобы найти, куда двигаться. Боль у виска пульсировала в такт быстрому биению сердца.

Как только Марико зашевелилась, послышался гул мужских голосов. Она выглянула в дыру в разорванной занавеске над ней. Она смогла разглядеть только двух мужчин, одетых во все черное. Их оружие ярко сияло в свете факелов неподалеку, делая лезвия зловеще-красными.

«Не может быть, чтобы...»

Но доказательства были неопровержимы. Черный клан напал на ее конвой.

Марико затаила дыхание и вжалась в угол, когда мужчины приблизились к паланкину.

– Значит, она мертва? – грубо спросил самый высокий.

Мужчина в маске справа рассматривал перевернутый паланкин, склонив голову набок.

– Либо да, либо она потеряла сознание от...

Вой вдалеке поглотил последнюю часть их разговора.

Мужчины посмотрели друг на друга. С явным пониманием.

– Проверь еще раз, – сказал первый мужчина. – Мне не хотелось бы сообщать, что мы провалили миссию.

Второй мужчина коротко кивнул и направился к паланкину, высоко подняв факел.

Паника охватила Марико. Она крепко стиснула свои стучащие зубы.

Из разговора этих мужчин в масках стали ясны две вещи: Черный клан явно хотел смерти Марико. И кто-то поручил им убить ее.

Марико немного изменила позу, как будто это могло скрыть ее от их любопытных взглядов. Как будто это могло превратить ее в ничто. Голова Тиё склонилась вперед, ударившись о разбитое дерево норимоно. Марико проглотила ругательство, проклиная свою легкомысленность. Она вдохнула через нос, желая, чтобы ее сердце прекратило свой непрекращающийся стук.

Почему вдруг так сильно запахло дымом?

Глаза Марико тревожно забегали. Края окровавленного халата Тиё чернели на глазах. Исчезали от касания осыпавшегося фитиля крошечного фонарика Марико.

Паланкин загорелся.

Ей понадобилась вся ее выдержка, чтобы оставаться тихой и неподвижной.

Ужас давил на нее со всех сторон. Давил на нее, чтобы она приняла окончательное решение.

Если Марико останется тут, то сгорит заживо. Если она выберется из своего укрытия, люди в масках снаружи, несомненно, закончат свою темную работу.

Пламя лизнуло край халата служанки, хватаясь за кимоно Марико, словно щупальца осьминога.

Паника нарастала, и Марико снова пошевелилась, тихо кашляя в плечо.

Пришло время принять решение.

«Как я умру сегодня? От огня или от меча?»

Приближающийся человек остановился совсем близко:

– Паланкин горит.

– Тогда пусть горит. – Высокий мужчина даже не дрогнул. Он и вовсе не смотрел в их сторону.

– Нам нужно уходить, – человек снаружи оглянулся через плечо. – Пока запах крови и паленой плоти не привлек ночных тварей. – Он стоял так близко, что его можно было коснуться. Достаточно близко, чтобы нанести удар, если бы у Марико хватило смелости.

Высокий мужчина кивнул:

– Скоро отправимся. Но не раньше, чем ты убедишься, что девчонка мертва.

Скорбный вой стал громче. Ближе. Окружая их со всех сторон.

Когда человек рядом потянулся к изорванной занавеске, одна из поврежденных опор норимоно раскололась надвое. Сломавшееся дерево ударило его по руке, разбрасывая во все стороны шквал искр.

Отскочив назад, он выругался себе под нос:

– Девчонка все равно что мертва, – мужчина заговорил более решительно, пламя его факела развевалось на ветру. Жар от разгорающегося огня покрыл шею Марико ровными струйками пота. Растущее пламя у ее ног потрескивало, сжигая кожу Тиё.

Желудок Марико сжался от запаха. Пот заливал ее жесткий белый воротничок.

«Прими решение, Хаттори Марико! Как ты хочешь умереть?»

У нее стучали зубы. С силой сглотнув, Марико впиалась ногтями в ладони, ее взгляд метался по маленькому, разбитому пространству. Храбрость не была присуща ей от природы. Она потратила слишком

много времени, взвешивая свои варианты, чтобы быть смелой. Слишком много времени, просчитывая множество возможностей, открытых перед ней.

Но Мариико знала, что пришло время действовать решительнее. Время стать чем-то большим.

Она не умрет трусихой. Мариико была дочерью самурая. Сестрой Дракона Кая.

Но важнее всего то, что она по-прежнему могла сама принимать решения.

По крайней мере, сегодня, в этот последний день.

Она встретится со своим врагом лицом к лицу. И умрет с честью.

Перед ее глазами плыло из-за сгущающегося дыма, и Мариико оттолкнула тело Тиё, ее руки дрожали, несмотря на все усилия.

В темноте раздался крик. Человек рядом с норимоно обернулся на треск.

За криками последовало животное рычание. Нескольких зверей.

Затем еще один крик. Эхо похоронного звона. Вместе с ним раздался вой пиршества зверей.

– Ночные твари! – Человек с факелом вновь обернулся, пламя прыгало от его движений. – Они атакуют нас с фланга!

– Проверь девчонку, – настаивал первый человек. – Это важнее, чем...

– Невеста принца все равно что мертва! – С этими словами он бросил свой факел на крышу норимоно Мариико, решая тем самым ее судьбу, и бросился прочь. – Соберите наших убитых. Не оставляйте никого! – крикнул он другим людям, которых она не видела.

Мариико подавила крик, когда лязг металла и шорох тел собрались в ближайших тенях. С каждым мгновением рос хаос. Пламя в норимоно взметнулось выше. Больше. Жар заставил ее кожу порозоветь. Она крепко сцепила пальцы, сдерживая кашель, и забилась еще дальше в угол. Слезы текли по ее лицу, лишая всякой решимости.

«Трусиха».

Факел наверху с треском поджег лакированное дерево норимоно.

Вскоре Мариико сторит вместе с ним. Лакированный трут вокруг нее трещал и шипел, расплавленная смола вспыхивала голубым пламенем.

С ее губ сорвалось дрожащее дыхание.

«Я не трусиха. Я... выше этого».

Слезы промочили перед ее шелкового кимоно. Она не собиралась умирать, как животное, запертое в клетке. Как девушка, у которой нет ничего, кроме ее имени.

Лучше умереть от меча. Лучше отдаться на милость ночных тварей.

Умереть на ночном воздухе. *На свободе.*

Чувствуя учащенный пульс в кончиках пальцев, Марико окончательно сдвинула с себя тело Тиё. Она пинком выбила дверь норимоно. Одна блестящая сандалия свалилась, пока она изо всех сил пыталась выбраться, глотая воздух, чтобы потушить жжение в горле. Марико, пошатнувшись, шагнула прочь от обломков и вытаращила глаза, безумно оглядываясь.

Лес утопал в полной темноте.

А ее кимоно было в огне.

Она действовала быстро. Инстинктивно. Марико обернула вокруг себя шелковую ткань, лишая огонь воздуха, необходимого для горения. Запястье обожгло под складками кимоно, дым серыми струйками взвился вверх от гладкого шелка. Резко вскрикнув, Марико дернула за свой *оби*^[18], проклиная способ, которым тот был намотан вокруг ее талии. Слишком сложно. Совершенно не нужно. Спотыкаясь о кусты, она сдернула с плеч прекрасное кимоно, отшатываясь от горящего норимоно как пьяница.

Ее глаза искали во тьме любой проблеск света. Но все, что она видела, – это ее паланкин, охваченный пламенем. Ее кимоно тлело на лесной подстилке.

«Если те люди вернутся, они увидят кимоно. Они поймут, что я сбежала».

Без колебаний Марико схватила его за подол и швырнула шелк обратно в шипящее пламя.

Кимоно вспыхнуло, лишь коснувшись плавящегося лака. Горящий шелк и плавящийся лак. Словно тающие конфеты «Борода дракона».

Смешанные с запахом горячей плоти.

Тиё.

Она быстро заморгала, изо всех сил пытаясь удержать тело в вертикальном положении.

Вокруг нее лежали тела сопровождающих, посланных ее отцом.

Служанки. Самурай. Пехотинцы.

Все мертвы.

Марико стояла в тени, ее грудь вздымалась, пока ее глаза осматривали влажную землю.

Они забрали все ценное. Быстро. Эффективно. Сундуки стояли пустые. Имперских коней увели как движимое имущество, не оставив после себя ничего, кроме поводьев, украшенных кисточками. Ленты красного, белого и золотого цвета устилали землю.

Но Марико знала, что ограбление не было их главной целью.

«Черный клан пытался убить меня. Хотя они знали, что я собираюсь выйти замуж за принца Райдэна, они все равно взялись за эту миссию. Кто-то, имеющий власть над Черным кланом, желает моей смерти».

Внезапно на нее обрушился ледяной шок. Ее плечи ослабли. Снова – почти инстинктивно – Марико распрямила их, напрягая подбородок, чтобы не расплакаться. Она отказывалась сдаваться на милость потрясению. Точно так же, как она отказывалась пускать в свое сердце страхи.

«Думай, Хаттори Марико. Продолжай двигаться».

Она пошатнулась, намереваясь бежать и не оглядываться. Но все, что ей удалось сделать, – это два неуверенных шага, а затем она передумала. Подумала о своих шансах пройти через мрачный лес без оружия и в одних нижних одеждах.

Стараясь не обращать внимания на ужасную кровавую бойню вокруг, Марико двинулась к павшему самураю. Его катана пропала, но его короткий *вакидзаси*^[19] все еще был в ножнах на его талии. Она взяла в руки небольшое оружие, которым было легче орудовать. Остановившись только для того, чтобы замести свои следы на земле, она двинулась через лес, не имея ни направления, ни цели. Ничего, кроме желания выжить.

Тьма вокруг нее угнетала. Она споткнулась о корни, ничего не видя вокруг. Через некоторое время отсутствие одного чувства усилило все остальные. Треск ветки или стрекот пролетевшего насекомого раздавались в воздухе, словно удар гонга. В соседних кустах что-то зашуршало – сталь заскрежетала о камень, – и Марико вжалась в кору дерева. Ужас окончательно заставил заледенеть кровь.

Низкий рык откуда-то из-под земли пронзил все ее существо, как грохот приближающейся армии. За ним последовали звуки тяжелых лап, шлепающих по опавшим листьям.

Дикая скрытность.

Ночная тварь, выслеживающая свою последнюю добычу.

Желудок Марико сжался, а пальцы задрожали, когда она приготовилась встретить свой конец.

«Нет. Я не буду забиваться в угол. Больше никогда».

Она отползла от дерева, зацепившись лодыжкой за каменистую осыпь. Каждое движение отдавалось в груди, когда она падала на лесную подстилку, только чтобы снова вскочить на ноги. Ее тело казалось живым, энергия бурлила под кожей, пока кровь текла по телу. Спрятаться было негде. Белый шелк ее нижних одежд никак не смог бы защитить от самых страшных монстров леса.

Рычание за спиной превратилось в ровное ворчание. Непокколебимое. Приближаясь все ближе. Когда Марико обернулась, чтобы разглядеть своего врага, в темноте материализовались два желтых глаза ящера. Как у гигантской змеи.

Существо, материализовавшееся вокруг этих глаз, было огромным, его морда напоминала ягуара, а тело было массивным, как у медведя. Без дальнейших провокаций зверь поднялся на задние лапы, с его оскаленных клыков капала слюна. Он запрокинул голову и завыл. Звук рикошетом улетел в ночь.

Марико пыталась собраться с силами, но ее колени подогнулись.

Но существо не атаковало.

Оно посмотрело в сторону, затем снова на нее. Его желтые глаза ярко светились. Зверь наклонил голову, как будто заглядывая ей за плечо.

«Беги!» – закричал внутренний голос Марико. – Беги, идиотка!»

Она вдохнула, делая медленный шаг назад.

Но чудовище все не атаковало. Оно снова взглянуло в ту же сторону, а потом опять на нее. Его рычание становилось все громче и свирепее.

Как будто предупреждало ее.

Затем – без единого звука – зверь скользнул к ней.словно призрак.словно лесной демон, оседлавший клубы черного дыма.

Крик Марико разорвал ночное небо.

Существо растворилось в воздушном вихре. В водовороте чернильной тьмы.

– Что ж, – за ее спиной раздался хриплый голос. – Удача действительно улыбнулась мне сегодня вечером.

Не просто девочка

Из теней появился грязный человек. Он направился к ней, под его босыми ногами хрустели ветки.

– Что ты здесь делаешь, девочка? – Его губы блестели от слюны. – Разве ты не знаешь, что эта часть леса опасна? – Черные глаза-бусинки скользнули по ее дрожащему телу.

Раньше ни один мужчина не осмеливался смотреть на нее так.

С подобным необузданным злом, светящимся во взгляде.

– Я... – Марико сделала паузу, чтобы обдумать свой ответ. Чтобы выбрать безопасную тактику. Не могла же она начать укорять его, как это сделала бы ее мать. Ведь это не один из вассалов или слуг ее отца. На самом деле после всего только что увиденного она даже не понимала, был ли этот человек вообще из плоти и костей.

«Довольно этой чуши».

Страх не поможет ей отличить твердую форму от дыма и теней.

Марико выпрямилась, прижимая вакидзаси к своему нижнему халату. Вне поля его зрения. Вместо того чтобы подражать властному тону матери, она заговорила спокойно. Мягко:

– По правде говоря, я бы предпочла не быть здесь. Вот почему я пытаюсь найти выход. – Она встретила его взгляд с молчаливым вызовом.

– В такой-то одежде? – Он бросил на нее косой взгляд, его ухмылка была смесью грязи и выбитых зубов.

Она ничего не ответила, хотя каждая жила ее вытянулась до предела.

Мужчина шагнул ближе:

– Я так понимаю, ты заблудилась? – Его язык выскочил изо рта, как у ящерицы в поисках добычи.

Марико подавила желание ответить. Желание сделать ему выговор. Кэнсин увел бы его в цепях, просто кивнув людям за своей спиной. Мужчинам с гербом клана Хаттори. Но Кэнсин обладал силой солдата. Волей самурая.

А со стороны Марико было бы неразумно провоцировать неизвестного.

Так что же она должна ответить?

Если она не могла использовать угрозы как оружие в своем арсенале, то, возможно, ей поможет хитрость. Мариико молчала. Хотя ее свободная рука дрожала, ладонь, обхватившая вакидзаси, оставалась твердой.

– Ты заблудилась. – Мужчина подошел ближе. Достаточно близко, чтобы Мариико почувствовала запах немытой кожи и кислого рисового вина. Медный привкус недавно пролитой крови. – Как же ты умудрилась заблудиться, прелестное создание?

У нее перехватило дыхание. Хватка вокруг короткого меча усилилась.

– Я полагаю, если бы кто-то знал ответ на этот вопрос, он бы не считался потерянным, – сказала она ровным тоном.

Мужчина фыркнул, наполняя воздух своим едким дыханием:

– Умная девочка. Такая осторожная. Но недостаточно осторожная. Будь ты по-настоящему осторожной, ты бы не заблудилась в лесу... в полном одиночестве. – Он упер свой *бо*^[20] в землю между ними. Свежая кровь окрашивала один конец деревянного посоха. – Ты уверена, что не являешься частью процессии менее чем в лиге^[21] отсюда? От которой остались одни трупы, – он наклонился ближе, понизив голос до шепота, – и никаких денег?

Он выследил ее. Несмотря на все старания Мариико по заметанию следов, этому мужчине удалось ее найти. Он был ленивым вороном, питавшимся объедками тех, кто сильнее его. Она снова предпочла промолчать, пряча вакидзаси за собой.

Слова не помогут ей справиться с этим мужчиной.

– Потому что, если ты заблудилась, – лениво продолжал он, – я счел бы это весьма благоприятным предзнаменованием для тебя. Черный клан не берет пленных. И не оставляет выживших. Это плохо для репутации, знаешь ли. И их, и моей.

Понимание обрушилось на Мариико, ее хватка стала слишком крепкой. Ее подозрения подтвердились – он не был членом Черного клана. Даже из того немногого, что она узнала ранее, было понятно, что банда убийц в масках была более организованной.

Гораздо более точной.

Этот человек – с его грязными ногами и одеждой – был совсем не таким.

Когда Марико снова не ответила, он нахмурился, возбуждение начало укореняться в нем.

– Что если я передам тебя им? – Он подошел ближе – на расстояние вытянутой руки, – беспорядочно волоча свой бо по темному суглинку под ногами. Его слова должны были прозвучать угрожающе, но мужчине не хватало необходимой сосредоточенности. Необходимой дисциплины настоящего воина. – Я уверен, Черный клан будет очень признателен, если я приведу тебя к ним. Я не думаю, чтобы они захотели, чтобы весть об этой неудаче достигла ушей их нанимателей. Или их конкурентов.

Увидев, как он споткнулся о корень, Марико не смогла сдержать мягкой насмешки:

– Что ж, тогда я была бы очень признательна, если бы вы отвели меня к ним. Похоже, они забрали несколько моих вещей. И мне хотелось бы их вернуть.

Он снова хрипло рассмеялся, и – даже с ленцой, что отдавалась в смехе, – этот звук отозвался мурашками по ее спине.

– Ты была бы почти забавной, если бы почаще улыбалась. – Его губы скривились. – На случай, если твоя мать никогда не говорила тебе, красивые девочки вроде тебя должны улыбаться. Особенно если пытаешься заставить мужчину следовать твоим приказам.

Марико напряглась. Ей были ненавистны его слова. Ненавистно предположение, что ей необходим мужчина, чтобы что-то сделать.

Ненавистна правда в его словах.

– Не волнуйся. – Мужчина медленно размахивал бо, сигнализируя ей следовать перед ним. – Мы найдем Черный клан. Это может занять некоторое время. Но мне по случайности известно, что их любимые стоянки находятся вдоль западной окраины леса. Рано или поздно они обязательно появятся там. А я человек терпеливый. – С хитрой ухмылкой он вытащил моток изношенной веревки, свисавший с его пояса.

Марико расставила ноги, приготовившись к бою. Слегка согнула их в коленях. Зафиксировала себя на земле.

– Кроме того... – его широкая улыбка заставила ее внутренне содрогнуться, – ты кажешься отличной компанией.

Пока он разматывал веревку, Марико перехватила клинок. Кэнсин научил ее, куда наносить удар. Мягкие места, свободные от костей,

такие как желудок и горло. Если она сможет ударить его выше внутренней стороны колена, его кровь прольется достаточно быстро, чтобы убить его за считанные секунды.

Марико рассчитывала. Обдумывала.

Она была так занята своими мыслями, что не успела предвидеть его внезапное движение.

В одно мгновение мужчина схватил Марико за предплечье, дернув на себя.

Она закричала, отталкивая его. Посох оказался выбит из его руки и с грохотом ударился об основание ствола дерева. В последовавшей суматохе Марико искала угол, чтобы ударить по его руке. Она широко взмахнула вакидзаси, даже не пытаясь прицелиться и просто надеясь попасть хоть куда-нибудь.

Бездушный смех сорвался с губ мужчины, когда он схватился за вакидзаси. Его локоть ударил по лицу Марико, повалив ее на землю с усилием не больше, чем нужно, чтобы усмирить хнычущего теленка.

Удерживая одно из ее запястий в своей грязной хватке, мужчина попытался связать ее руки вместе.

Не было времени на страх, ярость или другие эмоции. Марико громко закричала, пиная его и пытаясь восстановить контроль над клинком. Его кончик вонзился в рукав, разрезая ткань около ее тела. И открывая еще больше голой кожи.

Мужчина ткнул Марико щекой в грязь.

– Бесплезно драться, девчонка, – сказал он. – Нет причин делать это неприятным для нас обоих.

– Я не *девчонка*, – ярость поднялась в ее груди. – Я Хаттори Марико. И ты умрешь за это. От *моей* руки.

«Клянусь».

Он весело фыркнул, его нижняя губа самодовольно оттопырилась, в ее центре скопилась слюна.

– Ты отмечена смертью. Если Черный клан хочет твоей гибели, тебе никогда не пройти через этот лес живой. – Вытерев рот о плечо, он сделал паузу, словно размышляя. – Но я мог бы рассмотреть и другие варианты. – Его взгляд остановился на участке обнаженной кожи над ее локтем.

Выражение его лица, которое она увидела, вызвало у Марико желание разорвать ему горло, вцепившись одними только зубами.

– Я не заключаю сделок с ворами.

– Все мы воры, девочка. Тебе подобные даже больше всех. – Он приставил лезвие вакидзаси под ее подбородок. – Прими решение. Поторгуйся со мной, и я верну тебя твоей семье в целостности и сохранности. Разумеется, по адекватной цене. – Его отвратительная вонь окутала ее. – Или дождись, когда придется торговаться с Черным кланом. Но если бы выбирал я, я бы сделал ставку на себя. Я намного добрее. И я не причиню тебе вреда.

Сквозь ложь она услышала правду. Увидела ее, похороненную глубоко в его взгляде.

«Я больше не позволю мужчинам использовать себя. Я не приз, который можно купить или продать».

Марико перестала бороться, как будто задумалась над его предложением. Решила сдаться. Вакидзаси отодвинулся от ее подбородка как раз в тот момент, как она опустила руки по бокам. Недолго думая, она бросила горсть грязи мужчине в глаза. Он дрогнул, пытаясь пальцами убрать комья земли и обнажая мягкий низ живота. Марико тут же ударила его кулаком в основание горла, а затем откатилась в сторону, пока он все кашлял и давился, изо всех сил пытаясь отдышаться. Марико попыталась встать – попыталась сбежать, – но ее тонкий халат запутался вокруг ее ног. Она упала на мужчину, и он слепо вцепился в нее.

Не раздумывая, Марико выхватила черепаховую шпильку из своих волос...

И воткнула в его левый глаз.

Шпилька пронзила его, как игла пронзает виноградину.

Его крик был долгим. Полным муки.

С этим звуком пришел внезапный прилив ясности. Он расцвел в груди Марико, растекаясь, как глоток идеально заваренного чая.

Все просто. Все инстинктивно.

Она схватила вакидзаси и перерезала мужчине горло от уха до уха.

Бульканье поглотило его крик. Алые пузыри хлюпали у него на губах, когда он пытался произнести свои последние слова. Через несколько мгновений он замер. Неподвижно, если не считать крови, капающей из его глаза и горла.

Марико отползла от него, выворачивая содержимое своего желудка в кусты.

* * *

Хаттори Марико прижалась к грубому стволу древней сосны. Ее тело медленно раскачивалось из стороны в сторону. Она смотрела, как ее белые носки *таби*^[22] отсыревают от влажного мха. Кусты вокруг нее стали убежищем, лишайник по бокам – плащом. Скрипучие сосны качались над ее головой. Их стоны, разносящиеся эхом, напоминали потревоженных заблудших душ. Тех многих заблудших душ, что встретили свою гибель под тенью леса Дзюкай.

Менее чем в двух шагах от нее лежала одна из этих заблудших душ.

«Слава звездам, что я не среди них. Во всяком случае, пока нет».

Марико обвила руками свои ноги. Как будто таким образом она могла удержать себя в руках.

Лес, возможно, еще не забрал ее себе, но было очевидно, что она совершенно заблудилась. Настолько, насколько это возможно. В этом лабиринте из деревьев, наполненном существами – как людьми, так и нелюдями, – которые могли ее убить, стоило им только захотеть. Тьма, которая недавно была ее убежищем, также, вероятно, станет ее погибелью. Эта наступающая угроза напомнила ей о времени, когда десять лет назад Кэнсин поспорил с ней, вынудив нырнуть с ним на глубину озера, расположенного на краю земель их семьи. Стоял полдень после летней грозы. Вода была мутной, и на дне постоянно вихрился ил.

Хотя обычно Марико избегала таких бессмысленных споров, она всегда отлично плавала. А Кэнсин был особенно самодовольным в тот день. Остро нуждался в том, чтобы кто-то преподавал ему урок. Поэтому она нырнула на дно, уверенно гребя руками в мутной воде. Пока она стремилась к своей цели, ветка со скрученными листьями задела ее щеку, сбив с толку. В это мгновение она потеряла ориентир. Марико перестала понимать, в какую сторону надо плыть. Больше не разбирала путь ни в одном направлении. Она наглоталась мутной

воды, пока ужас истощал ее уверенность. Стачивал края, пока от нее почти не осталось следа.

Если бы не рывок твердых рук Кэнсина, Мариико могла бы утонуть в тот день.

Здесь она чувствовала нечто подобное. В этой полной угрозы тьме. В этом лесу, скрывающем в своих уголках кошмары тысячелетий.

Тишину нарушила ухающая сова, пролетающая ниже. Как будто она искала, чем поужинать. Взглянув налево, Мариико увидела паутину в изгибе ветвей поблизости. Капли росы висели на ее шелковых прядях. Она сосредоточила свое внимание на том, как они тяжелели от влаги. Собирались вместе. Соскальзывали вниз по мерцающему шелку, сливаясь в центре паутины.

Не успела она и глазом моргнуть, как вода брызнула с паутины бриллиантовым каскадом. Ее создатель вернулся, вытягивая восемь длинных ног по поверхности паутины.

В ожидании своей добычи.

Мариико хотелось вырваться из своей кожи. Стать кем угодно, оказаться *где угодно*, только не здесь.

Порыв ветра пронесся сквозь колючие заросли терновника вокруг нее. Ветер завивался под ее волосами, приподнимая выпавшие пряди. Он уловил липкость на ее щеках. Соленую влагу, оставленную дорожками слез.

Ей нужно найти дорогу домой. Дорогу обратно к своей семье. Туда, где предположительно было ее место.

Но Мариико не могла заглушить гул своих мыслей.

Не могла подавить свое любопытство.

Она хотела – нет, ей было *необходимо* – узнать, почему Черный клан послали, чтобы убить ее.

Кто желал ей смерти? И почему?

Она осторожно вдохнула. Вцепившись в колени, прижатые к груди, Мариико заставила себя перестать раскачиваться.

И начать думать.

«*Что бы сделал Кэнсин?*»

Ответ на этот вопрос был прост. Ее старший брат не остановился бы ни перед чем, чтобы узнать, кто пытался его убить. Кто ограбил его

семью и чуть не забрал его жизнь? Кэнсин бы не успокоился, пока не принес домой головы своих врагов в мешках, обагренных их кровью.

Но ее брату была позволена такая свобода действий. Такая свобода выбора. В конце концов, он получил имя Дракона Кая не потому, что сидел в безопасности в стенах их фамильного поместья.

Он заслужил его на поле боя. Каждым взмахом своего меча.

Если Марико вернется домой, семья быстро осушит ее слезы и отправит обратно. По этому же самому пути. Любое слово о событиях, произошедших в лесу Дзюкай, будет похоронено. Если император, принц или кто-либо из знати узнает, что Марико подверглась нападению во время путешествия в Инако, императорская семья может расторгнуть помолвку. Может заявить, что это несчастье было дурным предзнаменованием. А императорская кровь не могла рисковать подобным.

Не говоря уже о хладнокровном сомнении, которое, несомненно, за этим последует. И перейдет в перешептывания за ее спиной.

Сомнение в целомудрии Марико. Девушка, заблудившаяся в лесу, одна среди убийц и воров. Вопрос, который останется, несмотря на искренние заверения ее семьи.

Марико прикусила губу.

На вопрос, на который она уже ответила в качестве своей мести. В полдень, полный расчетливой ярости. Но если...

Если.

Если бы она узнала правду – если бы узнала, кто послал Черный клан убить ее, – Марико могла бы избавить своих родителей от смущения из-за того, что их дочь была отвергнута. Могла бы избавить их от риска запятнать свой род облаком подозрений.

Мысли начали кружиться в ее голове, медленно разворачиваясь, как змеиные кольца.

Что если Черный клан послал кто-то из Инако? Что если конкурирующая семья из знати устроила это покушение, чтобы разрушить растущее влияние Хаттори?

Если это так, то любой в столице оказывался под подозрением.

Если Марико узнает правду о сегодняшних событиях, то, возможно, она сможет выявить недоброжелателей своей семьи, доказав, что она может принести пользу клану Хаттори не только

заклЮчением выгодного брака. Кроме того, у нее будет несколько дней, а может, и недель, чтобы побродить в свое удовольствие.

Затем она вернется и навеки станет послушной дочерью.

Марико сглотнула. Она почти чувствовала вкус свободы. Его сладкое обещание, дразнящее кончик ее языка.

Прохладный ветерок вновь прорезал воздух, скручивая ее волосы в очередном безумии. Легкий аромат масла камелии наполнил ее ноздри. Оно использовалось, чтобы пригладить ее густые пряди. Чтобы усмирить их.

Как будто напоминая ей: Хаттори Марико не имеет права свободно бродить по Империи Ва.

Девушка из знатной семьи может даже не пытаться сотворить что-то подобное. Не говоря уже о том, что Хаттори Кэнсин был одним из лучших следопытов империи. Как только ее брат обнаружит, что Марико пропала, он определенно начнет поиски. Так было всегда. Хотя Кэнсин был всего на несколько мгновений старше Марико, он заботился о ней – присматривал за ней – с тех пор, как они были детьми.

Ее брат найдет ее. В этом не было сомнений.

В раздражении она провела белым рукавом по лбу. Черная полоса осталась на шелке. От обожженного дерева павловнии, которым подвели ее брови. Марико поскребла испачканный рукав, затем обреченно сдалась: ее минутное счастье не выдержало столкновения с неизбежной правдой.

Ее взгляд упал на лежащий рядом окровавленный вакидзаси. Больше не заботясь о состоянии своего прекрасного нижнего халата, она вытерла кровь о его подол. Испачкав его еще больше. Кровью и черной павловнией.

Это правда, что Хаттори Марико не могла свободно бродить по империи. Но если...

Если.

Марико вытащила нефритовую заколку из последнего кольца волос на макушке. Черные локоны рассыпались по ее плечам, ниспадая до талии водопадом ароматного черного дерева. Она собрала волосы в кулак на затылке одной рукой.

Позже она будет удивляться тому, что совершенно не колебалась. Ни на мгновение.

Марико срезала собранные пряжи одним махом. Потом она встала. Окинув пряжи взглядом, полным мимолетного раскаяния, Марико разбросала их среди колючих кустов терновника, стараясь скрыть их глубоко в тени.

Она чувствовала себя легче; ее плечи расслабились.

Марико взглянула на все вокруг новым взглядом, словно ее глаза могли разглядеть что-то сквозь густую тьму. Увидеть сквозь плотную завесу ночи. Ее взгляд остановился на неподвижной фигуре слева от нее – скрученном стервятнике, которого она недавно убила.

Странно, что она не чувствовала никакой жалости. Ни капли раскаяния.

Кэнсин гордился бы ею.

Она отбилась от нападавшего. При этом она продемонстрировала один из семи принципов *бусидо*:

Храбрость.

Путь воина.

Марико опустилась на колени рядом с лужей запекшейся крови. Одежда мужчины, как и все остальное, была грязной. Воротник его конопляного *косодэ*^[23] был в пятнах от рисового вина и сухого проса, а полотно штанов протерлось.

Но они послужат еще одной цели.

С пугающей ясностью Марико развязала пояс нижнего халата. Позволила ему упасть с плеч на землю. Затем она потянулась, чтобы развязать узел на его *косодэ*.

Хаттори Марико была не просто какой-то девчонкой.

Она была больше этого.

Дракон Кая

Огромный боевой конь медленно шагал сквозь предрассветный туман. Завеса из лиан расступалась перед ним. Другие самураи верхом выступили из темноты, возвращаясь на позиции по бокам коня. Его наездник в тяжелой броне неумолимо вел их вперед. Животное с дикими глазами фыркало через ноздри, и его дыхание сливалось с туманом – два постоянных потока едва сдерживаемой ярости.

Самурай верхом на гнедом коне резко отличался от своего скакуна. Он казался спокойным. Собранным. Его шлем венчали закрученные рога. Спереди красовалась зияющая драконья пасть из полированной стали, покрытая кроваво-красным лаком. Нагрудник его до^[24] был сделан из прямоугольных пластин закаленной кожи и железа. На него был нашит шестиугольный герб с двумя оперенными стрелами в центре, похожими на штрихи. Напротив друг друга. Всегда прикрывая чужой тыл. Всегда сохраняя баланс между светом и тьмой.

Всадники и их кони бесшумно крались сквозь быстро тающую тьму. Утренний туман обнимал копыта лошадей, расступаясь с каждым шагом, пока они следовали через лес Дзюкай. Вперед. Только вперед.

Самурай, возглавлявший отряд, ехал через призрачный лес, внимательно изучая землю перед собой.

Ничего не упуская.

Через некоторое время они вышли на поляну. На ту самую, которую они искали последние два дня. Не так давно прилетевшие стервятники медленно кружили над ними по нисходящей спирали, привлекая их все ближе.

Притягивая их к сцене смерти и разорения.

Перед отрядом самураев раскинулись руины недавно разграбленного богатого конвоя.

Мужчины остановили своих лошадей. Их лидер спешил, не говоря ни слова. Его шаги были такими легкими, что их почти не было слышно. Белый туман клубился вокруг него, пока он беззвучно двигался вперед.

Хотя он мог бы остановиться, чтобы обратить внимание на погибших – на тела пятнадцати самураев, оставленных гнить в этот

бесславный предрассветный час, – лидер отряда с неуклонной целеустремленностью двинулся к куче дерева, которая выглядела как останки недавнего костра. Когда он приблизился к обугленным руинам, в его памяти возникла тень элегантного лакированного норимоно. Самурай поправил мечи на поясе и снял шлем.

Розовый свет только начал пробиваться сквозь деревья за его спиной. Самурай непроизвольно подставил лицо его нежному теплу. Он сделал медленный вдох. Вдох, напомнивший о жизни, которую ему посчастливилось жить. Вдох, напомнивший о хорошей смерти, которая ему была суждена...

На поле боя.

Он был молод. У него было худое лицо. Воинствующее. С заостренной челюстью и глазами чернее смолы. Его волосы были собраны в идеальный пучок, каждая прядь приглажена в элегантной покорности. Пока он осматривал руины, другой самурай в броне подошел к нему, неся остатки обгоревшего *боро*^[25] и шелка – два опаленных знамени, на одном из которых был такой же шестиугольный герб, а на другом – герб императора.

Второй самурай подтвердил его опасения:

– Мне очень жаль, Кэнсин-вакасама^[26], – хотя слова выражали соболезнования, в голосе не чувствовалось сожаления. В его тоне слышалось понятное обещание.

Обещание кровавого возмездия.

Вместо того чтобы ответить на обещание самурая своим собственным, молодой человек в драконьем шлеме даже не взглянул в его сторону. Бесстрастный перед лицом ужасов, учиненных над его собственными людьми – над его собственной семьей, – он взялся за почерневший кусок дерева и дернул его в сторону со зловещей аккуратностью. Тот раскололся, его концы рассыпались в золу в его руках.

Молодой самурай заглянул внутрь.

Внутри лежало обгоревшее тело девушки. То, что осталось от ее кожи, почернело от огня. Продолжая изучать сцену убийства, Хаттори Кэнсин заметил блеск нескольких наконечников стрел, похороненных под останками девушки, и подозрительное темное пятно на полу норимоно. Смолистое. Густое.

Кровь.

Она не погибла в огне.

Он замер.

Затем вновь продолжил свои поиски, его глаза неустанно блуждали. В одном из уцелевших углов богато украшенного норимоно был спрятан небольшой треугольник обгоревшей ткани. Из такой же ткани боро его семья делала свои знамена. Одежда крестьян и служанок также шилась из него.

Он пригляделся внимательнее, вороша угли в поисках новых проблесков правды.

Кимоно Марико. Нигде не было видно даже намека на шелк тацумура, столь отличный от боро.

Взгляд Кэнсина переместился на голую землю под ногами. Он посмотрел влево, затем медленно повернул голову вправо.

Сандалия дзори, почти не замеченная им, лежала на боку в нескольких шагах от норимоно. Она сияла даже в тусклых лучах утреннего солнца. Лакированное покрытие не было испорчено пламенем. Кэнсин подошел к дзори своей сестры и опустился на колени, подбирая ее.

– Мой господин, – нерешительно заговорил самурай за его спиной, – я знаю...

Кэнсин взглядом заставил его замолчать, а затем вернулся к своему делу, продолжая искать глазами. Продолжая охотиться.

Вскоре он нашел то, что искал.

Следы.

Две пары. Одни шли в погоне за другими, следы второго человека заинтересовали Кэнсина гораздо меньше, чем первого.

Первые следы принадлежали женщине в носках таби с раздвоенными пальцами. Следы раненого оленя, бредущего прочь от неминуемой гибели. Была очевидна попытка скрыть их. Но немногие из тех, кто проходил через этот лес, обладали упорной решимостью и неоспоримым мастерством Хаттори Кэнсина. Он знал эти следы. Отпечатки, оставленные в земле, были слишком малы для мужчины. Слишком изящны.

Хотя изящество никогда не было присуще его сестре-близнецу, Кэнсин с той же уверенностью, с которой билось его сердце, понял, что они принадлежат ей. С той же уверенностью, с которой делал каждый вдох. Три дня назад она была жива.

И эти следы вели налево.

Прочь от кровавой бойни.

Не говоря ни слова, Хаттори Кэнсин вернулся к своему боевому коню с дикими глазами. Рожденный стать воином – стать охотником, – он надел драконий шлем и защиту для подбородка, а затем вскочил в смазанное маслом седло.

– Мой господин, – снова запротестовал тот самурай, – хоть это может быть трудно принять, боюсь, очевидно, что госпожа Хаттори...

Кэнсин поднял левую руку. Сжал пальцы в кулак. И отдал своим людям сигнал ехать за ним.

По следам в лес.

Со своего места во главе отряда Дракон Кая медленно ухмыльнулся. С оттенком мрачности.

Его сестра не умерла.

Нет.

Для этого она слишком умна.

Золотой замок

Его Императорское Величество Минамото Масару – прямой потомок богини солнца, небесной покровительницы Империи Ва – потерялся.

В своих собственных садах, ни больше ни меньше.

Но он не беспокоился. Он не настолько потерялся, чтобы встревожиться. Сегодня он намеренно забрел слишком далеко. Ушел подальше от тех, кто кружил вокруг него, как мухи вокруг трупы.

В такие дни, как этот, он частенько намеренно терялся.

Лето медленно сменяло весну. Все вокруг него цвело, воздух освежался легким бризом. Охристый закат золотил воды пруда слева от него. Волны, мягко омывающие берег, рябили, как расплавленный янтарь. Его поверхность была усыпана опавшими цветами сакуры. Бледно-розовые лепестки усеивали синевато-серую воду.

Цветы уже начали умирать. Осыпаться под тяжестью солнца.

Это было его любимое время года. Достаточно теплое, чтобы бродить по императорским садам замка Хэйан, не чувствуя угрозы холода, и в то же время достаточно прохладное, чтобы отказаться от такой обузы, как зонт из промасленной бумаги.

Возможно, сегодня вечером ему стоит рискнуть и отправиться в павильон любования луной. Сегодня небо было необычайно ясным. Звезды тоже, должно быть, будут невероятно яркими.

Он неторопливо прошел по прямоугольным ступеням, окружающим миниатюрную пагоду. Ее многоуровневые карнизы были усыпаны птичьим кормом. Цапля прохаживалась вдоль берега, предупреждая скользящего мимо черного лебедя: *«Держись подальше от моих владений»*.

Император улыбнулся сам себе.

Был ли он цаплей или лебедем?

Его улыбка исчезла так же быстро, как и появилась.

Знакомая трель прорезала тишину за его правым плечом. К нему подлетела ласточка, приземлившись на угол крошечной пагоды, ее крылья были неземного радужно-голубого цвета. Маленькая птичка надула живот и встряхнула перьями, наклоняя голову набок.

Дождаясь императора.

Император сделал два шага к ласточке. Наклонившись ближе, он приблизил левое ухо к ярко-оранжевому клюву. Маленькая птичка прильнула ближе совершенно бесстрашно. Неестественно. Ее знакомая трель превратилась в приглушенный шепот. Мелодичный вздох.

Император кивнул. Ласточка прихорошилась. И через мгновение взлетела с порывом ветра.

Исчезая в облаках в вышине.

Ни на секунду не останавливаясь, Минамото Масару зашагал от берега обратно в сторону своего замка. Спустившись по нескольким неправильным тропам, он наконец увидел самый высокий угол императорского дворца, возвышающийся над деревьями.

В такие солнечные моменты, как этот, император понимал, почему замок Хэйан часто называют Золотым замком. Море позолоченной черепицы переливалось с яруса на ярус медленно спускающимися волнами, ловящими солнечный свет. На каждом изогнутом карнизе располагались резные фигурки журавлей, рыб и тигров. Деревья сакуры росли вдоль дорожек на востоке, апельсиновые деревья окаймляли запад. Крытые галереи, ведущие от здания к зданию, были построены из кипарисового дерева, пахнущего цитрусами, и вымощены аккуратно уложенным белым гравием.

Он остановился, чтобы полюбоваться, как его замок заливают краски заходящего солнца.

Не находи он времени, чтобы насладиться этими видами, вскоре они были бы потеряны для него.

Как слезы под дождем.

Император прошел мимо гранитного монумента, стоящего на пригорке справа от него. Его взгляд остановился на развевающихся знаменах, украшающих четыре угла.

Три цветка горечавки над листьями бамбука. Императорский герб клана Минамото.

С каждым шагом его брови все сильнее хмурились.

Через несколько месяцев наступит праздник Обон^[27]. Ежегодно в этот день все жители империи возвращались в родные края, чтобы почтить память мертвых. Именно по этой же причине императору вскоре предстояло отправиться в Эдо^[28]. Очистить могилы своих предков от сорняков и почтить их едой и питьем.

Но будут ли его праотцы горды его возвращением? Или почувствуют презрение?

Император не мог ответить на эти вопросы. Пока нет. Ибо он еще не совершил всего, что намеревался совершить. Все его величайшие чаяния еще не воплотились в жизнь. Да, это правда, что он прочно удерживал власть над Империей Ва на протяжении всего своего правления. Но это была сумбурная сила – очень похожая на слабо завязанную ленту, концы которой волочатся по земле. Он не совершил и половины того, чего добился его отец, прежде чем передал ему корону; он не расширил и не усилил Империю Ва.

Ему не удалось ничего добавить к наследию своих сыновей.

В действительности кто-то мог сказать, что он оставлял империю даже в худшем состоянии. Гораздо слабее, чем она была раньше. Империю, которая будет поддерживаться теперь сильными сторонами *обоих* его сыновей.

Умом Року.

И силой Райдэна.

Странно, как все дошло до этого. Случилось, несмотря на то, что император пожертвовал столь многим, чтобы дать своим сыновьям больше. Он зашел так далеко, что даже казнил многих своих друзей детства, чтобы те не бросили вызов его власти.

Император снова остановился, как будто ветер выбил воздух из его груди. Он сделал медленный вдох. Горячие, обжигающие клещи крепко сжали его сердце. Он все еще чувствовал его, даже спустя столько времени – вес смертей его друзей всегда будет лежать на нем тяжелым бременем. Постоянным напоминанием. Но он не мог позволить себе раскаяться в своих прошлых решениях.

Это не были легкие решения.

Ни один мужчина не мог открыто бросать вызов императору Ва, даже если бы это было ради исполнения его глубочайших желаний. И его друзья, несомненно, бросили бы ему вызов. Наганори никогда не стал бы молчать, услышав последние указы императора. Его последние попытки упрочить свою власть. Поднять налоги на свои земли. Чтобы собрать то, что ему причитается. Все для того, чтобы совершить свое величайшее завоевание: начать войну за господство над морем и всей его добычей.

Да. Наганори стал бы постоянной проблемой. Он был Асано до мозга костей. Женатый на законе и его всепроникающем чувстве справедливости.

Но, возможно, Асано Наганори удалось бы вовремя взять под контроль.

Если бы не другие... что сгибали шеи менее охотно.

Такэда Сингэн.

Облако желтых бабочек пролетело над белым гравием перед ним. Вихрь воздуха подхватил их, закручивая и разворачивая внутри себя, как бьющееся сердце.

Нет. Друзья детства императора были бы слишком большой проблемой.

Лучше пусть его совет будет небольшим.

Лучше пусть это будут лишь члены его семьи. И больше никто.

Он прошел сквозь облако бабочек, заставляя их в панике разлететься.

Увы, смерть его друзей не положила конец перешептываниям у его ног. Ропоту тех, кто предпочел бы видеть человека с военными навыками у штурвала империи. Особенно в последнее время, когда император начал замечать, что пышность и величие императорского двора бледнеют. Блекнет свет чрезмерной роскоши. Ненужного излишества.

Понимание сжало ему горло. Запульсировало в ушах. Величие двора было тем, что он хорошо знал. Это было величие его сына, наследного принца Ва, Минамото Року. Второго по рождению, но первого в очереди на трон.

Дело было в отсутствии величия у другого его сына, Райдэна. Первенца.

Но которому было не суждено править.

Действительно, Судьба была переменчивым зверем.

– Вот вы где, мой государь.

При звуке этого голоса императора охватило тепло. Движение, начавшееся в его костях и дошедшее до кончиков пальцев. Утешение возлюбленной. Об объятиях которой ему никогда не приходилось просить.

Но он не обернулся на оклик.

Хрипловатый женский голос добавил:

– Я так и думала, что найду вас здесь.

Он не обернулся. Императору не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть ее лицо. Ее образ навсегда запечатлелся в его памяти. Это было лицо женщины, которую он любил всю свою жизнь. Матери его старшего сына Райдэна.

Не его императрицы. Не его жены. Но женщины, владевшей его сердцем.

Она была здесь. С ним. Хотя ему не удалось сделать ее своей императрицей, она осталась рядом с ним как его императорская супруга^[29]. Была рядом с ним и ни о чем не спрашивала.

– Ты хорошо меня знаешь, Канако, – сказал он, не глядя в ее сторону.

– Да, – ее смех был похож на музыку мягкого *сямисэна*^[30]. – Так и есть.

Наконец он повернулся к ней. Время не изменило ее так, как его. У нее была стройная фигура, а кожа гладкая, как слоновая кость. Она все еще была красива. Он всегда считал ее красивой. С того момента, как увидел, как она создает животных из материи теней, он понял, что она самая прекрасная женщина, которую когда-либо видел.

Тогда они еще были молоды. Ненамного старше его детей. И он до сих пор любил ее. А она до сих пор любила его, даже когда отец заставил его жениться на другой молодой женщине. Из богатой семьи, владеющей миллионом *коку*^[31].

Император не дотронулся до Канако, хотя и желал этого. Даже сейчас было невозможно определить, кто мог наблюдать за ними. Какие слуги докладывали какому хозяину.

Или какой любовнице.

Никто не имеет права видеть императора в минуту слабости, какой бы незначительной она ни была.

Цветы рядом стоящего дерева сакуры клонились в их сторону. Канако смахнула своими тонкими пальцами ливень лепестков, ловя несколько в хватку магии. В вихрь колдовства. Почти рассеянно она заставила лепестки закружиться в медленные водовороты. В формы. Сначала дракон. Потом лев. Затем змея.

Завороженный император смотрел, как змея пожирает льва. Канако улыбнулась, ее губы изогнулись мягким полумесяцем.

– Моя маленькая ласточка принесла вам свою весть? – тихо спросила она, позволяя змее крутиться между пальцами.

Император кивнул. Ждал, чтобы услышать больше из того, что он жаждал.

– Дочь Хаттори Кано не могут найти, – продолжила она. – Она должна была прибыть сюда две ночи назад. Поговаривают, что ее конвой попал в засаду около леса Дзюкай. – Пауза. – Засаду Черного клана.

Он продолжал ждать.

Канако позволила лепесткам улететь:

– Пока неясно, жива ли девочка.

Хотя его челюсть дернулась, император осторожно кивнул. Затем он продолжил путь к своему замку.

– Ты сказала нашему сыну? – спросил он на выдохе.

– Еще нет. – Канако искоса взглянула на него, ее серо-голубое шелковое кимоно развевалось волнами у ее ног. – Пока мы не решим, что следует сказать. Что следует сделать.

Они обогнули поворот дорожки из белого гравия. Перед ними утопал в цветах павильон императрицы. Император мог услышать хихикающие женские голоса и неизменную снисходительность, пронесшуюся по рядам бесчисленных компаньенок его жены.

«Император гуляет по саду со своей шлюхой-ведьмой».

«Снова».

Он сдержал презрительную усмешку. Не показал вообще никакой реакции. Эти глупые женщины не знали ничего иного. Они были причиной того, что его правление было запятнано пятном слабости. Излишества. Все эти слащавые молодые знатные дамы и их семьи, вечно цепляющиеся за благосклонность.

Император должен был стереть это пятно. Он должен был совершить нечто, достойное его клана. Теперь он понимал – отчетливее, чем когда-либо, – как сильно ему нужна была сила обоих его сыновей, чтобы добиться этого. Неважно, насколько невероятным это казалось. Неважно, насколько маловероятно, что его жена согласится.

Ее прекрасному, послушному Року никогда не позволят работать вместе с сыном шлюхи-ведьмы.

Когда взрыв женского смеха рядом привлек его внимание, взгляд императора метнулся к крытой галерее через двор. Развевающееся розовое кимоно императрицы растеклось по белому камню, когда она низко поклонилась, а затем развернулась и пошла прочь, прежде чем он успел поймать ее взгляд.

Прежде чем он смог увидеть боль в ее глазах.

Замерший император смотрел, как его жена уплывает от него с напряженной спиной и хихикающими приспешниками в ее тени.

– Что с моей женой? – тихо спросил он Канако.

Колебание.

– Она знает. – Резкость в ее голосе могла прорезать сталь.

Император выпрямил спину. Собрал волю в кулак.

– Так значит, начало положено.

Оправданный риск

«Безрассудная». Это не то слово, которым другие часто называли Хаттори Марико.

Когда она была помладше, чаще с ней ассоциировалось слово «любопытная». Она была наблюдательным ребенком. Таким, который осознает каждый промах. Если Марико ошибалась, это обычно было намеренно. Попыткой разрушить барьеры. Или желанием учиться.

Обычно это было последнее. Стремление узнать больше.

Когда она выросла из любопытного ребенка в еще более любопытную девушку, слово, которое она чаще всего слышала за спиной, было «странная». Слишком странная. Слишком любит задавать вопросы. Слишком склонна заходить туда, где ей не положено быть.

Тот тип странности, который не принес бы ей – и ее семье – ничего, кроме неприятностей.

Она вздохнула про себя. Если все те, кто критиковал ее, увидели бы ее сейчас, они бы с радостью подтвердили, насколько оказались правы. Они бы обрадовались, увидев ее в столь бедственном положении.

И правда, то, что собиралась сделать Марико сегодня вечером, было глупо. Но ничего не поделаешь – она уже потеряла почти пять дней. Пять дней драгоценного времени, особенно если учесть, что Кэнсин шел за ней по пятам. Марико несколько раз возвращалась назад по своим следам. Даже преднамеренно уходила не туда.

Но ее брат скоро найдет ее.

И после пяти дней скитаний по деревням и заставам вдоль самой западной окраины леса Дзюкай – пяти дней тихих расспросов – и обменяв изысканную нефритовую заколку для волос, подаренную ей матерью, Марико наконец нашла ее прошлой ночью.

Излюбленную стоянку Черного клана.

«Вернее, так утверждала старая карга две деревни назад».

Добившись этой трудной победы, Марико весь вечер пряталась за ближайшим деревом в двух шагах от того места, где она сейчас сидела. Пряталась и думала, как лучше всего воспользоваться новообретенной

информацией. Как лучше всего применить ее, чтобы вызнать, зачем банду головорезов послали убить ее по пути в Инако.

Когда прошлой ночью здесь не появился ни один человек в черном, Марико пришлось смириться со второй, более жестокой правдой: та старая карга вполне могла просто обмануть ее ради бесценной шпильки.

Но если бы Марико не попыталась, она бы никогда этого не узнала.

Это был эксперимент, а эксперименты всех видов интриговали ее. Они предлагали способ почерпнуть знания. Использовать их – придать им форму, изменить их – вот все, что ей нужно.

И это был эксперимент иного вида. Другой способ сбора информации. Хотя, безусловно, глупый и способный привести к катастрофическим последствиям.

Упомянутая стоянка оказалась не такой грандиозной, как представляла себе Марико.

«Что имело свой смысл. В конце концов, это не один из легендарных домов гэйко^[32] в Ханами».

Она улыбнулась про себя, меняя свое первоначальное впечатление. В пользу фактов.

Находящаяся в отдалении от фермы стоянка утопала в вони отходов и промозглой речной воды. Грязь просачивалась между бесформенными каменными плитами, ведущими к обветшалому навесу. Постройка была сделана из гнилого кедра и бамбука, посеревшего на солнце до цвета камня. Несколько шатких скамей и квадратных столов образовывали круг на расчищенной земле вокруг навеса. Небольшой огонь поднимался из покосившейся кирпичной печи, которая служила единственной стеной этого строения. Бамбуковые факелы окружали поляну, заливая все теплым янтарным светом.

По правде говоря, в стоянке было свое некое очарование, несмотря на запах, который Марико никогда не сочла бы приемлемым, проживи она хоть целую вечность. Хаттори Марико прожила жизнь, по большей части презирая шелка и роскошь, которые давало ее положение, и было некое восхитительное утешение в том, что больше не нужно было делать вид, что ей нравится что-то, что всегда казалось ей таким чуждым.

Она сторбилась еще сильнее на своей скамье. Беззастенчиво почесала плечо. Уселась, широко расставив ноги. Заказывала все, что хотела, не раздумывая. И встречала взгляд каждого мужчины, обращающегося к ней.

Марико ждала уже четыре часа. По прибытии она заказала одну маленькую глиняную бутылку саке и потягивала чуть теплое рисовое вино из треснутой пиалы, наблюдая, как солнце склоняется за горизонт.

Теперь уже стемнело; день уступил место созданиям ночи, выползшим из своих нор.

Увы, те существа, которых искала Марико, не отличались пунктуальностью.

Она затрясла коленом под низкой доской из кривого дерева. Грубая столешница лежала на четырех неровно срезанных стволах деревьев. Если она слишком сильно наклонялась к одному концу, вся конструкция раскачивалась, как ее старая няня, бредущая на ветру. Слева от нее лошади пили из большого куска парусины, подвешенного на бамбуковых шестах, воткнутых в землю.

Поилка, построенная как для животных, так и для их пьяных нош.

«Кстати говоря, где они?»

Чем больше времени проходило, тем больше нервы Марико были на пределе.

Медяков, которые она выиграла у пьяного крестьянина в сугороку^[33] две ночи назад, не хватит ей до завтра, если Черный клан не появится. Возможно, сегодня вечером ей придется выманить деньги у кого-нибудь еще. Однако – хотя она и начинала понимать необходимость и ценность этого умения – Марико не обладала истинным пристрастием к воровству, даже проявляя к этому определенный талант.

Ловкость рук. Но мало чести.

То же самое воровство, из-за которого она высмеивала того человека в лесу.

Прежде чем убила его.

От воспоминаний у нее защемило внутри. Омыло щеки неподобающей бледностью. Не от раскаяния, поскольку его она не чувствовала, а скорее от жестокости самого этого действия. От хладнокровности, с которой она отняла жизнь. Это не давало ей

спокойно сидеть в подобные тихие минуты размышлений. Ей было некомфортно в собственной коже.

Она сделала еще один глоток sake и подавила гримасу. Несмотря на его согревающее действие, Марико никогда не любила вкус крепкого рисового вина. Она предпочитала охлажденный *умэсю*^[34] с его кисло-сладким сливовым вкусом. Но путешествующий солдат или бродячий крестьянин вряд ли стал бы заказывать подобное. Особенно на стоянке с подветренной стороны вонючей фермы.

Марико подняла глаза вверх. И глубоко вздохнула. Хотя ее и окружала неизвестность, это же чувство нахлынуло на нее свободой, буйной и пьянящей. Несмотря на мусор вокруг, нельзя было отрицать, что эта часть леса Дзюкай была прекрасна. Кружевные красные клены окаймляли опушку леса, со всех сторон окружая стоянку, словно мать, обнимающая ребенка. Аромат кленов наполнял воздух. Более земляной, чем острый вкус сосны. Рядом с навесом росла ива, ее поникшие ветки с непрестанной лаской стирали пыль с разбитой крыши.

Марико всегда находила ивы глубоко печальными. Но при этом невероятно прекрасными.

Как только она заметила, что ветки ивы начинают новый танец – медленное раскачивание волн, – позади нее послышался внезапный всплеск движения.

Она повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как пожилой мужчина, который топил покосившуюся печь, вышел из ее тени, вытирая руки о льняную ткань, свисающую с его талии, чтобы убрать остатки золы.

– Ранмару-сама! – воскликнул он, широко улыбаясь и сверкая глазами. – А я все думал, куда вы пропали в эти последние несколько дней.

Высокая фигура, полностью одетая в черное, подскочила к пожилому мужчине и заключила его в теплые объятия. Когда голова вновь прибывшего повернулась, Марико успела разглядеть его черты.

Это был юноша ненамного старше ее!

Но его одежда была безошибочно узнаваема – черная от подбородка до кончиков пальцев ног. Даже его соломенные сандалии и тонкие носки были выкрашены в черный.

Покалывающее осознание пронеслось сквозь нее. Теперь Марико была почти уверена: она нашла члена Черного клана.

Члена банды, пытавшейся ее убить.

Ярость горячим порывом вспыхнула под ее кожей. Она крепко сжала зубы, заставляя себя оставаться неподвижной. Гнев был безрассудной эмоцией. А ей нужны были все ее силы, если она намеревалась одолеть этого юношу.

Еще больше людей в черном присоединилось к нему. Все они были без масок и сдержанны. Их неторопливый шаг говорил о них, как о тех, кому не о чем беспокоиться. Шаг пантер, сытых после недавней охоты. Еще один молодой человек и девушка, каждый не старше двадцати лет, поспешили за пожилым мужчиной, неся глиняные кувшины с саке и множество маленьких пиал, некоторые из них сильно потрепаны.

Любопытство вспыхнуло вслед за горячей яростью, все еще бурлившей в жилах Марико.

Она изо всех сил старалась не смотреть в их сторону. Чтобы создать впечатление, что ей неинтересно. Если кто-то из членов Черного клана заподозрит, что она ждала их, для нее это ничем хорошим не закончится.

Если бы кто-то заподозрил, что последние две ночи она тщательно готовилась.

Неожиданное понимание дало ей возможность вздохнуть с облегчением. Если бы Черный клан думал, что кто-то идет по их следу, он бы не пришел сюда сегодня ночью. Но Марико все равно приложила дополнительные усилия, чтобы не привлечь чье-либо внимание. По мнению банды, на круглой поляне, на их любимой стоянке, этой ночью собрались двое пожилых мужчин, играющих в Го^[35], один неряшливый молодой пьяница, храпящий за своим столом, и какой-то грязный крестьянский мальчишка не старше четырнадцати-пятнадцати лет, с отвращением глотающий теплое саке.

Действительно, здесь не было заметно ни одной угрозы.

Прикрываясь очередным глотком саке, Марико украдкой наблюдала, как люди в черном заняли свои места за столами, ближайшими к навесу. Ее глаза блуждали с задумчивой медлительностью. С намеренной ленцой.

«Я тростник в реке, сгибающийся и плывущий по течению. На данный момент».

Что-то пронеслось мимо нее, спутав ее попытки оставаться неприметной.

Это был последний отставший. Она не разглядела его черт, когда он проскользнул мимо, но заметила несколько примечательных вещей. В отличие от других членов Черного клана, его волосы до плеч были распущены. Он выглядел неопрятно. Отказался от традиционного пучка воина. Он также не носил меч. На первый взгляд казалось, что у него вообще нет при себе оружия.

Этот отставший не оказал теплого приветствия никому из присутствующих. Никто не выбежал из-под навеса, чтобы предложить ему объятия и бутылку саке. Вместо этого он быстро уселся на скамью и поправил капюшон, пряча лицо. Сложив руки на груди, он замер на некотором расстоянии от остальных.

«Человек с очевидной репутацией».

При звуке смеха глаза Мариико снова метнулись к первому юноше. Тому самому, которого пожилой мужчина назвал Ранмару. Часть ее хотела сесть ближе. Оказаться в пределах досягаемости. Но осторожность требовала, чтобы она держалась подальше.

Юноша сидел так же, как и стоял – прямо как стрела. У него была мощная квадратная челюсть и широкие губы. Хотя он был гладко выбрит и улыбался – странно приветливо для предполагаемого наемника, – от него все равно отчетливо исходило ощущение силы. Очевидной силы, как у мощного подводного течения. Такого, которое может за мгновение затянуть вас в свои глубины.

Ранмару встал, шепотом переговариваясь с пожилым мужчиной, который кивнул и так же украдкой ответил.

Затем Ранмару снова занял свое главное место за шатким низким столиком в центре поляны. Мариико наблюдала, что даже пока он продолжал говорить с людьми в черном, собравшимися вокруг него, он передвигал свою скамью, устанавливая ее со всей внимательностью. Внимательностью, которая ставила под вопрос бессознательный смех, срывающийся с его губ.

«Он ставит скамью так, чтобы он мог заметить, если кто-то или что-то попытается незаметно приблизиться к нему».

Несмотря на свой возраст, он был умен. Чрезвычайно бдителен. Черта, которую Мариико ценила в себе. Она наклонилась, пытаясь связать голоса присутствующих с теми, что были в ее памяти.

Пытаясь подтвердить, что ее подозрения верны.

Остальные мужчины, одетые в черное, заняли свои места, окружив Ранмару, их глиняные бутылки и пиалы наполнялись снова и снова через равные промежутки времени. Глядя из-под опущенных ресниц, Мариико также заметила, что – хотя он продолжал пить и шутить вместе со всеми – глаза Ранмару постоянно находились в движении.

Глаза, которые вскоре посмотрели на нее.

Мариико была поражена тем, каким опрятным и чистым он выглядел. Каким... приличным. Совсем не похожим на члена печально известной банды воров и убийц. Хотя его внимание задержалось на ней не более чем на мгновение, слабый румянец пополз по ее шее. Вскоре этот румянец коснулся висков, и Мариико тут же осознала, что ее пальцы опасно сжали маленькую пиалу саке.

Очередная волна гнева. Смешанная с тем же странным любопытством. Она снова боролась с желанием оказаться в гуще событий. Потому что было гораздо безопаснее оставаться начеку и поодаль.

Если Ранмару действительно был главарем Черного клана, то именно этот юноша был ответственен за нападение на конвой Мариико. За смерть Тиё и Нобутады и бесчисленное множество других жизней, потерянных в темном лесу всего пять дней назад.

Она поднесла саке к губам и зажмурила глаза. Хотя Мариико точно знала, что не выглядит угрозой, она не могла позволить кому-либо из членов Черного клана задерживать на ней взгляд слишком долго. Изучить ее и обнаружить врага. Или, что еще хуже, найти приз.

«Сосредоточься на поставленной задаче. Но никогда не забывай».

Теперь наступала самая трудная часть.

Теперь пришло время претворить ее размышления в жизнь.

Мариико провела бóльшую часть последних ночей, свернувшись под шерстяным одеялом. В планах, подернутых дымкой гнева. Последние несколько дней она вела жизнь бедного бродяги. И хотя было до странности умиротворяющим не отвечать ни перед кем, кроме

себя, она продолжала ясно помнить свою цель. Каждую ночь она делала осторожные вдохи под своим одеялом, пахнущим железом и грязью, а на ощупь кажушимся еще хуже. Один из многих предметов, которые она украла из конюшни уютной фермы в соседней провинции.

Попона для лошади. Из конюшни.

Она забралась на ее чердак и уснула среди несвежих стогов сена. Единственный раз, когда Марико сделала паузу в своих поисках стоянки Черного клана, было, когда она стирала украденную одежду в ближайшем ручье, оттирая засохшую кровь и затхлый запах пота, пока костяшки пальцев не стерлись до крови.

Все ее усилия вели к этому. Ради этого она рискнула всем.

Поставила все на свою способность расположить к себе Черный клан. Угостить одного из самых низших его членов едой и питьем, подружиться с этим несчастным, чтобы перейти к более крупной добыче. К тому, кто мог бы указать Марико направление, в котором она столь отчаянно нуждалась ради сохранения неприкосновенности чести своей семьи и доказательства своей ценности за пределами брачного рынка.

Доказательства, что ее ценность выше, чем у простой девушки.

Конечно, все зависело от того, что Черный клан никогда не узнает, что на самом деле она была его предполагаемой мишенью. Все это было невероятно пугающим. До мрачности увлекательным.

Ее родители были бы в ужасе.

Кэнсин, несомненно, не одобрил бы это.

Марико продолжала внимательно изучать Черный клан. Группа из двадцати или около того мужчин всех возрастов окружала Ранмару – юношу, в котором она подозревала их главаря, несмотря на то, что он был удивительно молод. На это указывало все: от его естественного поведения до их естественного почтения.

Она расправила плечи и хладнокровно оценила присутствующих, сосредоточив внимание на самых сговорчивых: самых молодых и самых старых членах банды.

Тех, что скорее всего больше всех нуждаются во внимательном собеседнике.

Справа от Ранмару стоял одноногий мужчина средних лет, балансирующий на грубой искусственной конечности. Увы, этот человек не был хорошей целью: он тоже казался слишком

наблюдательным, его пальцы барабанили по любой твердой поверхности в пределах досягаемости. На одном бедре у него крепилось несколько маленьких ножей разного размера и формы. На другом висел мешочек, из складок которого выглядывали высушенные листья. Повар, рискнула предположить Марико. Или местный отравитель Черного клана. Как бы то ни было, ей требовалась гораздо более сговорчивая цель, чем он. Все повара, которых Марико встречала за свою короткую жизнь, старались подмечать даже самые незначительные детали. Стремилась понять основную составляющую всех вещей.

Другой юноша, помладше, примерно ее возраста, тоже был неподходящим вариантом. Он двигался хаотично, нерешительно отираясь с краю, верхушка его в остальном безупречного пучка торчала дыбом. Его глаза смотрели на остальных как-то мрачно. Почти свирепо. Все еще оглушенная прошлым, Марико не была готова и не хотела выслушивать его.

Отставший парень, спящий на скамье, вероятно, был самым достойным выбором. Если бы она смогла убедить его выпить, что при нынешнем раскладе казалось маловероятным. Его грудь вздымалась и опускалась в ритме полного расслабления. Возможно, только упавшая с неба наковальня смогла бы разбудить его. А может, и у нее бы не вышло.

С краю другой молодой член Черного клана изучал листья на ближайших деревьях с таким спокойствием, что Марико была уверена, что он вышел прямо из истории, которую ей когда-то рассказывала мать, – сказки о мальчишке, который плыл по небу, подхватываемый ветром с помощью зонтика из промасленной бумаги. Его лицо было гладким и блестящим, почти как галька, мерцающая под поверхностью ручья.

Марико так стремилась разузнать как можно больше о присутствующих, что не заметила, как пожилой мужчина навис над ней, пока тот не склонился почти к уровню ее глаз, а от его морщинистой кожи исходил запах горящих углей.

– Еще одну? – грубо спросил пожилой мужчина. Оказалось, что его доброжелательность относилась только к Ранмару и его банде головорезов.

– Я... – Марико сделала паузу, чтобы прочистить горло. Чтобы понизить тон своего голоса. – Да.

Мужчина поджал губы, отчего вокруг его рта образовались расходящиеся линии, делая его похожим на осуждающую клетку.

– Вы в этом точно уверены, молодой человек?

Марико тут же приняла, как она надеялась, очевидно мужскую позу. Она вытянула позвоночник. Склонила шею вправо, как будто смотрела себе под нос. В этот благословенный момент она была рада тому, что выше большинства девушек своего возраста. Рада, что не была такой хрупкой.

– Конечно, уверен. Разве ваше дело не в том, чтобы продавать вино?

– Тем, кто любит выпить, да. – В глазах старика вспыхнул озорной блеск.

Марико моргнула:

– А я и люблю. – Боковым зрением она заметила, как юноша со свирепыми, почти убийственно смотрящими глазами приблизился, выражение его лица было напряженным.

Старик расхохотался:

– В тебе, может, и много воды, парень, но это не делает тебя хорошим сказочником. Твои губы плохо складывают слова. Они не принимают ту форму, что должны. Тебе следует больше практиковаться.

Вода? Ей всегда не хватало текучести, чтобы быть водой. Природной грации. Ее мать утверждала, что в ней слишком много земли. Что она была слишком приземленной. Слишком упрямой. Почти как камень, наполовину похороненный под землей. Если Марико и могла принимать форму чего-то помимо земли, то это ветер – временами разрушительный и всегда невидимый.

Ни дня в своей жизни она не была водой.

– Вы ошибаетесь, – хрипло сказала Марико. – И насчет воды, и насчет выпивки.

– Акира-сан редко в чем-то ошибается.

Марико замерла. Сначала она не хотела оборачиваться. Потом передумала.

Сейчас не время для нерешительности любого рода. *«Смерть следует за нерешительностью, словно ее искривленная тень».* Это

слова ее брата. Она слишком часто прислушивалась к голосу осторожности.

Хотя она не смогла сразу связать этот голос с кем-то из своих воспоминаний о той ночи, Мариико знала, что он принадлежал лидеру Черного клана. Ранмару.

«Далеко не самый податливый член банды. Но если я смогу упростить себе жизнь и не искать обманом его благосклонности...»

В то мгновение, когда Мариико повернулась к нему лицом, Ранмару оказался в поле ее зрения. Она снова ощутила упругую силу, словно спираль, готовую развернуться.

– Если Акира-сан говорит, что ты вода, значит, ты вода, – продолжил он.

Правое плечо Мариико приподнялось, подражая Кэнсину, когда тот не хотел отвечать на ее постоянные вопросы. Она оставалась внешне равнодушной, хотя ее пульс участился, стуча в горле.

– Если это принесет мне еще одну бутылку саке, я готов быть и водой.

Он многозначительно улыбнулся.

– Позволь мне. – Он протянул руку в сторону, даже не взглянув по сторонам. Мальчик с торчащим пучком и свирепым взглядом передал ему свою бутылку спиртного прежде, чем Мариико успела моргнуть.

«Почему они так неукоснительно подчиняются ему?»

Ранмару наклонился ближе, и Мариико уловила слабый запах сосны и стали. Твердыми руками он налил тонкой струйкой рисовое вино в ее пиалу. Руками, которые были удивительно чистыми. Руками, от которых Мариико захотелось спрятать собственные грязные пальцы в складках несуществующего кимоно.

Как только это осознание пришло к ней, Мариико восстала против него. Восстала против побуждения вести себя как приличная молодая девушка, какой ее вырастили. Дрожащими руками она подняла пиалу в приветственном жесте, а затем одним глотком осушила ее содержимое.

Конечно, в следующий момент она закашлялась от жара. Надрывно, неприятно. Мужчины за спиной Ранмару разразились хором хриплого смеха. За исключением мальчика с убийственными глазами. Мариико содрогнулась при мысли о том, что он мог бы найти забавным.

Коробку с парализующими скорпионами? Банку с ядовитыми змеями?

– Этот коротышка не может справиться с собственной выпивкой, – выдавил сквозь смех дородный мужчина с руками размером с сосновую ветку и в косодэ из полированной черной кожи. Несмотря на оттенок веселья, взгляд, который он бросил на нее, граничил с пренебрежением. Безразличием.

В ней снова вспыхнуло беспокойство. Если Черный клан сочтет ее недостойной своего внимания, Мариико потеряет эту драгоценную возможность расположить к себе их главаря.

Лидера мужчин, обвиняемых в попытке ее убить.

Но она не умела с легкостью притворяться кем-то другим. И она не умела пить. Она также не была опытным бойцом. На первый взгляд она вообще не была опасным врагом. Мариико была... странной. Любопытной. Умной. Возможно, слишком умной, как всегда говорил ее отец. Эти слова никогда не были комплиментом, хотя она всегда принимала их за таковой.

Но, возможно, так было даже лучше. Эти мужчины не хотели бы видеть Мариико странной, любопытной или умной. Это были черты, которые подстегнули бы беспокойство насчет любого незнакомца. Возможно, лучше было бы, если бы она оделась кем-то другим. Одним из тех неуклюжих дураков, что отчаянно нуждаются в руководстве. Отчаянно нуждаются в указаниях прославленного Черного клана.

Что угодно, лишь бы они оставались у нее на крючке.

Мариико отставила свою пиалу, затем откашлялась, постукивая по груди и заставляя нервы успокоиться. Она робко улыбнулась Ранмару.

– Недавно я ушел из дома, чтобы поискать счастья в дороге. Но я еще недостаточно времени провел в подобных местах. Я очень благодарен за выпивку. Позвольте мне вернуть должок? – Ее улыбка стала шире. – Тогда, возможно, я смогу научиться у вас, как лучше наслаждаться такими вещами.

Ранмару смотрел, как Мариико снова наполняет свою пиалу, его взгляд был задумчивым, а широкие губы поджаты в одну сторону.

– Хотя обычно я бы...

В этот момент в подлеске на опушке леса раздались громкие шаги, нарушив мир в кленовой роще напротив.

– Такэда Ранмару! – Громадный мужчина, почти на три головы выше всех присутствующих, крикнул в ночное небо. – Я больше не собираюсь мириться с этим оскорблением ни дня!

Ранмару выпрямился. Люди за его спиной молча встали. Неподвижно замерли.

Мгновение прошло в тишине. Мгновение, пронизанное напряжением. То, что предназначалось для того, чтобы склониться перед мечом.

– Тогда, ради бога, излагай свои жалобы. – Улыбка Ранмару была широкой. Безмятежной. – И тогда мы *оба* ответим за последствия.

Упасть вперед, чтобы продолжать двигаться

Такэда.

Марико знала эту фамилию.

Она пронеслась сквозь ее сознание, вызывая в памяти поблекшее воспоминание.

Воспоминание о безмолвно плачущем в небеса мальчике посреди обагреной кровью площади.

– Последствия? – С выражением насмешливого недоверия огромный мужчина шагнул к Ранмару. Гром в его голосе разметал воспоминания Марико, прежде чем они успели окончательно обрести форму.

В своей мясистой правой руке великан держал огромный *канабо*^[36]. Он взмахнул гигантской дубинкой в свете ближайшего факела.

– Ты думал, я не узнаю, что это был ты? – Металлические шипы на одном конце *канабо* тускло блеснули. – Неужели ты думал, что мы не придем искать возмездия? – Он кивнул на людей за своей спиной. На их разнообразное оружие. Эти люди были именно такими, какими Марико представляла себе толпу головорезов. Бородатые. Немытые. Неотесанные.

Полная противоположность Черному клану.

На самом деле Марико поставила бы все свои медяки – даже целый золотой *рѐ*^[37] – на то, что заблудшая душа, которую она убила в лесу пять дней назад, могла знать этих незваных гостей.

Возможно, была даже хорошо с ними знакома.

Ее беспокойство резко усилилось. Она оглянулась на Черный клан. Внутри нее продолжалась безмолвная война: одна половина желала оставаться в гуще событий, а другая хотела наблюдать издалека.

Ранмару был все таким же расслабленным. Его руки висели по бокам, его поза казалась спокойной. Как будто великан с шипованной

дубиной не ступил в его мир, намереваясь избить его до кровавого месива.

– Ты слышал меня, ронин?^[38] – Гигант выплюнул последнее слово, швырнув его в воздух будто ядовитое проклятье.

Ронин.

Еще больше разбросанных кусочков воспоминаний соединились в сознании Марико.

Вот причина надлежащего, почти благородного поведения Ранмару.

Такэда Ранмару был самураем без хозяина. Или сыном попавшего в немилость самурая из знатного рода. Он был частью мира Марико – или когда-то к нему принадлежал. Судя по его возрасту, это не могло быть давно.

И снова перед глазами возник образ мальчика ненамного старше ее, стоящего рядом с коричневыми от крови камнями. Затем он расплылся, словно отражение, плывущее по пруду.

Марико прищурилась, глядя на ронина. Внезапная мысль заинтриговала ее своей нелепостью.

«Благородный вор. Наемник самурайского происхождения».

Хотя Ранмару продолжал казаться невозмутимым, она увидела, как его правая рука дернулась, как будто ему не терпелось схватиться за меч.

– Я услышал тебя. – Ранмару отклонился назад на пятки – вновь показывая спокойствие, – его слова были насмешливым заявлением. – Оба раза, ты, неуклюжий гигант.

Великан фыркнул. Он снова взмахнул своим канабо. Тот разрезал воздух с пронзительным свистом.

С несомненной угрозой.

Марико еще ниже сползла на своей скамье.

Все это не закончится хорошо.

Ей следует уходить. Меньше всего ей хотелось стать сопутствующей потерей в потасовке в таверне. Но этот проклятый мальчишка с убийственным взглядом продолжал пристально смотреть на нее. Ей было трудно трезво мыслить.

Мужчины, ранее стоявшие позади великана, выстроились в линию, вставая плечом к плечу по обе стороны от своего главаря. Оружие каждого было покрыто слоями засохшей крови.

Они... явно не были настроены на переговоры. Марико уловила отчетливый звук всасываемого сквозь зубы воздуха, словно в предвкушении острых ощущений. Когда ее взгляд упал на одного из ближайших к ней головорезов, она осознала, что это за чувство, хотя раньше лишь слышала о нем.

Кровожадность.

Голод, который нельзя утолить ничем, кроме убийства.

Ее сердце застучало быстрее.

Ранмару вздохнул. Марико отметила, что, хотя его люди и не шагнули вперед в ответ на угрозу великана, многие взяли за свое оружие. Готовые и жаждущие нанести удар. Защитить своего главаря. Самурая без хозяина.

Ронина.

«Странно, что к ронину относятся с такой преданностью. К парню, который за деньги готов убить невинную девушку».

Она сделала медленный вдох, замедляя скорость своего пульса. Ее решимость вновь окрепла. Закалилась, как сталь в несколько слоев, обретающая форму вновь и вновь под раскаленным пламенем в течение бесчисленных дней и ночей.

До тех пор, пока ничто не сможет сломать ее.

«Я буду тростником в потоке. Тростником из многослойной стали».

Даже если люди Ранмару считают его достойным восхищения, Марико *никогда* так не подумает.

Тиё.

Нобутада.

Этот юноша заслужил, чтобы его подвесили вниз головой и утопили в бухте Эдо. Опозоренным, выставленным на всеобщее обозрение.

Как только эта идея сформировалась в ее сознании, одноногий мужчина, ранее стоявший справа от Ранмару, встал между юношей и неуклюжим гигантом, кладя свои беспокойные кончики пальцев на рукоять кинжала. Еще несколько человек перестроились, чтобы скрыть своего главаря от глаз чужаков. Чтобы принять на себя любые удары, которые могут предназначаться ему – с верностью самурая своему господину. Как бы Марико ни старалась, она не могла понять, откуда такое почтение.

Особенно среди убийц и воров.

Пока члены Черного клана готовились к битве, Мариико вспомнила слова своего наставника. Он был ученым из Кисуна, хорошо разбирающимся в алхимии и металлах. Любителем античной философии.

Однажды зимним днем, когда им было по десять лет, Мариико услышала слова наставника, сказанные Кэнсину, которые глубоко запали ей в сердце. Которые заставили ее в недоумении ворочаться без сна бóльшую часть ночи после.

«Иногда нам приходится падать вперед, чтобы продолжать движение».

Тогда Мариико не поняла смысла. Только недавно она начала осознавать его.

Если оставаться неподвижным – оставаться непоколебимым, – то это все равно что умереть.

«Смерть следует за нерешительностью, словно ее искривленная тень».

Падай вперед. Продолжай двигаться. Даже если сначала тебе придется подняться на ноги.

Вот что, должно быть, сделал этот молодой ронин. Упал вперед, чтобы продолжить движение.

Прямо в варварскую жизнь.

Разгоряченный обмен оскорблениями вырвал Мариико из мыслей. Мужчины с обеих сторон подошли ближе. Сократили расстояние еще больше. Люди гиганта впадали в медленное безумие.

Заряд собрался на поляне. Похожий на то чувство перед летней грозой. Вспышка света, расчертившая ночное небо. Всплеск магии, пронзающий воздух.

Когда великан сделал угрожающий шаг в сторону Ранмару, все члены Черного клана одновременно двинулись. Все – заметила Мариико, – кроме парня, который все еще спал на скамье. Очевидно, наковальня еще не упала.

– Это начинает надоедать. – Ранмару сделал шаг к мужчинам, застывшим перед ним в защитной позе. Они расступились, пропуская его. Некоторые обнажили мечи, их лезвия сияли голубым и оранжевым в свете факелов. – Если я правильно помню, я уже послал сообщение через одного из твоих, – он дернул носом, – *людей*. Поскольку мы не

знали, что та застава оказалась под твоей властью, я предложил возместить вам точную сумму потерянных денег. Ты же потребовал большего. Что бы ты ни делал, ты этого не получишь. Даже ты должен понимать... что рука гнется только внутрь. – Он говорил праздным тоном, хотя Мариико заметила, как сверкнули его темные глаза.

– Это оскорбительно! – прошипел тощий мужчина с лицом стервятника. – Вы запятнали наше имя, украв наш заработок, и теперь думаете, что пары медяков, брошенных в грязь, будет достаточно?

– Я не пятнал ваших имен.

– Запятнал!

Ранмару нахмурился:

– Я уверен, что нет.

Интересно. Мариико не могла не подумать, что это сражение слишком сильно напоминало детскую ссору. Подобно тем, что происходили между ней и Кэнсином много раз. Из-за таких мелочей, как последняя сладкая рисовая лепешка.

– Поскольку ты не хочешь отдавать нам то, что должен, то заставляешь прибегнуть к подобным мерам, – продолжал шипящий стервятник. – Заставляешь нас схватить и отвести тебя к ближайшему *даймё* и забрать награду за твою голову.

Ранмару снова вздохнул. Вздох был очень длинным и медленным.

– Если ты думаешь, что *даймё* с радостью выдаст пятьдесят рё и улыбнется, а вы с триумфом уйдете, то глубоко ошибаешься.

– Хватит этой глупой болтовни! – проревел великан. – Либо иди с нами сейчас, либо нам придется убить всех твоих людей, а тебя все равно взять в плен.

Безрадостная улыбка скользнула по лицу Ранмару.

– Если вы хотите что-то получить, то вот вам мой совет, – сказал он. – Он бесплатный, но только на этот раз: лучший способ выиграть бой – это избежать его.

– Слова вороватого труса.

Ранмару усмехнулся:

– Что бы вы обо мне ни думали, я верю в честь среди воров. И я думал, что мы все согласны в одном: враги – это они, а не мы друг другу.

Гигант сплюнул, его бровь все еще была изогнута в замешательстве.

– Это все вранье.

Когда великан перекинул канабо через плечо, готовясь нанести удар, Ранмару поднял руку. Мгновенно останавливая смертельный замах.

– Я пойду с вами при одном условии, – сказал он. – Давайте устроим поединок. Если выиграешь ты, я без сопротивления пойду с вами. Если выиграю я, то вы уйдете и больше никогда не вернетесь в эту часть леса. В противном случае вы умрете. – Последние слова были произнесены с такой резкостью, какой Марико до этого не слышала в голосе Ранмару.

С резкостью, от которой по спине побежали мурашки.

Великан ухмыльнулся:

– Ты хочешь сразиться со мной? – Его грудь взмыла, как сладкий бобовый пирог.

– Лучший против лучшего, – кивнул Ранмару.

Смех великана напомнил о собаке, которая подавилась костью. Марико тяжело сглотнула. Как только его хохот стих, великан закинул свой канабо себе на плечи. Пальцы свисали с обоих концов. Он согнул их один раз. Второй.

– Я собираюсь хорошенько повеселиться, ронин. Может быть, даже больше, чем когда буду наслаждаться золотом, которое получу за твою голову. – Пока он говорил, великан сделал шаг в сторону, оценивая свою добычу.

Ранмару не обнажил ни один из клинков на своем левом бедре. Вместо этого его ноги машинально двинулись, копируя движения противника, словно кружась с ним в смертельном танце.

После того как он и великан сделали три шага по кругу, Ранмару остановился. Запрокинул голову. И расхохотался.

Рябая бровь великана дернулась.

– Я только что осознал, – Ранмару сделал паузу, словно все еще обдумывая мысль, – ты решил, что будешь сражаться со мной.

Его глаза сузились, а великан тяжело выдохнул.

– Что? – Это было столкновение воздуха и звука.

– Я же сказал: «Лучший с лучшим», – усмехнулся Ранмару. – С чего ты взял, что я говорил о себе? – Он попятился, его тело ни разу не повернулось спиной к противнику. Эти движения казались частью его природы.

Доказывая, что никто никогда не стоял за спиной Такэды Ранмару.

Марико сдержала желание ощетиниться. Ее очень беспокоило то, что она не могла отчетливо вспомнить голоса мужчин около ее норимоно в ту ночь, когда на ее конвой напали. Их голоса были слишком приглушены, а ее нервы слишком напряжены.

Но она была уверена, что один из них *должен* принадлежать главарю Черного клана. Столь же уверена, как в том, что солнце восходит на востоке. Такэда Ранмару и его люди были посланы убить ее. И Марико намеревалась приложить все усилия, чтобы узнать почему.

Она прищурилась, глядя на непоколебимого юношу перед собой.

«Какая жалость, что ты еще не осознал, что другой враг просто поджидает тебя в тени, ронин. Может быть, не самый опасный, тем не менее куда более хитрый, чем неуклюжий гигант перед тобой».

Марико еще раз оценивающе взглянула на других членов Черного клана.

Некоторые из них выпрямились после заявления Ранмару. Затем по их глазам пробежала коллективная рябь веселья, за исключением глаз юноши со свирепым взглядом и неряшливым пучком волос. До сих пор его глаза ни разу не оторвались от лица Марико. Но сейчас даже он отвлекся – не в силах скрыть своего предвкушения, он облизнул губы, высовывая кончик языка.

Марико могла с легкостью поверить, что этот юноша лучший в Черном клане.

Его глаза кричали о жажде убийства каждым своим взглядом. За его спиной сплелись два изогнутых меча. Такие, которые, как знала Марико, можно было соединить в один и одним взмахом отделить голову от тела.

Как только она убедила себя, что этот мальчик и станет противником гиганта, тот тоже отошел в сторону.

Только Ранмару продолжал наблюдать за великаном. Его выражение лица представляло собой странную смесь жесткости и мягкости. Наказания и жалости.

Черный клан единодушно уставился назад, за свои спины – на своего ленивого товарища, все еще крепко спящего на скамейке.

Незаслуженное благословение

Кэнсин почувствовал вонь тела прежде, чем увидел его.

Приторно-сладкий запах, смешанный с вонью разлагающейся плоти. Он застрял в самой верхней части его горла, обостряя его чувства.

Заставляя его сердце грохотать в груди.

Его сестра не умерла. Марико не могла умереть.

Он не позволит этого.

Кэнсин решительно продолжал свою медленную охоту через затемненный подлесок леса Дзюкай. Продолжал искать следы сестры.

Затем в колючих зарослях терновника у подножия сосновой рощи Кэнсин наткнулся на источник запаха. Тело грязного человека, гниющее в подлеске. Без одежды, если не считать замызганной набедренной повязки.

От этого осознания его сердце замедлило свой бег. Кэнсин присел рядом с мертвецом, выискивая любую деталь, какой бы незначительной она ни казалась.

В третий раз за эту ночь он был рад, что оставил своих людей в импровизированном лагере. После почти двухчасовых поисков он оказался в глубине леса Дзюкай. Если бы он не позаботился и не отметил деревья по пути, дорога обратно в лагерь могла бы быть опасной.

Несмотря на их заверения в обратном, Кэнсин знал, что никто из его людей не может расслабиться под сенью Дзюкая. Три их лошади уже убежали. Непоколемым оставался только его гнедой конь Канэ. Шепот ёкаев все время преследовал их по пятам. Сам Кэнсин еще не встречал ни одного лесного демона, но – как это часто происходило – история одного человека быстро превращалась в рассказы множества других. Одна-единственная история о безголовом олене, промелькнувшем сбоку от кого-то. Одна-единственная встреча с серебряной змеей с женской головой.

Достаточно одной истории. Суеверия быстро становились правдой в ночи призрачных вздохов и зыбких теней. Кэнсин знал, что может приказать своим людям следовать за ним. Заставить их

подчиняться каждой своей команде. Но ему было гораздо легче пойти в одиночку. Как и его отец, он ни с кем никогда не советовался, какого бы уважения ни заслуживал тот человек. Он также не собирался развеивать ничьи страхи. Кэнсин знал, что лучше даже не пытаться.

Сдерживая отвращение ко всей этой бессмыслице, Дракон Кая покосился на тело, лежащее на спине на лесной подстилке. Кожа мужчины растянулась. Раздулась от первых следов разложения.

В щели на его горле копошились личинки, их крошечные тельца были цвета рисовой пасты. Один глаз мужчины был проткнут небольшим оружием. Каким-то узким лезвием.

Нет.

Кэнсин наклонился ближе.

Не оружием.

Он потянулся, чтобы ухватиться за кусочки нефрита, свисавшие с его конца.

Черепяховая шпилька. Которую он мгновенно узнал.

Во второй раз за эту ночь – слишком много совпадений – Кэнсин почувствовал, как под его кожей шевельнулась волна беспокойства.

Если глаз этого человека проткнули именно этой шпилькой, то не было никаких сомнений, кто это сделал. А это означало, что его сестру заставили выйти за пределы благоразумия. Кэнсин знал, что Марико не может выйти из себя по прихоти. Он также знал, что она не склонна к насилию. Его сестра всегда руководствовалась разумом, не поддаваясь эмоциям.

Если Марико убила этого человека, тот, несомненно, заслужил это. Чем именно он это заслужил, Кэнсин мог только догадываться.

Мог только представить.

Волна беспокойства переросла в полномасштабную ярость.

Такая чистая смерть. Такое незаслуженное благословение.

Если бы Кэнсин был здесь, этот человек пострадал бы гораздо сильнее.

Его грудь прижалась к нагруднику, когда он сделал успокаивающий вдох. Время для гнева давно закончилось. Теперь гораздо важнее была необходимость действовать. Кэнсин опустил еще ниже на корточки, возобновляя поиски в подлеске. Когда его ладонь скользнула по кустам, задевая края ласточкиного гнезда, его

пальцы наткнулись на то, что на первый взгляд казалось клубком тонких темных нитей.

Когда Кэнсин поднес руку к лунному свету, он увидел пряди черных волос, закрученных вокруг костяшек пальцев.

По подлеску были разбросаны волосы его сестры. Было ясно, что кто-то пытался спрятать их под кустами терновника, но эта попытка обернулась неудачей из-за когтей самых находчивых лесных существ.

Он беззвучно выпрямился. Пряди волос соскользнули с его пальцев, исчезая во мраке. В нем вспыхнуло недоумение.

Затем его взгляд снова упал на тело у его ног. На тело мертвого, раздетого мужчины.

Кэнсин поднял голову. Его взгляд смягчился. Это заняло у него не больше мгновения. Не более секунды на понимание. Он протянул руку и выдернул черепаховую шпильку из гниющего глаза мужчины.

Затем он подошел к своей лошади.

Чтобы вновь направиться по следу.

Девушки, переодетой в мальчишку.

* * *

Он не заметил пары желтых глаз, следящих за ним.

Выбор

Брови Марико нахмурились в замешательстве.

«Этот ленивый парень не может быть лучшим воином Черного клана».

Словно в ответ на ее мысли, ленивый парень, о котором шла речь, вдохнул с преувеличенной медлительностью. Как будто он был ужасно раздражен. Как будто такое простое действие, как вдох, требовало слишком много усилий. Он сбросил капюшон, скрывающий его лицо, затем встал, томно потянувшись, как бродячий кот.

Взмахом левой руки откинул длинные пряди волос со лба. Затем прочистил горло.

Теперь его обзор был свободен, и юноша повернулся к своей добыче. Повернулся так, чтобы оказаться в поле зрения Марико. Ее замешательство усилилось, когда она увидела его лицо.

Юноша был высоким и худощавым. Тело, скроенное из углов и сухожилий. Диагональный шрам проходил через центр его губ. Он вяло моргнул, как будто пытался выйти из ступора, его прикрытые тяжелыми веками глаза открылись, а затем закрылись. Снова открылись и закрылись. В такой напряженный момент – когда на карту была поставлена его жизнь – Марико не могла уловить выражение его лица: оно было таким же вялым, как и его поведение. Что не соответствовало лицу из острых углов и изящных склонов.

Лицу, полному противоречий.

Потянувшись еще и в другую сторону, юноша уставился на толпу мужчин с оружием справа от него. Затем размеренным шагом направился к великану.

Он шагал как будто интуитивно – это была походка молодого человека с естественным пониманием того, что его окружает. Даже если вдруг на них обрушится порыв ветра или с неба упадет ветка дерева, маловероятно, что это застигнет юношу врасплох.

То, как он двигался, очень напомнило Марико Кэнсина. Это означало, что, несмотря на расхлябанное поведение этого парня, он вполне мог оказаться грозным противником. Брат Марико большую

часть своей жизни изучал боевые искусства. Она знала, что подобное врожденное мастерство не даруется случайно.

Да. Возможно, этот юноша может одолеть великана. В случае, если он обеспокоится тем, чтобы найти оружие. При нем по-прежнему не было ни одного клинка.

Когда юноша остановился возле собравшихся, Марико поняла еще кое-что важное. Хотя то, как двигался этот юноша, походило на Кэнсина, между ними была и очевидная разница, которая заставила Марико скорректировать свое предыдущее впечатление о парне. Ее брат двигался всегда точно, каждый его шаг был с явным намерением. Этот мальчишка не делал никаких шагов.

Он скользил, как акула в воде.

И, как море, члены Черного клана расступились в стороны, когда юноша встал перед великаном.

Напряжение, начавшее собираться ранее, снова накалило воздух.

Хотя гигант был явно озадачен подобным поворотом, он принялся размахивать своим канабо из стороны в сторону. Стремясь напугать своего нового противника очередной демонстрацией бравады.

Когда юноша не отреагировал – и даже не попытался увернуться, – великан нахмурился.

– Разве тебе не нужно оружие? – проворчал он.

Молодой человек покачал головой. Зевнул еще один раз.

– Нет. – Он повел плечами. Размял шею.

Гигант фыркнул:

– Наглый дурак.

– Не наглый. – Юноша небрежно почесал подбородок. – Просто меткий.

Великан снова рассмеялся, побуждая своих людей присоединиться к его веселью. По их рядам прокатился напряженный смех. Однако это мало повлияло на общее настроение. Или, во всяком случае, лишь ухудшило его.

Пульс Марико участился. Если эта драка перерастет во что-то большее, чем просто взаимное позерство, вполне возможно, что она никогда не получит ответы на свои вопросы. Никогда не избавит свою семью от чрезмерного унижения. И никогда не докажет свою ценность вне рынка невест.

Она также, вероятно, могла погибнуть.

Да. Это тоже был факт, который она прекрасно осознавала.

Ее знания о том, как выиграть бой, были чисто теоретическими. Драка с пьяницей в лесу подтвердила одно: главным козырем Мариико в любой ссоре был ее ум. И даже с этим преимуществом ей едва удалось победить мужчину, сильно обремененного спиртным. Она подозревала, что в реальном бою против опытного воина у нее не было бы и шанса. А у мужчин любого рода, как Мариико всегда считала, грубая сила играла наибольшее значение.

Но в битве умов?

Это может быть игра как мужчины, так и женщины.

Мариико взвесила свои варианты. Стоит ли ей бежать или оставаться на месте?

«Я должна просто спрятаться и посмотреть, как эти дураки убивают друг друга».

В этом может быть определенное удовлетворение.

Но если это произойдет, она никогда не узнает, кто замыслил ее убить.

И почему.

Резкий свист размахиваемого в воздухе канабо вырвал ее из мыслей. Она моргнула, фокусируясь на бое, – как раз вовремя, чтобы увидеть, как ленивый воин увернулся от первого удара великана. За долю секунды до него. Порыв ветра от оружия бросил волосы юноши ему в лицо.

Великан рассмеялся:

– Слишком медленно.

Легкая улыбка тронула перерезанные шрамом губы юноши. Как будто он мог разделять радость великана. Разделять его не польстившее ему же мнение. Как только Мариико начала обдумывать такую вероятность, она заметила, как что-то в теле воина изменилось.

Он начал дрожать.

«Он... боялся?»

Предвкушение охватило ее существо. Она пыталась подавить растущее любопытство. Растущий интерес. Нет. Происходящее не должно было развлекать Мариико. Это бы означало, что ее легко отвлечь. А она отказывалась умирать на стоянке сегодня ночью.

Осторожно, не привлекая ничье внимание, Мариико поднялась на ноги, все еще крепко сжимая свою маленькую пиалу с sake. Стараясь

не делать никаких резких движений, которые могли бы привлечь к ней внимание.

Гигант яростно взмахнул своим канабо, ударяя с левой стороны. Когда он выпрямился, кончик дубины задел плечо юноши. Марико рефлекторно вздрогнула, когда молодому человеку едва удалось избежать полного удара. Он покатился по грязи – прочь от великана, – затем перевернулся и поднялся. Как только он выпрямился, то заметил дыру в рукаве своего черного косодэ. Он извергнул серию ругательств, которые Марико слышала только от самого последнего конюха в моменты сильной досады. Злые, вульгарные слова, которые заставили бы ее мать ахнуть в ладони, а отца предупредительно кивнуть своим подчиненным.

Юноша крепко вцепился в свое обнаженное плечо, поморщившись от боли, когда кровь потекла по его пальцам. В то время как его тело затряслось еще сильнее.

И *это* лучшее, что мог предложить Черный клан?

Как этому ленивому дураку удалось победить Нобутаду?

Казалось, все, что Марико пережила за последнюю неделю, превратилось в какую-то шутку.

Она нахмурилась, поджимая губы.

Если эта битва была просто шуткой, то Такэда Ранмару, очевидно, проиграет свой спор.

А Марико не была готова и не хотела видеть, как он проигрывает кому-либо, кроме нее.

Она ждала, что кто-нибудь из Черного клана придет на помощь мальчишке или положит конец этой пародии на бой. Она бросила лишь один взгляд и поняла, что никто из банды, похоже, ничуть не беспокоится за своего товарища, который рискует вот-вот отдать жизнь за своего главаря.

Люди в черном продолжали стоять по обе стороны от боя. Совершенно спокойные. Ранмару потянулся за своей выпивкой. Словно он и вовсе не интересовался сражением. Одноногий повар оперся на свой бо, изучая его полированную деревянную поверхность, словно искал, чем бы себя занять.

Как будто сейчас было что-то более важное для обдумывания.

На лице гиганта вспыхнуло пламя триумфа. Снова подняв канабо, он зашагал к раненому юноше, намереваясь провозгласить свою

победу.

Марико отодвинулась от своего стола, незаметно отступая в сторону. Определенно, эта битва слишком быстро подошла к концу.

Юноша не приготовился к ответному удару. Даже не дрогнул перед приближающейся дубинкой. Вместо этого он оставался на месте. Его рука упала с раненого плеча.

Его голова опустилась вперед, темные волосы закрыли лицо.

Дрожь охватила все его тело. Ускорилась до того, что размыла его черты. Воздух вокруг него начал гудеть. Искажаться. Как пространство, окружающее пламя фонаря.

Как только великан нанес свой смертельный удар, одноногий повар грациозно кинул бо в сторону юноши. Тот поймал его одной рукой, даже не оборачиваясь, чтобы увидеть бросок.

Затем молодой воин подпрыгнул в воздух, оказываясь вне досягаемости великана. Он завис – подвешенный на звуковой струе, – а затем рухнул обратно вниз, и земля у его ног взорвалась концентрическими кругами.

Марико замерла. Примерзла к месту.

Она никогда раньше не видела, чтобы кто-то двигался похожим образом.

Почти как то существо в лесу. Которое пыталось ее предупредить.

Как темный призрак. Или демон ночи.

В замешательстве от увиденного великан споткнулся, чуть не рухнув в грязь. Юноша снова пронесся по воздуху, так высоко, что противник не смог бы его достать. Гул вокруг него становился все более лихорадочным и резким. Через мгновение он развернулся на месте, скрещивая руки над головой. Бо закружился, набирая обороты, молотя воздух, словно раскатистый гром. Он по дуге взметнулся к запястью гиганта, нанеся карательный нисходящий удар. Кости хрустнули, когда великан уронил шипованную дубину на землю. Он завыл так громко, что деревья вокруг в неодобрении затрясли ветвями.

Или в удивлении. Марико не могла определить, что именно это было.

К своему ужасу, она не была также уверена в своей реакции.

Это не было занимательно. Было совсем не увлекательно наблюдать, как более сильный падает перед меньшим и более умным

противником. Особенно перед тем, кто достаточно умен, чтобы так искусно скрыть свое преимущество.

Это зрелище не увлекало Марику. Нисколько. Несмотря на то, что ее участвовавший пульс говорил об обратном.

Темный призрак юноши замер. Вибрации вокруг его тела уменьшились до медленной дрожи. Его грудь тяжело вздымалась и опускалась, пока он глубоко вдыхал воздух. Как будто он находился под водой дольше, чем может выдержать любой человек.

Он остановился как вкопанный в землю, ища опоры. Игнорируя гиганта, все еще воющего рядом.

На поляне внезапно воцарилась тишина. И Марику снова почувствовала опасность бури в воздухе. Что-то вот-вот воспламенится, как от удара кремня о камень.

Она переместилась в тень на краю поляны, ее пальцы все еще сжимали глиняную пиалу. Ее последнее доступное оружие. *Что-то*, чем можно защититься. Марику знала, что если она хотя бы попытается вытащить вакидзаси – если кто-нибудь увидит, как она пробирается сквозь тьму с клинком на изготовку, – это может еще сильнее спровоцировать жажду крови вокруг нее.

Пока она медленно пыталась раствориться в ветвях леса на опушке, глаза Марику не отрывались от круга мужчин, замерших вокруг рыдающего великана и темного призрака. Лучший воин Черного клана продолжал содрогаться на месте. Продолжал тяжело дышать. Его товарищи выглядели мрачными. Вопреки ее ожиданиям, они не радовались победе.

Ибо было ясно, что эта победа досталась дорогой ценой.

Люди великана неуверенно двинулись к своему главарю, словно приближаясь к раненому медведю, который скорее откусит руку помощи, чем лизнет ее.

Марику двигалась очень осторожно, удаляясь от таверны, как краб, прячущийся в панцирь. Ее взгляд был прикован к мужчинам напротив. Продолжал сканировать, вдруг кто-то заметил ее отступление. Или ее место.

Потом она увидела. Увидела то, что никто другой не видел. Что никто и не заметил, поскольку они были слишком заняты.

Шипящего стервятника. Того, что помог великану спровоцировать бой.

Он стоял в луже света факелов на расстоянии вытянутой руки слева от нее. Она увидела, как он медленно опустил руку за спину. Когда он протиснулся мимо стоявшего рядом с ним грубого вида мужчины, Марико уловила вспышку металла.

Взгляд стервятника был прикован к Такэде Ранмару.

Страх, который заставлял Марико бежать, перерос в возмущение.

«Он действует не по чести».

Если они не могли победить по установленным ими же правилам, то они вообще не заслуживали победы! И Марико никогда не позволит себе отдать свою добычу таким неумелым, недостойным идиотам.

Не раздумывая, Марико подняла свою глиняную пиалу и отхлебнула чуть теплого sake.

Затем она выплеснула его в сторону факела.

Вспышка пламени метнулась в направлении шипящего стервятника, напугав всех мужчин вокруг него. Огонь поджег рукав одного из них.

Крики возмущения донеслись из их рядов.

Эта вспышка пламени заставила их вновь насторожиться. Вывела их из транса.

Все взоры обратились в поисках источника взрыва.

«Это было... неразумное решение, Хаттори Марико. Либо используй это, либо беги отсюда. Немедленно».

Что-то в глубине ее сознания подсказывало, что далеко она не убежит.

Кровь отлила от лица Марико, и она швырнула пустую глиняную пиалу в сторону шипящего стервятника. Та ударила его по затылку, отбрасывая за пределы безопасных теней. Прямо в круг боя.

– У него кинжал, – обвинила она его, стараясь сделать голос грубее. – Он пытается сжульничать!

Мужчинам из Черного клана понадобилось мгновение, чтобы понять, что она говорит. Шипящий стервятник поднял свой кинжал на свет, намереваясь завершить свою задачу любой ценой. Руки и локти уперлись ему в спину, в грудь. Его оружие было вырвано из рук. Никто из товарищей не пытался спасти его. Они даже не пытались поднять оружие в знак протеста.

Как только Марико взглянула на Ранмару, она поняла почему.

Пока вокруг бушевал хаос, темный призрак юноши занял место перед своим главарем. Хотя из раны на правом плече все еще капала кровь, ему удалось бросить в их сторону резкую улыбку. С оттенком жестокости. Его бо закружилась в воздухе.

Предлагая любому бросить ему вызов.

«Среди воров нет такой вещи, как честь».

– Вы, лживые ублюдки. – Одноногий повар сплюнул в грязь. – Убирайтесь. Сейчас же. Если только вы не хотите настоящей драки. – Он открепил два маленьких кинжала, висевших у него на талии, и покрутил их между кончиками пальцев с грацией мастера.

Великан снова завыл, все еще сжимая здоровой рукой раздробленные кости. Он крикнул своим людям, чтобы они помогли ему подняться на ноги, разбрасываясь ругательствами во все стороны.

Его ярость раскалила бы угли вокруг него. Вскоре его люди начали тыкать друг в друга пальцами, доходя до очередного витка безумия.

Марико сжалась под ветвями. Подальше от взглядов.

«Я должна уходить».

Но она не могла. Пока нет.

Пока она не узнает... что-нибудь ценное. Что-нибудь настоящее.

– Достаточно! – крикнул Ранмару поверх шума, его слова были адресованы людям великана. – Немедленно проваливайтесь отсюда, как было условлено. Если кто-нибудь из вас покажется здесь снова – если я хотя бы почую ваш запах в пролетающем ветре, – будьте уверены, что это будет последний день, когда вы дышите на этой земле.

Жаркий спор тут же умер до шепота. Мгновение на решение.

А затем великан, крякнув, приказал своим людям уходить. От их спин доносилось неразборчивое роптание.

Как только они ушли, Ранмару выступил вперед. С вопросительно поднятой бровью он взглянул на юношу-призрака, стоявшего рядом с ним. Лучший воин Черного клана пожал здоровым плечом. Как будто его рана была просто царапиной.

Ранмару кивнул.

Одноногий повар, тяжело вздохнув, бросил в грязь кинжал. Мгновение спустя рядом с ним на землю приземлился золотой рё.

– Ты дьявол, Оками, – грубо пробормотал он.

Юноша-призрак скосил на него глаза.

– Ты бы это знал. – Ухмылка озарила одну сторону его лица, заставив шрам на губах побелеть. – Раз уж мы оба вышли из ада.

Спрятавшись на своем посту рядом с деревом, Марико наблюдала за разговором, не зная, куда ей податься. Не понимая, что ей нужно сделать. Возможно, будет разумнее прислушаться к ее собственному совету и немедленно уходить. Когда она попыталась отступить под сень леса, грубая рука хлопнула ее по предплечью.

– Не сбегай пока, – ровным тоном сказал юноша с убийственными глазами и неряшливым пучком на макушке. – Глава хочет поговорить с тобой.

Последствия

Прилив страха овладел ее сердцем. Каждым ее вздохом.

Первым желанием Мариико было вырваться из хватки парня. Когда он крепче сжал ее руку, паника усилилась. Белки его глаз были желтоватыми. Стеклянными. Как у мертвецов.

– Даже не думай о побеге. Мы выследим тебя, как лиса-мародера. – Он потянул ее на себя. Его шепот ледяным дуновением коснулся ее уха. – Мне особенно нравится, когда мы ловим их живыми. Это гораздо... интереснее.

Мариико заставила себя подавить ужас, хотя пульс в ушах зашкаливал. Голос ее наставника вновь пронесся в голове: *«Наши злейший враг часто находится внутри нас»*.

Она не станет своим злейшим врагом. Единственной властью, которая теперь была у Мариико, была ее власть над собой. Если она не могла сбежать, ей нужно извлечь максимум из сложившейся ситуации.

Юноша вел ее к своему главарю. К Ранмару. Это может быть ее единственный шанс узнать правду.

Она не потратит его на страх.

Стиснув зубы, Мариико держалась за эту ясную мысль, продираясь сквозь дымку ужаса. Ее голова работала быстро. Кэнсин не позволил бы никому обращаться с собой подобным образом, даже если бы это повлекло за собой наказание.

Мариико попыталась вырваться. В ответ парень вывернул ее запястье за левое плечо. Она чуть не задохнулась от приступа боли, которая пронзила ее руку и бок. Горячая, жгучая боль. Такая, что вызывает мгновенные слезы.

Но она не вскрикнула. Она отказывалась демонстрировать даже намек на слабость.

«Воин никогда не бывает слабым».

По-видимому, удовлетворенный ее попыткой сопротивления – как будто эта мысль ему нравилась, – юноша с убийственными глазами ослабил хватку.

– В следующий раз, если ты попытаешься сбежать, я сломаю тебе пальцы костяшка за костяшкой. – Он наклонился ближе. – Одну за

другой.

Она заглушила возражение в голосе.

– Думаешь, я собираюсь сбежать?

– Только дурак остался бы.

– Ты надеешься, что я стану сотрудничать, если ты будешь угрожать мне? – неловко выплюнула она.

Он не ответил. Просто сильно толкнул ее вперед. Она чуть не споткнулась, устояв на ногах в последний момент. Когда юноша вытащил ее на свет ближайшего факела, ей показалось, что она заметила на его лице улыбку.

Попеременно дергая и толкая, он вел ее к Ранмару, который снова занял свое место за столом, которое, казалось, было закреплено за ним и только за ним.

Главарь Черного клана в течение нескольких вздохов молча изучал ее.

– Что ж, кажется, я у тебя в долгу... – Ранмару сделал паузу, ожидая, что она назовет свое имя.

К счастью, у Марико было одно наготове.

– Такэо, – она понизила свой голос. Огрубила его края. – Санада Такэо.

Ранмару расплылся в медленной улыбке:

– Похоже, у твоих родителей были довольно возвышенные замыслы, когда они давали тебе имя.

– Потому что меня назвали в честь воина?

– Нет. Потому что они дали имя воина своему сыну-тактику.

Марико фыркнула. Нахмурила брови, чтобы смягчить нарастающую тревогу.

– Я воин. Такой же, как ты.

Он рассмеялся. Линии вокруг его внимательных глаз сморщились.

– Возможно, ты и впрямь такой же, как я.

Она нахмурилась, услышав его насмешливый тон.

– Однако я не буду звать тебя Такэо, – продолжил Ранмару. – Я не могу с чистой совестью называть костлявого мальчишку именем доблестного воина.

Его приговор эхом отозвался в ее ушах. Заставляя ее выбрать путь. Мужество. Или страх. Выпрямившись, Марико решила избрать путь мужества – один из принципов бусидо.

– Я же не комментирую *твое* имя. Но могу, если хочешь. И поскольку меня называли Такэо, я настаиваю, чтобы ты звал меня...

– Лорд Безбородый, – объявил голос позади Ранмару. Марико снова напряглась, ее мужество увяло. Это был лучший воин Черного клана. Оками. Юноша, названный в честь волка. – Этому мелкому выскочке подобное прозвище подходит гораздо больше, чем Такэо.

Ранмару усмехнулся:

– Согласен. Если хочешь, чтобы тебя называли по имени, ты должен сначала заслужить это, лорд Безбородый.

На этих словах мужчины вокруг него рассмеялись.

– Вы можете называть меня как пожелаете, – сказала Марико, перекрикивая их смех, слишком хорошо понимая, насколько она сейчас похожа на капризного ребенка. – Но это не значит, что я отзовусь.

– Вот как? – ухмылка Ранмару стала шире.

Марико промолчала, вызвав очередной взрыв смеха у мужчин поблизости. Пока они развлекались за ее счет, у нее в животе начали вкручиваться узлы напряжения. Краска поползла по шее, переходя на лицо. Она ненавидела это чувство. Ощущение уязвимости. Когда кто-то высмеивал ее. Впервые за долгое время ей приходилось стоять на месте и подвергаться гнусным насмешкам. Это правда, что многие люди находили ее странной, но положение и влияние ее семьи уберегли от чужого осуждения. Если она и слышала его, то только за спиной, за лакированными веерами или в тени изящных бумажных экранов.

Она вздернула подбородок вверх и прикусила язык.

«Воин никогда не бывает слабым».

Марико мысленно повторила эти слова про себя, позволяя им подпитывать ее, словно пламя.

Нахмурившись, Оками скользнул к ней, передавая Ранмару глиняную бутылку саке, когда проходил мимо. Мужчины замолкли, глядя, как он медленно кружит вокруг нее, без сомнения, вынюхивая, ища слабость. Марико изо всех сил пыталась скрыть прилив негодования, вспыхнувший на ее щеках, пока он безмолвно оценивал ее. Сейчас с очевидной ясностью она поняла, почему Волк имел звание лучшего воина Черного клана.

Он остановился перед Мариико. Окинул взглядом с ног до головы. Она почти чувствовала тот низкий гул, витающий в воздухе вокруг него.

Это заставило ее занервничать.

– А теперь, – Ранмару отсалютовал ей бутылкой саке, – я полагаю, что задолжал лорду Безбородому выпивку. – Он ждал ее ответа, представляя собой само воплощение терпения.

«Мой лучший шанс узнать правду».

Не пытаясь скрыть свою настороженность, Мариико села на скамью напротив него. Она не могла не заметить, как люди Ранмару смотрели на нее, как ястребы на голубя.

Главарь Черного клана налил рисовое вино в маленькую пиалу и передал ей.

Она посмотрела на него поверх края пиалы. Понюхала ее содержимое.

Улыбнувшись ее недоверию, Ранмару налил себе в пиалу из той же бутылки. Осушив ее, он многозначительно стукнул ею по столу.

В ответ Мариико сделала маленький глоток из своей пиалы.

– Итак, – светским тоном сказал вооруженный ножом повар, не прекращая вертеть рукоять кинжала между кончиками пальцев, – что ищет мальчишка, подобный тебе, на западной окраине леса Дзюкай?

Мариико попыталась лениво и довольно улыбнуться. Точно так же, как улыбались многие из младших вассалов ее отца в подобные моменты.

– То, что сделает меня богачом, – она знала, что звучит глупо, но сейчас это казалось уместным.

– Есть много видов богатства, – продолжал размышления повар.

Она кивнула, делая еще один глоток саке.

– Но есть только один вид, который имеет значение.

Повар склонил голову набок:

– И что это?

– Тот, который может купить свободу.

Он поджал губы. Не критикуя. Нет. Она не думала, что он с ней не согласен. Хотя Мариико и не была до конца уверена, что он согласится. Возможно, ей не следовало давать такие прямолинейные ответы. Или действовать так хитро, когда она решила спасти Ранмару от шипящего стервятника. Ее взгляд скользнул к Оками. Волк смотрел сквозь нее.

Мимо нее. Он прислонился к столу, положив одну руку на колено. Засохшая кровь подчеркивала вены на его правом предплечье, словно притоки зловещей реки. И снова он казался совершенно незаинтересованным. Воплощением скуки. Но из всех присутствующих труднее всех было прочесть именно Волка. Первое впечатление Мариико о нем было ошибочным, и это заставило ее чувствовать себя... неуютно в его присутствии.

Пытаясь скрыть внезапную тревогу, она сделала еще один глоток саке. Вино опустилось теплом внутри, согревая кровь. Покалывая кожу.

Покалывая кожу?

– Тебе важна свобода, лорд Безбородый? – спросил Ранмару, крутанув бутылку саке к краю грубо отесанного стола. Выражение его лица было спокойным. Расслабленным.

Понимающим.

Покалывание кожи Мариико усилилось. Вспышка жара залила ее лицо, затуманив зрение.

«Нет. Саке».

Мариико внезапно поднялась.

– Ты... – пробормотала она. – Ты обманул. Ты... Ты...

Оками снова проплыл перед ней темным призраком.

Последнее, что она запомнила, была пара ясных ониксовых глаз.

* * *

Мариико проснулась от толчка какого-то животного под ней.

Когда она подняла веки, перед ее лицом проступило пятно коричневых мышц. Мышц боевого коня. Хаттори Мариико забросили на спину коня, как мешок с зерном. На нее нахлынуло осознание. Воспоминания впились в ее чувства.

Глава Черного клана опоил ее!

Мариико попыталась выпрямиться, но обнаружила, что ее руки связаны и качаются ниже ее головы. Ее тревога нарастала, она попыталась поднять свое тело вверх. Чтобы оценить обстановку.

Они все еще были в лесу. Шли вдоль болотистого речного берега. Она глубоко вдохнула. Воздух здесь был разрежен. Он был свежее.

Теперь они находились выше.

«Рядом с водоемом с пресной водой».

Вероятно, было недалеко до рассвета. И...

Рука шлепнула ее по затылку – внезапное наказание.

Она ничего не могла с собой поделать. Она в отчаянии вскрикнула.

– Продолжай хныкать, – сказал Ранмару. – Это веселит моего коня.

Марико приподняла руку, чтобы заглянуть под нее.

Это невозможно.

Ее перекинули через спину лошади Такэды Ранмару.

– Куда... куда ты меня везешь? И кто вообще захочет веселить твоего коня? – прохрипела Марико.

Ранмару начал насвистывать слабо знакомую ей мелодию.

– Потому что, если ты не будешь этого делать, я выпотрошу тебя и скормлю ему. Его любимая еда – мясо надоедливых мальчишек. Особенно тех, кто хнычет.

– А ты постоянно кормишь его хныкающими мальчишками? – Марико попыталась извернуться в лучшую позицию. Чтобы разглядеть, где они находятся.

– Не постоянно. Если бы он все время ел такое лакомство, то оно со временем бы потеряло свою привлекательность.

– Откуда тебе знать? – проворчала она, сглатывая комок отчаяния, подкатывающий к горлу.

– Я вот лично потерял к нему вкус. – Произнеся эти слова, Ранмару продолжил насвистывать.

Ее беспокойство пустило корни глубже, и Марико изо всех сил попыталась сесть прямее.

Снова чья-то рука ударила ее по затылку.

Марико вскрикнула, чувствуя нарастающую панику. *«Воин никогда не бывает слабым».*

– Я вынужден попросить тебя воздержаться от...

– Вы только послушайте маленького лорда Безбородого: отдает приказы, как сам чертов император, – рассмеялся Ранмару.

Марико стиснула зубы. Было гораздо легче признать свое поражение. Но она знала, что сейчас то самое время, когда ей нужно казаться сильной – когда она была по-настоящему слабой.

– Зачем ты опоил меня? – спросила она. – Куда ты меня везешь?

– Больше вопросов. В их глубинах ты найдешь ответ.

Она обдумала слова Ранмару. Позволила своим мыслям превратиться в прямые линии.

«Больше вопросов?»

Ее осенило понимание, пугающе яркое, как зимнее солнце.

«Старик на стоянке. Должно быть, он рассказал Ранмару, что я спрашивала про Черный клан».

– Акира-сан что-то шепнул тебе, когда ты впервые пришел прошлой ночью, – сказала Мариико, стараясь скрыть поражение в своем тоне. Несмотря на все попытки избежать внимания, ее погубили коварные наблюдения ворчливого старика. – Что он сказал?

– Я знал, что ты умен, – Ранмару говорил громко, проигнорировав ее вопрос. – Хотя ты и был неуклюжим, как новорожденный жеребенок.

«Я потеряла свой лучший шанс. Я все равно что мертва».

Ее тело обмякло на крупе, расслабившись перед лицом неудачи.

– Так что ты собираешься сделать со мной? – спросила она. – Кроме планов скормить меня своему коню.

– Хватит задавать вопросы. Ты и правда ничему не научился.

«Если я умру, чему мне еще учиться?»

Нет. Ей нужно было быть смелой.

И всегда есть чему поучиться.

Мариико схватилась пальцами за веревку, связывающую ее запястья.

– Нужно задавать вопросы, если хочешь чему-то научиться. – Пока говорила, она искала любое слабое место в узлах.

– Меня утомляет твое любопытство, лорд Безбородый. – Ранмару посмотрел направо. На человека, которого Мариико не могла увидеть. – Забери у меня *это*.

Рука схватилась за грязную ткань за ее шей.

Мариико сдержала повторный вскрик, пока ее перекидывали с одного животного на другое. На этот раз ее не бросили на круп лошади. Нет. На этот раз ее бросили на живот перед всадником, из-за чего у нее на мгновение перехватило дыхание.

Когда ее швыряли, она заметила мелькнувшие распущенные темные волосы.

«Оками. Волк».

Не успев угнездиться, Марико заметалась как рыба. Она понимала, что это глупо, но все равно отказывалась быть какой-то военной добычей, которую один убийца передавал другому.

– Перестань драться со мной, – хотя голос Оками был мягче, он был не менее резким. – Я не Ранмару. Я не стану тебя бить.

И снова из-за того, что он оказался рядом, она разнервничалась. Тот же неуловимый гул.

– Я не удивлен этому, – яд окрасил ее слова возражения, в то время как кровь бушевала в теле. – Судя по моим наблюдениям, ты вообще мало дерешься.

В тот момент, когда она выплюнула эту насмешку, Марико пронзила волна страха.

Вокруг них прокатился смех. Передний край седла Оками врезался ей в живот и грудь. Если бы Марико не додумалась туго стянуть свою грудь длинным муслиновым бинтом, она знала, что ей было бы намного неудобнее.

– Маленький лорд прав, – раздался позади них хриплый голос повара. – Почему тебе потребовалось столько времени, чтобы победить того гиганта, Оками? Теряешь хватку?

– Маленький лорд не дал мне договорить. – Оками наклонился вперед. – Я сказал, что не буду его бить... – Он был так близко, что его слова пульсировали на ее коже. – Потому что это не единственный способ кого-то наказать.

Страх пронзил все существо Марико, запульсировал жаром и правдой. Она знала, что не может позволить такому парню, как Оками, увидеть даже намек на тревогу. Она должна как-то освободиться от этих мужчин. Как-то взять верх. В попытках отвлечься – найти хоть какую-то слабость в окружающей ее силе – она принялась изучать пальцы Оками. Они были длинными. Сильными. Его предплечья были покрыты мышцами. Его хватка на поводьях была расслабленной. Легкой. Это означало, что он, вероятно, был опытным наездником. Любая попытка сбросить его была бы опрометчивой.

Но, возможно, Марико могла скинуть его другими способами.

– Что за имя такое, «Оками»? – начала она низким и резким тоном.

– Ты и правда ничему не учишься?

– Ты насмеялся над моим именем, хотя твои родители назвали тебя в честь волка?

– Они и не называли.

Несмотря ни на что, ее любопытство снова взяло верх:

– Так это прозвище?

– Хватит болтать, – отрезал Оками, – пока я не отдал тебя тому, кто действительно выбьет из тебя всю наглость.

Она примолкла.

– Волки – стайные животные, знаешь ли.

Сзади раздался еще один раскат грубого смеха.

– Я должен признать, что этот мальчишка упрям даже перед лицом гибели.

Марико почувствовала, как Оками повернулся в седле, чтобы ответить повару. Это дало ей возможность, которую она ждала, чтобы застать его врасплох.

Она впилась в кожу чуть выше колена Оками. Со всей силы.

Он громко выругался, поднимая свою лошадь на дыбы. Марико едва не сползла вниз головой со своего места, но Оками крепко схватил ее, поймав в самый последний момент.

Он дернул ее на себя, грудь к груди, цепляясь за воротник ее изношенного косодэ. Марико ожидала увидеть в его глазах ярость. Вместо этого она встретила непроницаемое выражение лица. Не ледяное. Но, скорее, тщательно скрывающее все эмоции, хотя глаза его были удивительно ясными. Как стекло в полумночной пещере.

Марико ответила на его взгляд, ее сердце бешено колотилось.

– Если бы ты был на моем месте, ты бы сделал то же самое, – она не смогла сдержать дрожь в голосе на последнем слове.

– Нет, я бы не был на твоём месте. – Темные брови Оками опустились. Скрывая его взгляд. Его губы дрогнули. – У меня бы получилось.

– И как бы ты это сделал?

Уголки его губ снова опустились, шрам в центре побелел.

– Я так понимаю, ты обычно считаешь себя умнее всех вокруг.

Она медленно качнула головой.

– Небольшое предупреждение... – Он наклонился ближе. От его кожи исходил запах теплого камня и древесного дыма.

Марико моргнула.

– Не подставляй волку шею. – С этими словами Оками сбросил ее с лошади на мелководье близлежащего пруда.

Марико ахнула, когда холодная вода окутала ее, а грязь налипла к одной стороне ее тела. Она села прямо, используя связанные запястья, чтобы стряхнуть водоросли и грязь со лба.

Оками подождал на берегу. Затем развернул свою лошадь, не оглядываясь назад.

– Добро пожаловать домой, лорд Безбородый, – улыбнулся Ранмару.

– Домой? – поперхнулась она воздухом. – Что ты...

– Приведи себя в порядок. Тебе все равно необходимо помыться. Потом принеси мне дров. – Он подстегнул свою лошадь на берегу. – И даже не думай о побеге, – бросил он через плечо, – тут повсюду ловушки. Ты не сможешь и на лигу уйти от нашего лагеря.

«Так я в лагере Черного клана».

– Зачем ты притащил меня сюда? Что ты собираешься...

– Сегодня ты работаешь. Завтра... – Ранмару пожал плечами, – я скормлю тебя своему коню.

Драгоценная сталь и ночной ливень

Он потерял ее след.

Потерял любые ориентиры местонахождения своей сестры.

Кэнсин проследил ее путь вплоть до самой западной окраины леса Дзюкай. Следовал за ней, даже когда ее шаги возвращались назад и пересекали множество небольших деревень.

Несмотря ни на что, он шел по следу. С упрямым упорством. Игнорируя приступы разочарования, пронзавшие его грудь. Но сегодня утром следы Марико исчезли в тени захудалой стоянки.

Совершенно необъяснимым образом.

Старик, разбуженный Кэнсином, сначала проигнорировал его. Проигнорировал его вопросы, прогоняя с порога ветхого навеса.

– Вы знаете, сколько путников забредает сюда каждый день, молодой человек? – наконец прохрипел старик, прячась от солнца. – Я что, должен помнить каждого из них в мельчайших подробностях? – Его смех был очень похож на прерывистый кашель. – Вы бы еще спросили меня о положении облаков в то время. – Затем его лицо сморщилось, как будто он высосал мякоть фрукта юдзу.

Кэнсин чуть не обвинил его во лжи. Было что-то не так в том, насколько легко этот старик оттолкнул его. Увильнул от столь вежливого вопроса прославленного молодого самурая.

Из-за беспокойства за сестру Кэнсин чуть не начал угрожать старику. Но он заставил свое тело расслабиться. А свой разум успокоиться. Он остановил себя, прежде чем его мысли смогли воплотиться в безвозвратное действие.

Кэнсин никогда бы не совершил такой бесчестный поступок.

И хотя он был уверен, что старик лжет, у него не было доказательств.

Теперь след его сестры оказался безнадежно утерян, и Кэнсин был вынужден вернуться в лагерь. То, что он обнаружил по возвращении, еще сильнее обескуражило его. В его отсутствие беспокойство среди его людей возросло. Их провизия истощалась.

Они также потеряли след.

Кэнсин осознал, что пришла пора возвращаться домой. Пополнить запасы и разработать другой план.

Его люди были в восторге от этой новости. Гораздо сильнее воодушевлены, чем хотелось бы Кэнсину. В конце концов, они провалили миссию по спасению единственной дочери своего господина.

Они – и он – подвели Хаттори Кано.

Это правда, что Марико никогда не пользовалась особой любовью среди людей их отца. Она была любопытной девушкой, вооруженной бесконечными вопросами. Марико никогда не упускала возможности чему-нибудь научиться. Она приставала к кузнецам. Заглядывала за плечи алхимикам. Стояла столбом, наблюдая, как Нобутада – самый одаренный мечник среди самураев отца – практикуется со своими *ката*^[39].

Кэнсин знал, насколько раздражительными были мужчины, едzące под гербом его отца. То были места, неподходящие для молодой девушки. Неподходящими объектами интереса для дочери их уважаемого даймё.

Тем не менее люди его отца были вынуждены подчиняться. И сейчас это было необходимо больше всего. Простые слова сегодня были бы недостаточно эффективны.

Им нужно было подать пример. Который отец, несомненно, одобрил бы.

Когда их отряд достиг вершины холма, ведущего в долину владений его семьи, один из асигару начал напевать в такт их шагу. Мелодию, воспевающую красоту дома, – в исполнении скромного пехотинца. Люди за спиной Кэнсина повеселели от этого звука. Подобно морской волне, мелодия прокатилась по рядам.

Ликующая. Оживленная. Даже перед лицом неудачи.

Давно тлевшее раздражение Кэнсина достигло точки кипения. Он дернул поводья в сторону, заставляя своего коня обогнуть авангард отряда. Канэ приподнялся, прежде чем вонзить копыта в густо пахнущую землю. Отряд резко остановился.

Пение стихло.

Когда мелодия замерла, Кэнсин потратил мгновение, высматривая добычу. Затем он подвел своего боевого коня к аккуратному строю асигару^[40].

– Ты, – сказал он молодому пехотинцу, который пел. – Шаг вперед.

Асигару с обеих сторон расступились как один, по-прежнему сохраняя аккуратный строй.

Певцом оказался мальчик. Возможно, даже моложе семнадцатилетнего Кэнсина.

Под *хатимаки*^[41] юного певца выступили капли пота. Кэнсин наблюдал, как тонкая полоска ткани вокруг лба мальчика начала соскальзывать, а герб Хаттори в ее центре потемнел.

Прежде чем сделать шаг вперед, мальчик поправил свою хатимаки. Выпрямился.

Кэнсин на мгновение восхитился его храбростью. Слегка пожалел о том, что собирался сделать. Образ сурового лица отца промелькнул в его сознании.

И его сожаление исчезло.

– Почему ты пел, солдат? – голос Кэнсина разрезал тишину. Глыба льда, отколовшаяся от горы.

Мальчик низко поклонился:

– Я прошу прощения, мой господин.

– Ответь на мой вопрос.

– Я... я начал петь по ошибке, мой господин.

– Громкая правда. Но до сих пор не ответ. – Кэнсин подвел скакуна ближе. – Не заставляй меня спрашивать снова.

Хатимаки мальчика промокла насквозь:

– Я пел, потому что был счастлив.

Конь Кэнсина шагнул невероятно близко. Достаточно близко, чтобы ноздри животного раздулись от запаха мальчика. Как будто Канэ почувствовал запах своей еды.

Мальчик отшатнулся от злобного блеска во взгляде боевого коня.

– Счастлив? – Кэнсин понизил голос. – Ты счастлив, что провалил свою миссию?

– Нет, мой господин, – небольшая заминка.

Разочарование пробежало по коже Кэнсина:

– Какова твоя цель на этой земле, солдат?

– Служить благородному клану Хаттори, – громко, механически отозвался тот.

Кэнсин наклонился вперед в седле, тревожная боль пронзила его живот:

– Вот и послужи ему. – Без предупреждения он ударил мальчика ногой по лицу. Хруст сломанных костей отозвался эхом вместе с испуганным вскриком мальчика. Он упал в грязь рядом с копытами Канэ. Из его носа и рта закапала яркая кровь.

Пока Кэнсин наблюдал, как мальчик пытается проглотить свою боль – принять свое наказание, – еще один приступ сожаления зашевелился в его горле.

Незнакомая ему неопределенность.

Он быстро проглотил его. Затем перевел взгляд на остальную часть своего отряда.

– У нас нет причин для счастья, – Кэнсин позволил своему голосу разнестись по рядам асигару и конных самураев. – Нет повода для празднования. Мы провалили нашу миссию. Но знайте: мы так просто не смиримся с этой неудачей. Каждый из нас должен хорошо отдохнуть сегодня ночью. Потому что завтра мы снова отправимся в путь. – Канэ затопал копытами, избитый мальчик сжимался при каждом их ударе о землю. – И не будет ни пения, ни смеха, ни празднования, пока мы не добьемся успеха.

Кэнсин направил Канэ к началу отряда. Но там он не остановился. Вместо этого он пустил своего скакуна в полный галоп. Направил его по другой дороге.

Той, что даст им минутную передышку.

Хаттори Кэнсин не хотел, чтобы его встречали у главных ворот, как победителя, вернувшегося с войны.

Он этого не заслужил.

Дорога, которую он выбрал, вела к заднему двору в его родовое поместье. Входу, не предназначенному для представителей знати.

Перед ним возвышались ворота, их деревянные доски были плотно вставлены в раму. По периметру были уложены камни, с такой плотностью прилегающие друг к другу, что никакой раствор между ними был не нужен.

На заднем дворе жили многие из самых важных слуг и вассалов клана Хаттори. Он также служил резиденцией для нескольких ученых и мастеров, которые были гостями клана Хаттори, некоторые оставались тут годами. Все ради того, чтобы отец Кэнсина мог

укрепить свою репутацию прославленного даймё с растущим влиянием.

По правде говоря, Кэнсин часто предпочитал возвращаться домой через этот вход. Это давало ему возможность вернуться незаметно. Если он подъедет к главным воротам, его будет ждать мать с бесчисленными слугами позади. Его отец будет следовать за ней всего в нескольких шагах.

Ворота распахнулись, и Кэнсин направил Канэ к конюшням на заднем дворе. В тот момент, когда он спешился, конюх бросился ему на помощь.

– Я сам займусь своим конем, – сказал Кэнсин слуге. – И пожалуйста, пока я не закончу, не сообщай моей матери о моем прибытии.

Отступив назад, молодой слуга низко поклонился.

Кэнсин завел Канэ в первое же пустое стойло и, не торопясь, принялся снимать вареную кожаную броню с мокрой от пота спины коня. В ответ на то, что его больше ничто не обременяло, Канэ заржал, роя копытами землю. Он всегда был беспокойным зверем. Кэнсин с улыбкой взялся за широкую кисть и начал чистить своего скакуна.

Еще одна задача, которая ему нравилась. Еще одно задание, которое ему слишком редко давали выполнять дома.

Позади него по плетеным циновкам, разбросанным по полу конюшни, зашуршали легкие шаги.

Он не стал оборачиваться.

– Матушка, я...

– Из всех животных в конюшне я меньше всего ожидала встретить тебя.

Улыбка снова скользнула по его губам.

– «Меньше всего ожидала встретить тебя», *мой господин*. – С этими словами Кэнсин обернулся, даже не пытаясь скрыть своего удовольствия от появления этой неожиданной гостьи.

К воротам прислонилась юная девушка в простом кимоно из темно-синего шелка. Она сморщила свой хорошенький носик в игривом отворачивании к его словам.

Их титулы долгое время были источником забавы для обоих.

Ведь эта девушка на самом деле не была служанкой Кэнсина.

Несмотря на то, что его отец часто говорил ему наедине.

– Нечасто тебе удается меня удивить, Хаттори Кэнсин, – по мере того как девушка говорила, ее тон становился все более пресным. Почти угрюмым.

Ее веселье уже пошло на убыль. Так быстро.

Слишком быстро.

Кэнсин прочистил горло, позволяя своей улыбке погаснуть, несмотря на желание оставаться беззаботным. На ее щеке и носу были пятна. Он бы поставил десять золотых рё на то, что они были от пыли полирующего песка. Такие же, как когда они были детьми. Такие же, как когда она помогала своему отцу – знаменитому ремесленнику Мурамасе Сэнго – полировать оружие в расположенной рядом кузнице.

Воспоминания нахлынули на Кэнсина, приятные и теплые. Ему не следует – и он не будет – снова столь фамильярно улыбаться этой девушке. Как бы ему этого ни хотелось.

Этот жест не пошел бы им на пользу.

Горло Кэнсина сжало сомнение. Ужасное ощущение, которое возникало только в присутствии этой девушки.

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Ну, я не собираюсь чистить за тебя твою лошадь, хоть ты и грозный Дракон Кая. – Хотя ее слова были резкими и освежающими – как брызги воды по глине, – ее голос был спокоен.

Это подходило ей. Амае.

Ночной дождь.

Освежающий. Но спокойный.

Кэнсин стиснул зубы:

– Ты и не должна...

– Ты давно не приносил свой меч на полировку. – Амая шагнула к нему. – Мой отец упомянул об этом только вчера. – Она протянула левую руку. – Дай его мне, – она говорила так, словно между ними ничего не было.

Словно Кэнсин для нее ничего не значил.

То же самое сомнение усилило свою хватку. Кэнсин отбросил его словно ненужную ношу, передернув плечами.

Пусть лучше Амая думает, что он для нее никто. Лучше для них обоих.

Чем дольше он будет думать подобным образом, тем быстрее это станет правдой.

Без лишних слов Кэнсин снял свою катану с пояса и передал ей.

Амая вытащила клинок из богато украшенных *сая*^[42]. Ее взгляд скользнул по замысловатой *цубе*^[43] – по медно-позолоченной филигрании герба Хаттори на гарде. По разинутой пасти дракона, инкрустированной бирюзовой эмалью. Она задержала глаза на самом лезвии и цокнула.

– Ты что, так ничему и не научился? – легко отругала его Амая. – О таком произведении искусства надо хорошо заботиться.

Кэнсин смотрел, как она изучает бороздки в тщательно изготовленной драгоценной стали. Зазубрины износа и запущенности. Ее глаза были мягкими серыми лужицами. Беспокойство прорезало между ними морщину. Которую ему отчаянно захотелось разгладить быстрым движением большого пальца.

Именно эта морщинка – эта забота о чем-то, что более не должно было беспокоить Амаю, – умерила гнев в венах Кэнсина.

Несмотря на попытки скрыть это, Мурамаса Амая всегда беспокоилась о вещах гораздо больше, чем следовало бы.

– Ты права, – ответил Кэнсин. – Все, что создано Мурамасой-сама, требует заботы, – его слова были пронизаны тайной нежностью.

Те же самые мягкие глаза поднялись на него. В них не было колебания.

– Отец согласился бы с тобой. – Она замолчала, а затем отвела взгляд. – Я прослежу, чтобы лезвие было заточено и возвращено тебе сегодня вечером.

– Не надо.

– Нет. – Амая вернула катану в ножны плавным движением запястья. – Отец не хотел бы, чтобы созданный им клинок оставался в таком ужасном состоянии. – Она говорила так, как будто ее отец – возможно, самый знаменитый кузнец во всей империи – будет лично затачивать и полировать меч, но Кэнсин знал, что этим займется Амая.

Знал это с уверенностью, подобной тому, что солнце будет всходить каждый рассвет.

Острая боль прорезала путь в его сердце.

Но он ничего не сказал. Ничего не сделал.

Так будет лучше.

Когда Амая повернулась, чтобы уйти, она оглянулась через плечо. Если бы он не знал ее достаточно хорошо, то Кэнсин мог бы подумать, что Амая колеблется.

– Марико... не умерла, Кэнсин. Она не может быть мертва.

– Я знаю.

– Хорошо. – Амая кивнула. – Не сдавайся в ее поисках.

– И не собираюсь.

Легкая улыбка осветила ее лицо. Вся его решимость рухнула при виде нее.

– Амая... – Кэнсин быстро сократил расстояние между ними. Ему так хотелось стереть пятна с ее щеки. Нажать на морщинку между ее бровями, пока та не исчезнет под его прикосновением. Его рука поднялась к ее лицу.

Она отпрянула.

– Хорошего вечера, *мой господин*. – Амая низко поклонилась.

В этом жесте Кэнсин не увидел поддразнивания. Их обычных шуток.

Он скучал по ним больше, чем мог бы выразить словами.

Но Кэнсин знал: так будет лучше. Он шагнул в сторону. Опустил голову в поклоне.

Когда она повернулась, чтобы уйти, Кэнсин обнаружил, что движется вперед, его ноги подчиняются невысказанным командам сердца.

Он не мог смотреть, как она уходит.

Только не снова.

Вместо этого Кэнсин холодно прошел мимо нее, вернувшись под полуденное солнце двора. Он чуть не остолбенел, когда увидел там стоящую мать. Замершую в ожидании. Она не смотрела на него. Ее понимающие глаза были прикованы к Амае. Их пронзительные зрачки следовали за дочерью Мурамасы Сэнго, пока стройная тень девушки не скрылась за ближайшим углом.

Кэнсин невозмутимо подошел к матери. Он поклонился ей.

– Матушка.

– Сынок. – Она всмотрелась в его лицо. Ища то, о чем он мог только догадываться. – Твоя сестра?

Кэнсин покачал головой.

Царственные плечи его матери чуть поникли. Только тот, кто стоял рядом, мог обнаружить это.

По крайней мере, ей Кэнсин мог предложить утешение. Он приложил руку к ее щеке.

– Она жива, матушка, – сказал он. – Клянусь. Марико жива.

Огонь истины вспыхнул в ее глазах.

– Верни ее нам в целости и сохранности, Кэнсин.

– Я верну.

– Значит, у тебя есть план?

Кэнсин кивнул:

– Завтра я выезжаю в столицу.

– Ты надеешься найти свою сестру в Инако?

– Нет. – Его губы сжались в жесткую линию. – Я надеюсь найти там ответы.

Множество видов силы

Марико никогда не подозревала, что может ненавидеть кого-то с такой глубинной свирепостью. Она всегда считала это чувство бесполезным занятием. У ненависти нет никакой цели, кроме мучения своего носителя.

Но эти последние несколько часов доказали, как она ошибалась.

Она ненавидела всех этих мужчин. Всех до последнего. С такой силой, которую она никогда не могла себе представить. Даже последние распоряжения ее родителей не вызвали такого негодования. Конечно, ее брак по расчету спровоцировал отклик. Очевидную горечь. Даже ярость. Всплеск эмоций, с которыми Марико боролась несколько недель.

Но ненависть?

Никогда.

А сегодня ее мысли были поглощены кровавым возмездием. Марико мечтала поджечь лагерь Черного клана не менее десяти раз за последний час.

Она начала замышлять. Позволила плану переплестись с ее разумом, как гобелену, растянутому на ткацком станке. Марико фантазировала о том, как под покровом ночи очень осторожно подкладывает растопку под кусты. Она воображала, как устанавливает свои собственные ловушки. Естественно, гораздо более хитроумные, чем все, что мог когда-либо придумать Черный клан. В своей голове она осторожно протягивала тонкую веревку, пропитанную смолой, к заранее выбранному укрытию. Затем она спокойно поджигала ее. Остановившись только для того, чтобы посмотреть, как Черный клан горит, как исчадие ада, которым он и был.

Видение обрело свою живость – долгожданная передышка от реальности.

И как раз в этот момент с неба упал небольшой камень, ударив ее по голове.

Боль расцвела в ее голове, как струйка дымящейся воды. Ее мечта о мести снова обрела форму, становясь все более яркой и детальной.

Теперь сами демоны леса поднялись по ее команде, готовые нести свой призрачный хаос.

Еще один камень мелькнул за ее плечом.

На этот раз больше.

Марико отказывалась плакать. Падать на землю в жалком страдании.

– Поторапливайся, мальчишка, – раздался поблизости резкий голос.

Ее губы были сухими. Колени дрожали. Тем не менее Марико подняла еще четыре бревна и прижала их к груди. Она попыталась использовать храбрость как источник силы, но та не помогала. Как ни странно, именно страх гнал ее вперед. Страх, что она не справится со своей задачей – узнать правду.

Страх, что Черный клан обнаружит, что она не мальчик. Она не ела со вчерашнего дня. Если не считать мутной прудовой воды, которую она выплюнула сегодня утром, последним, что Марико пришлось выпить, было вчерашнее саке. В ту же ужасную ночь, когда она попала в плен.

Ее мучитель шел рядом с ней, с нескрываемым удовольствием пиная темную землю перед ней.

– Всего четыре? – сказал он. – Такими темпами мы пробудем здесь весь день. – Юноша усмехнулся, его пожелтевшие глаза сузились. – Я никогда не видел более слабого оправдания для мужчины.

Грудь Марико сжалась от его слов, сердце пропустило удар. Взгляд парня не отрывался от нее, даже когда он подбросил в воздух еще один маленький камень. Который затем поймал. И снова подбросил.

Играя с ней.

Марико приготовилась к неизбежному удару камешка. Разумеется, даже несмотря на то, что она ускорила шаг, тот ударил ее сзади по ноге, вонзившись в икру со всей яростью крошечного лесного существа.

Негодование зашипело в ее горле. В том самом горле, которое отчаянно нуждалось в глотке воды.

Ее мучитель встал перед Марико, смакуя ее очевидное страдание.

Рэн. Мальчик с убийственными глазами и остроконечным пучком волос.

Оказалось, что ее самые ранние подозрения были верны: за свирепым взглядом Рэна действительно скрывалось что-то гораздо более темное – юноша, который улыбался в лицо страданию, как будто получал от этого невероятную радость. Рэна назначили следить за Марико, и он справлялся с этой задачей так, как, несомненно, справился бы только такой парень, как он.

Как лис, подбирающийся к ласточкиному гнезду.

– Вы слышали меня, лорд Слабак? – Рэн наклонился ближе, выражение его лица стало еще более злым. Кончики его пальцев свисали с поленца.

Марико закрыла глаза, ее тело окаменело.

До сих пор ей удавалось сохранять самообладание. Она ни разу не заплакала. Не попросила даже каплю воды. Когда за ней неизбежно придет Смерть, Хаттори Марико не будет хныкать и жаловаться. Она будет держать свои эмоции под полным контролем, чего бы это ни стоило.

Свободной рукой Рэн постучал костяшками пальцев по ее голове. Глаза Марико распахнулись. Он прикоснулся к ней. Ударил ее. Прилив гнева залил ее глаза красными пятнами. Она быстро сморгнула их.

Теперь Хаттори Марико была воином.

«А воин никогда не бывает слабым».

Рэн улыбнулся Марико, словно мог увидеть сквозь ее глаза уродливую правду ее души. Хотя юноша был немногим выше ее, он упивался этим фактом. Марико подозревала, что ему нечасто попадались мужчины ниже него.

К сожалению, это почти равенство роста не давало ей никаких преимуществ. Рэн был более коренастым, его мышцы были наработаны тяжелым трудом. Она могла увидеть шрамы и мозоли на его руках и предплечьях. Этот парень привык к наказанию в виде работы.

Когда Рэн заметил, что она изучает его, то насмешливо фыркнул:

– Я спрашиваю, слышал ли ты меня, жалкое оправдание для...

– Я слышал тебя.

Улыбка Рэна исчезла. Он бросил бревно поверх четырех, уже прижатых к груди Марико.

Она впервые споткнулась. Почти потеряла контроль над своей ношей.

– Пошевеливайся. – Рэн вынул из ножен один из крючковатых мечей за своей спиной. Пара смертоносных орудий, сделанных по образцу садовых серпов. – Глава сказал, что, если мне не понравится, как ты работаешь, я могу разрезать тебя на куски и скормить Акуме. – Он прижал плоский конец серпа к своей шее. В еще большей издевке.

Марико глубоко вздохнула. Она продолжила свой путь, не обращая внимания на растущую боль в руках. Не обращая внимания на сухое жжение в горле и внезапную угрозу слез. Пот застилал ей зрение. Облизывал ладони.

Как ей хотелось сбежать! Исчезнуть в лесу как призрак. Не оглядываясь назад. Эта мысль захватила ее. Но лишь на мгновение.

«Тиё. Нобутада. Шанс доказать свою ценность».

Четыре шага.

Все, что смогла сделать Марико, – это четыре шага, прежде чем рухнула на лесную подстилку и бревна вывалились из рук.

Рэн мрачно рассмеялся:

– Для тебя это будет долгий день. Жаль, что он также станет твоим последним.

Марико уткнулась лицом в землю, ее пульс гулко стучал в ушах. Земля была ароматной и живой. Она хотела зарыться в нее. Исчезнуть. Прокопать себе путь на другую сторону.

– Вставай.

Новый мучитель. Тот, чей голос Марико легко узнала.

И с охотой возненавидела. Без всяких вопросов.

– Вставай. – Теперь он был ближе. Его голос стал еще грубее.

Она уперлась руками в землю и села на колени.

Оками посмотрел на нее сверху вниз, скрестив руки. Выражение его лица было странным. Смесь скуки и хищного веселья.

– Вставай.

Короткое мгновение прошло в молчаливом бунте. Марико встретила с ним взглядом, с удивлением почувствовав внезапную вспышку мужества внутри себя. Той смелости, которую она стремилась найти весь день. Оками не отвел взгляда, хотя одна его бровь вопросительно поднялась.

– Беспольный, – выдохнул он через нос. – Абсолютно беспоольный.

С этими словами Волк отвернулся. Отвергая Марико практически на том же выдохе.

Злость, которая так долго дремала, вспыхнула в ее груди. Марико вскочила на ноги, сжимая в одной руке бревно. Она перехватила его как дубину, целясь в его высокомерную голову.

Оками уклонился от полена, даже не отступив. Выражение его лица никак не изменилось из-за ее попытки нанести удар. На нем была написана та же скука.

Но, возможно, оно стало чуть менее веселым.

«Он думает, что я жалкая. Беспольная».

С яростью, от которой покалывало кончики пальцев, Марико снова взмахнула бревном. С силой, что чуть не сбила ее с ног.

Оками быстрее молнии над озером прокатился по лесной подстилке. Когда он поднялся, то взмахнул длинной веткой, зажатой в левой руке. Он один раз ударил ею Марико по локтю. Вспышка покалывающей боли пронзила ее руку. Бревно упало на землю.

Когда Марико сжала пальцы в кулак, готовясь к атаке, Оками ударил ее по плечу той же веткой. Ее ладонь раскрылась сама по себе. Сопротивляясь попытке преобразовать ее в кулак. Впервые с тех пор, как ей поручили перетаскивать бревна из одного заброшенного уголка леса в другой, Марико гортанно вскрикнула.

Не от боли. А из ненависти.

Болевые точки. Это адское отродье нажимало на ее болевые точки.

– Что, с тебя хватит? – спросил Оками, спокойно стряхивая лесной сор со своего черного косяда.

Марико жалобно выдохнула:

– Ты жульничаешь.

– Ты беспоольен.

– Я *не* беспоольен. – Она начала оттирать грязь с лица, вытирая его рукавом, как это часто делали солдаты, которых она видела.

Оками поднял ветку перед собой на уровень своего плеча:

– Докажи.

– Как? – Она моргнула. Рэн, стоящий рядом, зловеще рассмеялся и отступил в сторону, прислоняясь к кривому стволу дерева.

– Отними у меня ветку, – сказал Оками.

Глаза Марико расширились. В ее сознании открылось несметное число возможностей, каждую из которых она быстро отбрасывала. Она окинула его взглядом с головы до пят. Оценила его впечатляющий рост. Тело, обученное битвам, обтянутое извилистыми мышцами. Длинная рука была направлена в ее сторону, пальцы цепко обхватили ветку.

Он был полностью готов преподать ей запоминающийся урок.

Стараясь изо всех сил изобразить презрение, Марико выплюнула остатки земли изо рта.

– Что ты мне дашь, если я отниму у тебя ветку?

– Ты не в том положении, чтобы торговаться. – Он наклонил голову, шрам на губах казался серебристым в луче солнечного света.

– По крайней мере ты можешь сказать мне, зачем меня сюда привезли. Что вы собираетесь сделать со мной.

– У меня нет намерений делать что-либо с кем-либо. – Его черные глаза блеснули. – Только спать, есть и пить до конца моих дней.

Марико воздержалась от того, чтобы осуждающе нахмуриться. Почему такой ленивый парень решил служить Черному клану, было выше ее понимания.

– Если ты не собираешься отвечать ни на один из моих вопросов, у меня нет повода драться с тобой. – Она позволила словам сорваться с ее губ, как камням с горного склона. Грубо покатиться вниз. – Тем более что я знаю, что проиграю.

– Ты проиграешь, потому что ты медленный и нетренированный.

– Видимо, это и делает меня бесполезным в твоих глазах, – сказала она. – Это и то, что мне, очевидно, недостает сил.

Рэн снова разразился мрачным смехом. Смехом, который только еще больше разозлил Марико.

– Есть множество видов силы, лорд Безбородый. – Ветка приземлилась на плечо Оками, его тон был задумчивым. – Сила сердца. Сила духа.

Хотя она была удивлена, услышав эти слова от этого юноши, Марико постаралась скрыть это:

– Покажи мне воина, который верит в это, и я постараюсь отобрать у тебя ветку.

Кривая усмешка тронула губы Оками:

– Будь быстр, как ветер. Безмолвен, как лес. Яростен, как огонь. Непоколебим, как гора. И ты сможешь сделать что угодно... даже отнять у меня эту ветку.

Марико фыркнула, сдерживаясь, чтобы не скрестить руки на груди, как сделала бы ее мать.

– Чересчур загадочно. Особенно когда простые слова делают все возможным.

– Рад, что мы согласны друг с другом. – Он снова поднял ветку. – Отними ее у меня, лорд Безбородый.

Ее глаза сузились до щелочек.

– Слова *не* делают все возможным. Идеи – вот семена возможности.

– Без слов идеи – не что иное, как безмолвные мысли. – Оками крепко держал ветку. Непоколебимо.

– Без идей слова никогда бы не появились.

– Ну ладно. Дай мне идею, не используя слова. – Еще одна медленная, насмешливая улыбка. – А теперь отними ветку.

Вспыхнув от гнева, Марико вернула ему решительный взгляд. Хотя выражение лица Оками по-прежнему выражало беспристрастное веселье, пламя вспыхнуло в его глазах словно солнце в полночь. Это зрелище побудило ее принять окончательное решение. Бесчестное. То, о котором она обязательно пожалеет.

– Я предпочитаю сражаться в битвах, в которых знаю, что могу победить. – С этими словами Марико наклонилась, чтобы поднять ближайшее к Оками бревно. Как только он опустил ветку во второй раз, она вскочила, врезавшись всем своим весом в его раненое правое плечо. На котором, как она знала, была свежая рана от удара канабо великана прошлой ночью.

Волк громко зарычал, когда они вдвоем упали на землю спутанной кучей. Марико приземлилась на него сверху, рванувшись к ветке, но Оками сбросил ее на живот, выбивая из ее тела все остатки воздуха, когда надавил на нее с излишней силой. Влажная земля попала ей в рот, заставляя ее отплевываться, рычать и дергаться.

Марико попыталась ткнуть его локтем в лицо, но в ответ услышала лишь насмешливый смех.

– Теперь я должен тебе ранение, Санада Такэо, – прошептал Оками ей на ухо. – А я всегда плачу свои долги. – Он поднял ее на

ноги, словно она была всего лишь мешком с воздухом. – А теперь возвращайся к работе.

Унижение пустило корни в груди Марико, цепляясь за ее существо, как рыболовный крючок. Она выплюнула землю изо рта и поправила грязный косодэ, надеясь пробить его решимость, как он ее.

– Это пустая трата времени. Если бы ваш славный главарь предоставил мне повозку, я бы уже несколько часов назад перестал таскать эти бревна.

Это был весомый аргумент. С которым он – из всех этих людей – должен был с готовностью согласиться, поскольку Волк не любил совершать ненужные усилия.

Оками остановился, потирая плечо. На мгновение Марико показалось, что он согласится. Особенно когда она уловила на его лице след веселья. Затем он откинул свои черные волосы со лба, словно отгоняя эту мысль.

– Если это последняя задача в твоей жизни, то никогда не будет пустой тратой времени сделать ее как можно тщательнее.

Холодный поток страха перекрыл гнев Марико.

– Ты... ты ведь не имел это в виду на самом деле. Если вы собирались убить меня, вы бы уже это сделали. Зачем приводить меня сюда? С какой целью? – Она сосредоточила остатки своего страха на чем-то одном. Чем-то острым. – И если это действительно последняя задача в моей жизни, я лучше буду делать что-то другое – думать о чем-то другом, – но не это.

– Ты бы потратил свой последний день на размышления? – Оками смотрел на нее не мигая.

– Я бы провел его, думая о чем-то значимом. Делая что-то благородное.

«Например, разоблачая местоположение вашего лагеря. Или пытаясь положить конец вашей банде кровожадных воров».

– Размышления? – вмешался Рэн, сплевывая в грязь у ее ног. – Знания никого не кормят. Они также не выигрывают ни одной войны.

– Неудивительно, что ты так думаешь. – Марико не удосужилась даже бросить взгляд на юношу с неопрятным пучком на макушке.

– Благородное? – Оками шагнул ближе, его рука все еще была прижата к плечу. Воздух наполнился медным запахом свежей крови. –

Ты считаешь нападение на раненого без предупреждения благородным делом?

Краска залила щеки Марико. Она знала, что пожалеет об этом решении, как только приняла его. Честь была фундаментальным принципом бусидо. И ее выбор обмануть Оками и воспользоваться его слабостью был, без сомнения, бесчестным.

– Меня, – она сглотнула, – вынудили так поступить.

– Как и многих мужчин.

– Я...

– Не утруждай себя объяснениями. Честь не имеет для меня никакого значения. – Волк продолжал изучать ее. – И я нахожу знание ядом для слабого ума.

В горле у Марико скопился целый список возражений, но ни одно из них не казалось достаточно убедительным. Достаточно мудрым. Поэтому она предпочла победить слова молчанием.

Наполненным идеей.

– Никогда не сомневайся. Никогда не бойся. Никогда не думай слишком много. – Оками смотрел на нее, пока говорил. Как будто искал что-то помимо нее. – Это единственный способ остаться в живых.

В его словах мелькнула тень смысла. Это расстроило ее еще больше. Губы Марико сжались. Кожа в их центре потрескалась, и соленая кровь коснулась языка.

Гнев пробежал по ее коже. Гнев на него. Гнев на себя.

Как бы ей хотелось, чтобы у нее была наготове идеальная реплика. Которой она могла бы выстрелить в ответ, как отшлифованным камнем.

Не говоря ни слова, она наклонилась, чтобы поднять упавшие бревна.

Когда Марико снова выпрямилась, ей показалось, что Оками вздрогнул, словно ему в глаза посветили фонарем.

Он потянулся, затем зевнул.

– Если подумать, отведи лорда Безбородого к Ёси, – сказал Оками Рэну. – Убедись, что он поест. Хорошо политое дерево приносит более сладкие плоды.

Когда Волк повернулся, чтобы уйти, храбрость подтолкнула Марико перейти ему путь в последний раз.

– Ответь хотя бы на один вопрос. После того как меня опоили и притащили сюда против моей воли, я, по крайней мере, имею право на это.

Он ждал, черты его лица были хладнокровно-равнодушными.

Марико глубоко вздохнула:

– Я пленник или слуга?

Оками помолчал, прежде чем ответить:

– В любой ситуации мы сами выбираем, кем мы являемся, будь то слово или идея. – С легкой улыбкой он пошел прочь.

«Мне не нравится этот парень. Ужасно не нравится».

Прежде чем она успела собраться с мыслями, Рэн дернул ее на себя. Марико краем глаза наблюдала за тем, как Оками пристегивает бо к себе за спину. Волк сел на серую лошадь и выехал из лагеря, кивнув в знак приветствия караульным, патрулирующим периметр.

Как бы Марико хотела превзойти его хоть в *чем-то*.

Хотела бы она во всем одолеть его.

Волк был не так умен, как он думал. Марико обнаружила, что обдумывает способы уничтожить его. Чтобы посмотреть, как он страдает.

И молит о пощаде.

Но ей не следовало тратить свое внимание на такие жалкие эмоции. Не тогда, когда ей на пятки наступало так много других неотложных забот. Марико нужно было узнать, почему Черный клан привел ее в свой лагерь. Возможно ли, что они каким-то образом узнали, кто она такая? Взяли ли ее в заложницы?

От этой мысли ее позвоночник сковал лед.

Но так же быстро, как страх захлестнул ее, он и растаял. Если бы Черный клан знал, кто она такая, они бы уже убили ее. И Марико не позволили бы даже ту ограниченную свободу, которая была у нее до сих пор.

Марико вздохнула. Каждый ее шаг приносил с собой новый вопрос. Ей нужно было узнать, зачем Черный клан привел ее в свой лагерь. Кем именно они были. Но больше всего ей нужно было узнать, почему их послали убить ее.

И кто.

Она искоса взглянула на Рэна, пока они шли к центру лагеря. Сквозь дымку послеполуденного солнца его пожелтевшие глаза

напомнили ей змею, поджидающую в летней траве. Которая будет скользить в тени, преследуя свою добычу, убаюкивая все вокруг себя ложным чувством безопасности.

Возможно, лучший способ получить ответы для Марико – это сделать то же самое. Перестать быть такой ершистой. Начать обращать внимание.

Следовать приказам. Завоевать доверие.

Сначала ей нужно было найти способ стать полезной для Черного клана. Затем – когда эти мужчины будут обмануты ложным чувством безопасности – она нанесет удар. Неприятное ощущение скрутило ее грудь, пока она обдумывала этот план действий. Ибо он не был честным – это был чистый обман. Более тревожный, чем ее решение притвориться мальчишкой и отправиться на поиски Черного клана.

Настоящий воин не дрогнул бы перед своими врагами.

Не ползал бы в тени.

Но Марико так много хотелось узнать. Так многому хотелось научиться.

И она начала понимать, что честь не сослужит ей хорошую службу в логове воров.

Некоторое время Марико обдумывала идею спросить Рэна, как работают способности Оками. Этот идиот думал, что войны не выиграть знанием? Знания были всем на войне. Особенно в войне умов. Она могла бы обмануть злобного болвана, чтобы он раскрыл компрометирующую информацию. Узнать, как Оками был способен двигаться подобным образом. Почему использование его сил, казалось, наносило ему такой тяжелый урон.

Оглянувшись в последний раз через плечо, Марико обнаружила, что также хочет знать, куда направился Волк.

И к кому.

Но пока она затаится в тени и будет ждать.

Усталость духа

Мужчина с деревянной ногой наклонился над дымящимся котлом, вглядываясь в его содержимое с сосредоточенностью курицы-наседки.

Он отстранился, чтобы раздуть огонь под железным котлом. Закопченные мехи застонали, когда он поддувал пламя струей воздуха.

Как и подозревала Марико, этот Ёси оказался поваром.

Когда из котла поднялся еще один порыв пара, Ёси отошел в сторону, и на его лице расплылось нечто похожее на улыбку. Он был несколько тучным в области живота. Его покрасневший лоб блестел от пота, а одно ухо казалось больше другого.

Ёси вновь наклонился вперед, когда Марико и Рэн подошли. Его глаза все еще были прикованы к содержимому котла.

– Ёси-сан. – Рэн подтолкнул Марико ближе, упираясь плечом ей в спину. Она воздержалась от хмурого взгляда, когда, спотыкаясь, сделала шаг вперед.

– Ты все еще здесь? – пробормотал Ёси, даже не оборачиваясь.

Его пренебрежительный тон напомнил Марико об ее отце, хотя Ёси выглядел на несколько лет моложе Хаттори Кано. Она поджала губы.

– Не уверен, что у меня есть выбор, – низким голосом отозвалась она. Сделала его скрипучим, как будто она наглоталась песка. Это правда, что Марико решила сотрудничать, но она знала, что только дурак будет рад оказаться в плену у Черного клана. По крайней мере не так скоро после пленения.

– Конечно, у тебя есть выбор, – сказал Ёси.

– Я что-то не вижу, какой.

Он повернулся к ней лицом, длинная деревянная ложка покачивалась в его руке.

– Ты мог бы сбежать. – Его тон был осторожен, морщины вокруг рта углубились.

Марико задумалась. Интересно, что могло побудить Ёси сделать такое замечание?

– Меня бы поймали.

– Это верно. – Он кивнул, почти ритмично барабанил ложкой по бедру. – Тебя скорее всего поймали бы.

– Тогда зачем рисковать?

– Без риска жизнь слишком предсказуема.

Марико уставилась на него, стирая с лица всякое выражение. Она не ожидала встретить философа, похороненного под изношенной внешностью повара.

– Мы рождаемся. Мы живем. Мы умираем. Все, что имеет значение в жизни, предсказуемо. Камень оседает в почве. Цветок источает аромат. А...

– Цветок может прорасти сквозь скалу, если потратит на это достаточно времени.

– И достаточно солнечного света. Достаточно воды. Достаточно...

Ёси резко рассмеялся. Этот звук так согрел ее, что ее это встревожило. Марико не хотела, чтобы ей нравился кто-либо из членов Черного клана. Тем более этот грозный мужчина, размахивающий деревянной ложкой. Ёси продолжал смеяться, грубость его хохота вспыхивала пятнами света. Он снова повернулся к своему драгоценному котлу с дымящейся жидкостью, опуская ложку в его глубины с той же предусмотрительной осторожностью.

С каждым мгновением ее любопытство росло, Марико наклонилась ближе, чтобы заглянуть в кипящий котел, решив посмотреть, что же Ёси так кропотливо готовил.

Пузырящаяся жидкость задвигалась, когда он перемешал ее ложкой. В поле зрения появился знакомый объект.

Яйца?

– Ты выглядишь разочарованным. – Ёси искоса посмотрел на нее. Марико нахмурилась.

– Это всего лишь яйца.

Губы Ёси хмуро выпятились, когда он достал одно яйцо из котла и осторожно положил его в другую миску с водой неподалеку.

– Это не просто яйца. – Краешком ложки Ёси начал катать яйцо в воде.

Вокруг опустилась неловкая тишина. Она так затянулась, что Марико больше не могла молчать.

– Зачем ты моешь яйцо после варки?

– Это холодная вода, – сказал Ёси, вынимая яйцо из его прохладной ванны и поднося его к свету. – Две крайности составляют одно идеально приготовленное яйцо.

Он постучал закругленным концом яйца о стенку котла. Затем он сделал то же самое с заостренным концом. Он поднес яйцо к губам и сильно дунул, как будто хотел полностью охладить его одним выдохом.

Яйцо вылетело из скорлупы в ожидающую руку Ёси.

– Съешь. – Он протянул ей яйцо.

В последний раз, когда Марико съела что-то, предложенное членом Черного клана, она проснулась поперек крупа лошади. Тем не менее голод пересилил остальные чувства, как только она взяла яйцо. Более сильный воин отказался бы есть любую пищу, предложенную противником. Но в данном случае она не была сильным воином. Она была голодным воробьем.

Марико откусила небольшой кусочек. Яичный белок был холодным и сливочным. Нежным как перышко. Желток был теплым желтым цветком одуванчика. Пар поднимался от него идеальным клубком. В общих чертах это, пожалуй, была самая вкусная вещь, которую Марико ела за всю свою жизнь. Она открыла рот, чтобы целиком проглотить оставшийся кусок.

– Подожди! – окликнул ее Ёси, заставляя от испуга замереть на месте. Из маленькой глиняной баночки он вынул кусок маринованного имбиря размером с половину своей ладони. Двигаясь быстрее, чем могли уследить глаза Марико, Ёси выдернул крючковатый кинжал из коллекции, висящей на поясе, и нарезал две тонкие полоски имбиря поверх яйца. Затем он поднял брови, побуждая ее попробовать.

Марико снова ошиблась.

Вот *это* было лучшее, что она ела за всю свою жизнь.

Хотя ее рот все еще был набит, Марико уже начала произносить приглушенные слова благодарности. Ей было неприятно благодарить члена Черного клана, но она уже сделала свой выбор. Сколько бы они ни держали ее здесь, она будет подчиняться их приказам. Найдет способ стать им полезной.

И будет выжидать в траве, чтобы атаковать.

Когда Марико начала говорить, камешек ударил по краю железного котла, напугав ее. Драгоценное яйцо выпало изо рта на

землю. Прежде чем Марико успела среагировать, Ёси выдернул из-за пояса еще один кинжал и швырнул его в кусты у нее за спиной.

Рэн вскрикнул, когда кинжал вонзился в ствол дерева на волосок от его плеча. Ветки вокруг него задрожали от удара.

– Время приема пищи священно, – выругался Ёси. – Ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой.

– Глава сказал, что я могу делать с новичком все, что захочу, – возмутился Рэн. – Он даже сказал мне, что я могу убить его, если он нарушит хоть одно из наших правил.

«Новичок? Правила?»

Марико изо всех сил пыталась оставаться бесстрашной, пока в ее голове пронесся шквал мыслей. Раскрасневшееся лицо Ёси покраснело еще больше. В этот момент Марико поняла, что была права, промолчав.

Рэн только что раскрыл кое-что, что ему ясно не следовало разглашать.

Ёси сделал целенаправленный шаг в сторону Рэна. Шаг, пронизанный предупреждением.

– Он не сказал, что ты можешь делать, что заблагорассудится, передо мной. И пока Санада Такэо со мной, я настаиваю, чтобы ты не трогал его.

– Хорошо, – отозвался Рэн, и в его пожелтевших глазах вспыхнул гнев. – Наслаждайся едой, лорд Слабак, ведь она может стать твоей последней пищей! – Выкрикивая свои угрозы, он пытался выпутаться из кустов терновника у своих ног. Затем он побрел прочь, выражение его лица обещало жестокую расправу в ближайшем будущем.

«Такой предсказуемый, во всех отношениях».

Марико уставилась на испорченное яйцо, лежащее на земле. Она даже подумала о том, чтобы поднять его и доесть, вместе с грязью и всем остальным.

Жалко растрчивать что-то настолько вкусное.

– Если предполагалось, что это мой последний прием пищи, – пробормотала Марико, – нормально ли, что я даже не успел съесть его, прежде чем он оказался на земле?

Ранее грубый тембр смеха Ёси теперь смягчился.

– Несмотря на мое первое впечатление, у тебя все же есть склонность к драматизму. Что касается того, будет ли это твоя

последняя трапеза, то все зависит от решения Ранмару. – Он перенес еще одно яйцо из кипящего чана в прохладную ванну. – Хотя должен сказать, что для человека, находящегося на грани смерти, ты кажешься на удивление спокойным.

Марико закусил нижнюю губу, еще раз обдумывая, какую информацию Ёси намеревался вытянуть из нее своей угрюмой добротой.

Какую информацию она могла бы, в свою очередь, вызнать у него.

– Я не спокоен, – наконец сказала она. – Я просто прикладываю постоянные усилия, чтобы подавить свой страх.

– Тогда зачем беспокоиться?

– Потому что я не хочу показаться слабым.

Еще одна улыбка тронула его губы, пока Ёси чистил новое яйцо для Марико.

Его доброта могла быть тактикой. Способом ослабить ее защиту. Крайней жестокостью, смягченной крайней внимательностью. Очень похожей на яйцо.

Все это может быть уловкой.

Но яйцо – это обычное яйцо – было таким замечательным. Настолько идеальным.

Как мог кто-то, кто мог с такой заботой приготовить простое яйцо, быть действительно плохим?

Марико вздохнула про себя.

Была ли доброта Ёси ложью или уловкой, она позволит себе стать жертвой. Все во имя высшей цели.

«Следуй приказам. Завоюй доверие. Нанеси удар, когда они ожидают этого меньше всего».

Она узнает, кто эти мужчины. Кому они служат.

И почему они пытались убить ее.

Когда кусты позади Марико снова зашуршали, Ёси выдернул из-за пояса еще один маленький кинжал и прицелился. За этим последовали вопль и топот бегущих ног.

Пока она жевала, Марико восхищалась плавностью его движений. Его деревянная конечность не мешала ему. Но и не давала никакого преимущества, как рассказывают в глупых историях. Она не была ни подарком, ни благословением.

Она просто была. Так же, как и он просто был.

И Ёси метал кинжалы так, как будто был рожден для этого, как орел рожден для полета.

Это осознание побудило ее задуматься над свежей мыслью: «Возможно, истинная слабость – это слабость духа».

– Сколько времени тебе понадобилось, чтобы научиться метать *кунаи*^[44] вот так? – спросила Марико с нескрываемым восхищением.

– Большую часть моей жизни.

Ее взгляд упал на замысловатый кожаный ремень на его бедре. К набору полированных лезвий разной формы и размера.

– Зачем столько разных видов кинжалов?

– Некоторые кунai лучше бросать на короткие дистанции. Другие лучше для длинных. А насчет остальных? Что ж, это один из многих секретов, которыми я владею, – фыркнул он.

Марико подумала о Рэне и его камешках.

– Хотел бы я обладать подобным умением. – Ее губы изогнулись в одну сторону. – Сегодня этот навык сослужил бы мне хорошую службу.

– Ты мог бы научиться. Любой может научиться, если будет достаточно тренироваться.

– Что-то я не уверен. – Следы сомнения застыли на ее лице. – Ты тоже собираешься сообщить мне, что мне нужно быть быстрым, как огонь, чтобы я мог двигать горы по ветру?

Ёси громко рассмеялся.

Марико вовремя сдержала улыбку.

– И ты не должен принижать свои способности. Это оскорбляет и тебя, и меня одновременно.

Его брови снова взметнулись вверх. Она подозревала, что люди нечасто разговаривают с Ёси так прямо.

– Разве?

– Да. Ты оскорбляешь себя, принижая навыки, на развитие которых у тебя ушла вся жизнь. В то же время ты оскорбляешь меня, заявляя, что нужно только постараться, как будто единственная помеха – это мое отсутствие усилий, – речь Марико с каждым словом становилась все быстрее. Прежде чем продолжить, она глубоко вздохнула. – Чтобы даже просто попытаться что-то сделать, нужно сначала поверить в возможность этого. И *затем* получить шанс на

нее. – Когда Марико замолчала, она многозначительно взглянула на дородного мужчину.

Ухмылка Ёси стала понимающей.

– Увы, Санада Такэо, здесь ты не получишь возможности побросать кинжалы. Но твоя попытка попробовать была отмечена. И оценена по достоинству.

– Не попытка. Скорее непрерывный вызов жизни, – размышляла она, – чтобы научиться чему-либо, даже если знание само по себе может подвести тебя.

– Скорее непрерывный вызов юности, – сухо заметил Ёси, опуская в кипящий котел еще несколько яиц. – Не волнуйся. Я могу гарантировать, что все великие возможности в жизни получают с помощью той или иной формы борьбы.

– Могу я спросить, с чем ты чаще всего борешься? – осторожно спросила Марико.

Ёси вытер рукавом пот, собравшийся над бровями. Затем он направился в кусты, чтобы подобрать клинок, который он бросил в Рэна, вытащив его из ствола дерева. Он поднял кинжал на свет, затем с любовью вернул его на место на бедре.

– С постижением нового клинка, – ответил он.

На переносице Марико образовалась борозда.

Ёси пояснил:

– У каждого клинка свой путь. Каждая рукоять отлична. Каждое лезвие уникально. У каждого кинжала свой баланс.

Марико снова задумалась:

– Разве единообразие не улучшило бы ситуацию? Постоянство в ковке стали. В формировании лезвия.

– Постоянства недостаточно. Оно не учитывает случайность, как и всегда существует шанс, что кинжал полетит рукоятью вперед, а не лезвием. Никакое мастерство не исключает этого.

Марико изучала крючковатый кинжал, которым Ёси нарезал ломтики маринованного имбиря.

– Два лезвия, соединенные в центре крестом, будут удобнее для этой задачи, – она задумалась еще на мгновение. – Или, может быть, даже три. В виде звезды.

– Почему не четыре? – весело спросил Ёси. – Увы, ты никогда не увидишь меня с такой громоздкой штукой. Любой эффективный кунай

должен быть легким. – Одним плавным движением он вытащил клинок из ножен и метнул его в ту же ветку. – И быстрым.

Марико уставилась на дрожащую рукоять. Ёси метнул кинжал в то же самое место, что и до этого. Кунай вошел в предыдущую ямку под почти таким же углом. То, как рукоять дрожала – медленно замирая, – напомнило Оками и его таинственные способности. Марико нахмурилась.

Она не хотела напоминаний о том, чего она не понимала.

Особенно если это касалось Волка.

Марико присела на корточки. Подобрала веточку. Начала рисовать.

«И правда. Почему не четыре?»

Той ночью Марико проснулась от крика.

Это заставило ее резко пробудиться, как от ведра ледяной воды. Ее лоб поцарапался о камень, который она использовала в качестве подушки. Ее ногти впились во влажную землю.

Крики, эхом разносящиеся по лесу, были воплями измученного животного. Не человека.

Это не мог быть человек.

Ни одно человеческое существо не могло издавать такие звуки.

По мере нарастания криков каждый удар ее сердца эхом отражался внутри, словно под кожей был натянут барабан. Она открыла один глаз, пытаясь сфокусироваться на тенях в лесу. Пытаясь заглушить звуки чистого страдания.

Вдалеке толпились люди с факелами. Сквозь деревья пронеслись несколько огненных вспышек.

На мгновение Марико подумала о побеге. Черный клан отвлекся. Возможно, они не заметят, как она ускользнет в ночь. Возможно, она сможет выбраться из леса, не наткнувшись ни на одну из их так называемых ловушек.

Возможно.

В ее поясицу влетела нога, испугав ее еще больше.

– Вставай, – это был Рэн. – Сейчас же, – его голос был на удивление грустным.

Марико поднялась на ноги, слишком встревоженная криками, чтобы протестовать. Она последовала за Рэном, который пробирался сквозь деревья с высоко поднятым факелом.

Если не считать криков, в лесу было жутко тихо. Ветер не шевелил ветки. Не слышала Марико и звука жизни вокруг себя. Только треск факела Рэна. Хруст веток под ее босыми ногами.

И крики.

Рэн шел молча, Марико следовала за ним. По мере того как они приближались к скоплению факелов, крики становились все громче.

Марико с трудом удержалась, чтобы не заткнуть уши.

Они подошли к нескольким членам Черного клана, стоящим у основания дерева: его ветви изгибались во тьму, словно пальцы скелета, тянущиеся к небу.

На первый взгляд дерево казалось совершенно обычным.

То, что Марико увидела, как только ее глаза привыкли к темноте, почти сорвало крик с ее собственных губ.

У основания дерева находился молодой человек. Его конечности были обвиты корнями. Корни, выросшие из земли, обвивали его, как колючая лоза. Тонкие струйки крови стекали по его лицу. По коже его рук. По обнаженному животу.

Шипы впивались в кожу юноши. Лианы сжимали все его тело, отчего шипы вонзались все глубже и глубже.

Но на этом кошмар не прекращался.

Когда стук ее пульса стал тише, Марико слышала чавкающий звук, исходящий от лозы, за которым последовал шелест темных листьев, пробивающихся к жизни на скелетных ветвях дерева.

Лозы – само дерево – *подало* юношу.

Дерево высасывало из него кровь.

Он снова закричал – громкий звук сильнейшей боли.

Ранмару и Оками стояли перед ним и смотрели.

Марико захотелось взмолиться о пощаде. Наверняка они могли срезать ветви, обвивающие юношу. Спасти его от этой медленной, ужасной смерти. Она потянулась к колючей ветке, намереваясь сама вырвать ее из земли.

Быстрее искры Оками схватил ее за локоть:

– Не трогай.

Она моргнула, тепло его руки обожгло ее сквозь тонкую ткань украденного косодэ. Он выглядел странно суровым. Гораздо серьезнее, чем когда-либо прежде. Его темные глаза блуждали по ее лицу. Что бы он там ни увидел, выражение его лица на мгновение смягчилось.

– Если ты дотронешься до него, *дзюбокко* поймает и тебя, – сказал он.

В ужасе от этого открытия у Марико отвисла челюсть. Ее глаза расширились, когда она снова взглянула на умирающего перед ней юношу.

Ранмару посмотрел в ее сторону:

– Не жалея его.

Парнишка снова закричал. Его крики с каждой минутой становились все слабее.

– Его послали найти наш лагерь. Найти и убить нас во сне, как коварная змея.

– Даже самая коварная змея не заслуживает такой смерти, – хрипло сказала Марико.

Рэн вздрогнул от ее слов. Его остекленевшие глаза метнулись к ней, выражение его лица нервировало даже в темноте.

– Он не змея. Он нечто гораздо хуже. – Оками сжал кусок грязной ткани в кулак. Марико разглядела край белого герба в его складках, но не смогла увидеть клан. Она также не смогла найти никаких отличительных черт.

Крики молодого человека затихли. Его рот на мгновение приоткрылся, а потом закрылся, зубы застучали, как насекомые, бегающие по камню. Дерево снова чавкнуло, и распустилось множество черных цветов.

Ее ужас становился все сильнее с каждым мгновением. Марико хотелось оторвать взгляд от этого зрелища. Оторвать их от истины перед собой. Она ненадолго задумалась о том, чтобы спросить Рэна, зачем он привел ее сюда.

Зачем они заставили ее стать свидетельницей этого ужаса.

– Ты мог бы закончить это раньше. – Марико посмотрела на Ранмару. Пока она изо всех сил старалась говорить ровным голосом, ее глаза метнулись к лицу Оками. К свету факела, колеблющемуся вокруг его резких граней.

– Ты мог бы положить конец его страданиям, – сказала она ему, привлеченная внезапной потребностью в добре в окружающем ее ужасе. – Не оставляй его умирать вот так. Он просто мальчишка. – Марико закусила нижнюю губу. – Мальчишка... как я. – Как только она произнесла эти слова, к ней пришло понимание.

Понимание того, почему она стала свидетельницей этого ужаса.

Взгляд Оками оставался ровным и ясным. Его глаза – сосредоточенные даже посреди такого страдания – остановились на ней. Черные и блестящие, как оникс, вставленный в рукоять меча ее отца.

– Мы то, что мы делаем, – хотя слова Оками звучали свирепо, в его тоне чувствовалась усталость. – Этот мальчишка пришел в наш

дом с намерением убить нас. Он и ему подобные должны заплатить. – Его кулак снова сжал запачканную ткань и скрытый на ней герб.

– Мы гораздо больше, чем то, что мы делаем! – Марико подошла ближе, словно близость могла разбудить чувство правды. – Мы... – она пыталась подобрать правильные слова, – это наши мысли, наши воспоминания, наши убеждения! – Ее взгляд упал на умирающего юношу. На адское дерево, медленно высасывающее из него жизнь. – Это дерево – не весь лес, – тихо сказала она. – Это всего лишь одна его часть.

– Нет. Убийца есть убийца. Вор есть вор. – Оками склонил голову к ней, столь же твердый в своем убеждении: – В этой жизни стоит верить в поступки и только в них.

Ногти Марико впились в ее ладони. Она сопротивлялась желанию схватить Оками за плечи и встряхнуть его, чтобы он образумился.

Он не изменил своего мнения. И он не двинулся, чтобы помочь.

Это Ранмару наконец присел перед умирающим юношей. Когда главарь Черного клана заговорил, его голос был нежным. Почти успокаивающим:

– Много лет назад трое молодых людей росли бок о бок вместе с лесом, не столь уж отличным от этого. – Он вытер пот со лба паренька чистым куском муслина.

Тот захрипел. У Марико сдавило в груди.

– Когда они были детьми, то играли вместе. Учились вместе. Бросали вызов друг другу, как это могут сделать только друзья. Когда они стали старше, один направился по пути справедливости, другой по пути чести, – голос Ранмару понизился, – а третий – честолюбия.

– Со временем трое молодых людей стали прославленными воинами, у каждого появились собственные сыновья. Когда они выросли и получили влияние, честолюбивый мужчина осознал, что его друг, ценивший честь превыше всего, никогда ни в чем не пойдет на компромисс, даже ради самых дорогих ему людей.

С тихой торжественностью Ранмару потянулся к сверкающей рукоятке катаны на своем боку.

– Тогда честолюбец начал манипулировать своим вторым другом – тем, кто превыше всего ценил справедливость. С мастерством портного он вплетал ложь в правду. Сеял семена сомнения. Он

заставил человека, ценившего справедливость, поверить, что их благородный друг станет угрозой всему, чего они пытались достичь.

Взгляд юноши был прикован к главарю Черного клана. Когда Ранмару обнажил свою катану, он вдохнул через нос. Понимание смягчило морщины на лице умирающего юноши. Он слабо кивнул.

– Когда их благородный друг был обвинен в измене, честолюбец обратился к последнему из их троицы, прислушивающемуся к все тому же всепроникающему чувству справедливости, – Ранмару прервал свою речь. Безмолвно спрашивая разрешения. Взгляд умирающего юноши метнулся от меча к Ранмару. Он снова кивнул. С благодарностью.

Мягко кивнув, Ранмару прижал кончик катаны к сердцу юноши.

– И вот тот, кто превыше всего ценил справедливость, казнил своего благородного друга... перед его единственным сыном. Но когда он понял, что он сделал – ошибку, которую совершил, – он попытался уравновесить чашу весов. Чтобы исправить эту ужасную ошибку и восстановить справедливость.

Оками стоял перед ней, и со своего места Марико наблюдала, как он сжал челюсти. Звук лезвия, разрезающего кожу, пронесся сквозь ночь, когда Ранмару двинулся вперед. Быстро. И окончательно. Благодарная улыбка скользнула по губам юноши, его глаза медленно открылись в последний раз, когда жизнь покинула его тело.

– За попытки исправить эту ошибку человек, который ценил справедливость, был повешен за ноги в бухте Эдо. Утонув на глазах у своей семьи, – Ранмару склонил голову. Как будто он хотел говорить напрямую с Оками. Но не мог. – Под покровом ночи сын этого утопленника – волк-одиночка – поджег палатку палача своего отца и сбежал в горы.

Воздух вокруг них кишел неозвученными мыслями. Бесчисленными невысказанными чувствами, пронесенными сквозь годы и поколения.

И все же Марико все равно поняла.

История, которую рассказал Ранмару, была о нем и Оками. История о двух мальчиках, которые потеряли своих отцов из-за честолюбца. Человека, который когда-то был их самым дорогим другом.

Отец Оками предал отца Ранмару. По этой причине Оками служил Ранмару. По этой причине он был так непоколебимо предан Черному клану. Эти два юноши были неразрывно связаны одним предательством. Связаны жизнью и смертью.

То была дружба, закаленная в крови и огне.

Когда история Ранмару закончилась, растаяв, как призрак в ночи, в голове Мариико сформировался образ, что всплывал несколько дней назад – воспоминание о мальчике, стоящем посреди двора и смотрящем на камни, окрашенные в багровый цвет кровью его отца.

Ее первая мысль была верна – тем мальчиком был Такэда Ранмару.

Уже не мальчиком. Ныне молодым человеком, движимым тайной целью. Которую Мариико только начала осознавать. Против ее воли ее любопытство утихло, как прилив, отступающий от пустынного берега. На его место взметнулась неуверенная печаль – сдержанное сочувствие. Она не могла и представить, каково это будет – потерять всю свою семью прямо на глазах. В одно мгновение потерять все, что ей было дорого. Ее мать. Ее отца. Кэнсина...

Но это могло случиться.

Этот лес научил ее этому даже за эти несколько коротких дней.

Пока Мариико обдумывала вероятность такой потери, осознание забралось ей под кожу. Горло обожгло.

Жаром несправедливости.

Ранмару убил людей ее отца. И Тиё.

И он пытался убить Мариико.

И она никогда этого не забудет.

«Следуй приказам. Завоюй доверие. Нанеси удар, когда они меньше всего этого ожидают».

– Смотри внимательно, Санада Такэо, – Ранмару вынул свой меч из обмякшего тела мертвого юноши и выпрямился. – Этот лес защищает нас. Эти деревья – дзюбокко – повсюду. Наш лес охраняют ёкай, и они не посмотрят на тебя с доброжелательностью, если ты попытаешься сбежать. Если ты каким-нибудь образом попытаешься нас предать. – Он повернулся к ней лицом. – Но если ты будешь верен, однажды лес Дзюкай послужит и тебе.

Мариико уставилась на безжизненного молодого человека. Его кожа приобрела восковой оттенок.

Слева от нее наконец заговорил Оками, его слова звучали как шепот на угасающем ветру:

– Никогда не забывай, Санада Такэо: в этом лесу негде спрятаться.

Метательная звезда

В течение следующих четырех дней Марико слушала. Без нареканий подчинялась приказам. Она узнала, что многие из примерно двадцати членов Черного клана в разное время покидали лагерь, часто возвращаясь с небольшими сундуками шелка. С кожаными сумками с золотыми рё и бесчисленными связками медных монет. Затем они снова уходили под покровом тьмы, унося свою украденную добычу глубоко под сень деревьев. Исчезая из поля зрения.

«В этом лесу негде спрятаться».

Слова Оками эхом отдавались в голове Марико, словно навязчивый припев. Они заставляли ее содрогнуться, когда она думала, что никто не смотрит. Понять свои страхи, как никогда раньше.

Марико обнаружила, что есть некая мудрость в том, чтобы посмотреть своим страхам в лицо. Признание их сделало ее осторожной. Сделало ее умнее. Возможно, эти страхи помогут ей получить крупицу информации. Что-то, что оправдывает все эти усилия. Что-нибудь, что могло бы объяснить ужасы, свидетельницей которых она стала четыре ночи назад в лесу Дзюкай.

Ей нужен был способ завоевать доверие Черного клана. Если не их доверие, то хотя бы подобие их восхищения. С его помощью она могла бы затем начать копать свой путь к истине, как армия термитов, которая стремится уничтожить строение изнутри.

Если случай с дзюбокко и научил ее чему-то, так это тому, что единственный способ завоевать доверие Ранмару – сделать это через Оками. Их связь казалась нерушимой. Своего рода доверие, построенное самим временем. Увы, Марико никак не могла понять, как заслужить благосклонность Волка. Он был совершенно нечитаемым.

Поэтому ей оставалось только бороться за внимание Ранмару.

Она была так сосредоточена на том, чтобы придумать лучший способ произвести впечатление на главаря Черного клана, что ей потребовалось пять дней, чтобы набраться смелости. Начать действовать.

И хотя теперь у Марико был план, она все еще чувствовала неуверенность. Все свободное время, которое у нее было, она тратила

на обдумывание деталей. Рассмотрение возможностей. И все это игнорируя вероятность того, что ее огромная тайна в любой момент может быть раскрыта.

Что любой член Черного клана мог узнать, что она на самом деле не мальчик.

Страх снова овладел Марико, лишив ее дыхания. Ослабляя ее. Единственным средством борьбы было снова вернуться в его холодные объятия.

Он питал ее. Этот страх.

Он давал ей чувство воли.

Марико выпрямила плечи. Собралась с мыслями.

Сегодня Ранмару не обратил на нее внимания. По его мнению, Марико могла быть всего лишь одним листком среди многих. С Оками все было столь же безнадежно. Бесконечный колодец, покрытый годами забвения. Только два члена Черного клана продолжали обращать внимание на Марико – Рэн и Ёси. Первый досаждал ей на каждом шагу. Второй взял на себя обязанность научить ее самым бытовым вещам: как разводить костер, как кипятить воду, как выкапывать съедобные корни. С той ночи, когда дзюбокко высосал жизнь из юного незваного гостя, Марико оставили в лагере выполнять самые тривиальные задачи.

Мытье котлов. Выщипывание перьев.

И, конечно же, сбор дров.

Это отсутствие внимания только укрепило ее решимость. Вело ее к более высокой цели. Теперь, когда она успешно внедрилась в ряды Черного клана, Марико попыталась получить доступ к его внутреннему кругу. Только так она могла получить какую-либо важную информацию.

И узнать правду о том, почему их послали убить ее. Самым ценным знанием, которое она вызнала за последние несколько дней, было то, что каждые два дня утром Оками в одиночестве покидал лагерь, вооруженный одним лишь бо.

И возвращался только после наступления темноты.

Не то чтобы его отсутствие имело для нее большое значение. Волк проводил время в лагере, спрятавшись в своей палатке. Но Марико не была настолько глупа, чтобы думать, что он просто где-то

прохлаждается. Эти повторяющиеся вылазки определенно заслуживали внимания.

Куда он уходил?

Возможно ли, что он встречается с теми, кто приказывает Черному клану? С теми, кто желал ее смерти?

Пока Марико обдумывала бесчисленные возможности в своей голове, она продолжала сражаться с тюком грязной конопляной ткани, оставленным у ее ног, пока она спала. Стиснув зубы, она расправила грубый рулон ткани, изо всех сил пытаясь закрепить его на бамбуковом шесте. Кто-то – вероятно, Ёси – оставил ей это для строительства собственной палатки.

Марико почувствовала странную радость, обнаружив этот подарок.

Палатка доказывала, что по крайней мере один член Черного клана нашел ее полезной. Хотел, чтобы она осталась. Это напомнило ей об ошибке Рэна, разболтавшего планы Ранмару сделать ее новобранцем банды. Возможно, это был знак того, что она добилась прогресса в этом направлении. Хотя злобное отношение Рэна указывало на обратное, было очевидно, что кто-то в лагере поддержал это решение. Ей даже дали место, которое она могла назвать своим. Сегодня ночью Марико впервые не придется спать на куче камней и земли.

Если только она когда-нибудь сможет собрать эту проклятую штуковину.

Не успела Марико поддаться желанию швырнуть конопляную ткань в подлесок, как покрытая многочисленными ожогами рука протянулась и выхватила тюк из ее рук.

Ёси возвышался над ней, его красное лицо было испещрено пятнами раздражения.

– Ты что, *до сих пор* пытаешься собрать палатку? – Он уселся на землю, махнув деревянной конечностью перед собой. Марико на мгновение задумалась. Много раз за последние несколько дней она хотела спросить Ёси, как он потерял ногу. Но она научилась ожидать от угрюмого повара двух вещей: он не раскрывает информацию без цели.

И никому не позволяет ни в чем оправдываться.

– Как ты уже несомненно знаешь, Ёси-сан, я никогда не владел этим умением. Вероятно, потому что мне никогда не предоставлялась такая возможность, – неловко пошутила она. – Но я все равно чувствую, что мне чего-то не хватает.

Ёси порывлся в бамбуковых прутьях и клубке бечевки у их ног.

– Кто тебе это дал? – его нижняя губа поджалась.

– Я думал, это ты. – Она моргнула. – Но если это был не ты, то, вероятно, Рэн. Он ведь всегда так рьяно заботится о моем благополучии, – с горечью сказала Марико.

Морщины исчезли с его покрытого пятнами лба, когда Ёси осознал:

– Тебе не хватает двух ключевых элементов для каркаса.

Возможно, это действительно Рэн оставил ей палатку. Только ему нравилось смотреть, как Марико мучается, пытаюсь выполнить заведомо невыполнимую задачу.

– Этот... этот... паршивый дьяволенок.

– Не сердись на него, – Ёси послал ей полуулыбку. – У Рэна была довольно трудная жизнь. Он не столько демон, сколько раненый кот.

Марико пробормотала:

– Даже у раненых котов есть когти.

– И правда. – Он рассмеялся: – Я найду недостающие части. – Ёси посмотрел на нее одним прищуренным глазом. – Ты уже поделился своей идеей с Харуки?

Она неловко поерзала:

– Нет.

– Тогда расскажи ему об этом, пока я буду собирать твою палатку. – Он говорил таким тоном, словно не могло быть и речи о том, чтобы Марико послушалась его указаний.

Ее охватила странная смесь уюта и беспокойства. Конечно, ей не нравилось, когда ей говорили, что делать. Но она также ценила кого-то – кого угодно, – кто был бы достаточно заботлив, чтобы попытаться.

Несмотря на ропот ее разума, сердце Марико не позволяло ей не любить Ёси.

– Возможно, тебе не стоит мне помогать, – сказала она. – *Некто* может украсть опору твоей палатки в качестве наказания.

– Некто? – Он залился смехом.

– Не стану раскрывать, кто именно. – Марико улыбнулась в ответ. – Но этот некто может захотеть возмездия за то, что ты был ко мне добр.

– Этот некто не посмеет. Если этот некто не хочет умереть от голода. Вы, мальчишки-идиоты, даже не умеете правильно варить рис, не говоря уже о чем-то более сложном. – С этими словами Ёси подтолкнул ее в сторону пригорка слева. Затем он свернул тюк конопляной ткани и снова поднялся на ноги, намереваясь найти Рэна и недостающие бамбуковые стержни.

Беспокойство охватило Марико. Она ненадолго задумалась о том, чтобы пренебречь приказом Ёси. Или, возможно, даже солгать о результате позднее.

Но грубоватый повар узнает правду, и ему не понравится, если она снова не встретится с кузнецом. Не говоря уже о бесчестии ненужного обмана. Не то чтобы сама природа обмана беспокоила ее. Марико осознала его необходимость, особенно когда речь шла о выживании. Но наглая ложь – это не то же самое. Так что, вздохнув, она направилась к небольшому холму поблизости, идя на перо дыма, поднимающееся от тканевой стены на его гребне. Одна сторона холма была затенена нависающим каменным выступом – одним из многих небольших каменистых возвышений, которые спустя множество лет издали казались заснеженными горами. На второй день своего пребывания здесь Марико поняла, насколько стратегически подошел Черный клан к выбору места под свой лагерь. Эти выступы служили им естественными укреплениями, не позволяя никому атаковать их с тыла.

Она уперлась пятками в мягкую землю и двинулась вперед, ее икры горели от крутости склона. Пока Марико шла, в ее разуме продолжали непрестанно биться мысли.

Именно Ёси первым предложил ей представить свою модель метательной звезды кузнецу Черного клана. Он сказал ей, что эта идея заслуживает внимания. И он ни разу не назвал ее глупой, не нашел ее усилия нежелательными или неуместными. Это было странное чувство. Чтобы один из врагов первым среди знакомых Марико оценил ее идеи.

Она остановилась перед стеной из закопченной ткани, переводя дух. Ища внутри себя мужество.

– Есть кто-нибудь? – спросила она грубым голосом.

Когда кузнец появился из-за тканевой стены своего *дзиммаку*^[46], Марико выдохнула, позволив облегчению захлестнуть ее.

Кузнец Харуки оказался не кем иным, как юношей, которого она видела в ту первую ночь на стоянке. Тот самый, с блестящей кожей, который выглядел так, словно вышел из детской сказки о мальчике, который плыл по небу, поднимаясь в облака с помощью зонтика из промасленной бумаги. Марико вспомнила, как он наблюдал за листьями, покачивающимися на кленах, с почти потусторонним спокойствием.

По крайней мере *этот* парень не станет мучить ее, как Рэн.

По крайней мере она надеялась.

Харуки был высоким и худым, с узким лицом и широко расставленными глазами. Передняя часть его волос была слишком короткой, чтобы их можно было убрать в пучок. Пряди висели прямо и свободно. Его руки и *хатимаки*^[47] были покрыты сажей. Он стоял, молча изучая ее. Это было не осуждающее молчание. И не молчание, пронизанное любопытством.

Он просто давал ей возможность высказаться первой.

– Ёси сказал...

– Я все думал, когда ты придешь. – Харуки улыбнулся одними глазами. У него был приятный, ясный голос. – Ёси рассказал мне о тебе еще на прошлой неделе.

Вздрагнув, Марико замерла на месте.

– Я не знал, что он о чем-то говорил.

– Есть кое-что, что мы все очень быстро забываем – это говорить Ёси как можно меньше. Он любит сплетни едва ли не больше, чем свою стряпню.

Он вытер обе руки о ткань, свисающую с его темного кожаного ремня. Затем он промокнул пот с шеи. Когда воротник его косодэ сдвинулся, стали видны полосы израненной кожи, обвивающие его плечо, как хватка чудовищных пальцев.

«В прошлом его сильно избили кнутом».

Марико сдержала свой язык прежде, чем успела что-то сказать. И задать вопросы, на которые ей не нужны были ответы.

«Мне должно быть все равно. Мне все равно».

– Меня зовут Харуки. – Он склонил голову в небольшом поклоне.

Собравшись с духом, Марико ответила тем же кивком:

– Санада Такэо.

– Я знаю.

Она поджала губы. Мальчишкам всегда было необходимо доказывать, что они знают больше, чем кто-либо другой?

– Полагаю, Ёси также рассказал тебе и о том, зачем я хотел прийти сюда.

– Он сказал, что у тебя есть кое-что, что ты хочешь мне показать.

Это был аккуратный ответ. Тот, который сразу заставил Марико насторожиться.

– И тебе... не было любопытно? – спросила она.

– Ты действительно задаешь много вопросов. – Харуки спокойно улыбнулся. – И нет, мне не было любопытно. Я ожидал, что ты придешь ко мне, когда будешь готов. – Он снова замолчал, дожидаясь, пока она заговорит.

Пришло время Марико перестать беспокоиться о том, что у всех, кого она встречает, есть какие-то скрытые мотивы. Что Харуки, кузнец, будет смеяться над ней. Или прогонит ее. Ёси сказал, что ее идея хороша. И это был единственный способ убедиться, что и он, и она были правы.

Марико подняла глаза и встретила взглядом с Харуки.

– Я хотел спросить, мог бы ты сделать для меня что-то вроде... куная.

– Метательного кинжала? – Он вновь внимательно посмотрел на нее, но она не смогла прочесть выражение его лица. – Для тебя?

«Да. Разумеется».

– Нет. Не для меня. – Она глубоко вдохнула. – Я имел в виду кунай, сделанный по моему дизайну. Такой, со множеством граней. – Говоря это, Марико присела на корточки и начала чертить по грязи маленькой палочкой. По кругу. Она нарисовала то, что, на первый взгляд, казалось солнцем с шестью отходящими от него лучами. – Если ты изогнешь лезвия в одном направлении, его можно будет метать, вращая, что позволит ему лететь дальше и быстрее.

Харуки присел рядом с ней. Внимательно рассмотрел ее рисунок.

– Подобное трудно сделать, – сказал он спустя некоторое время. – И необходимое для этого количество стали дорого обойдется, особенно для оружия, которое воин может потерять.

– А если вместо нее использовать железо? Оно мягче и дешевле стали.

Взгляд Харуки скользнул по ее рисунку во второй раз. Все еще обдумывая.

– Даже если сделать его из железа, на изготовление такого оружия уйдет слишком много времени. Мне жаль. Каждый из этих шипов придется точить по отдельности.

Марико кивнула, пытаясь подавить разочарование. Обладание таким оружием было бы для нее преимуществом по многим причинам, большинство из которых она собиралась спрятать в самых темных уголках своего разума. На данный момент. Прежде чем она успела поддаться разочарованию, она собрала свою решимость в кулак. Вспомнила свою мысль: *«Истинная слабость – это слабость духа»*.

Она отказывалась так легко сдаваться:

– А что, если бы мы могли вместо этого сделать форму? Может быть, даже уменьшить количество лезвий? – Марико использовала свою палочку, чтобы разровнять землю поверх рисунка и сделать новый. – Для начала форму можно было отлить из пчелиного воска, как для наконечника стрелы. Таким образом, изделие можно будет легче заточить.

Харуки поднялся на ноги. Обошел новый рисунок, задумчиво склоняя голову.

Совершенно неожиданно кузнец перестал двигаться.

– Пойдем со мной, – сказал он резким тоном. Харуки начал спускаться с холма, его длинные ноги быстро уносили его прочь. Чтобы не отставать, Марико пришлось бежать, пока он шел к другой палатке напротив. Большому шатру с охраной у входа. Шатру, к которому Марико пыталась получить доступ с тех пор, как ее впервые привезли в лагерь Черного клана против ее воли.

Палатка Такэды Ранмару.

У входа несколько младших членов Черного клана наблюдали за двумя ветеранами с обветренной кожей, играющими в го. Все как будто делали ставки на результат, медные и серебряные связки усеивали изношенный татами. Несколько самых мелких монет были отброшены в сторону, как будто незамеченные никем. Марико сунула одну под ногу, обутую в сандалию, чтобы потом тайно спрятать ее в карман.

«Может быть, придет время, когда мне понадобятся деньги».

Прежде чем Марико успела подобрать монету, Харуки остановился у входа, ожидая ее. С невинной, как она надеялась, улыбкой, Марико двинулась вперед, быстро пряча медную монету под соломенную сандалию.

Харуки начал разговор с Ранмару еще до того, как Марико остановилась рядом с ним. Несмотря на то что она изначально подумала, кузнец был не из тех, кто разглагольствует без цели.

– Идея у него неплохая. Само оружие будет небольшим. Легким. Прицелиться будет проще, чем традиционным кунаем. Но время и стоимость, которые потребуются для его создания, почти сводят на нет его ценность.

Конечно, главарь Черного клана не выглядел удивленным, увидев их. Он также не удивился, узнав о выводах Харуки.

Как Марико и подозревала, Ёси разболтал и Ранмару о ее изобретении.

Марико открыла рот, чтобы заговорить. Но ее бесцеремонно толкнул вперед человек, только что вошедший в шатер. Человек, запах которого обозначал его присутствие еще до того, как он появлялся в поле зрения.

Теплый камень и древесный дым.

По милости старых богов, Марико удалось удержаться на ногах после того, как Оками врезал ей локтем в бок, расчищая перед собой путь.

– Я искренне извиняюсь, – сказала она Оками, изо всех сил пытаюсь сдержать ноту сарказма в своем голосе. – Я полагаю, тебе, должно быть, довольно трудно увидеть то, что находится прямо перед твоим носом.

Что ж. Она действительно попыталась.

– Нет. – На лице Оками был написан безмолвный вызов, его глаза блеснули, когда он оглянулся на нее. – Я увидел тебя. – На мгновение Марико показалось, что она даже уловила след веселья, когда он прошел мимо. – И даже если бы я тебя не заметил, я определенно учуял бы твой запах. Когда ты в последний раз мылся?

То же ужасное чувство унижения охватило Марико. Жестокий, безжалостный прием. Заставляющий ее чувствовать себя намного меньше, чем те, кто ее окружает. Настолько *меньше*, что больше всего

на свете она хотела бы ощущать себя выше, сильнее и храбрее. Больше. Это заставило ее бояться быть самой собой. Бояться, что эти мужчины увидят, что каждый ее шаг каждый день был ложью.

«Достаточно. Сейчас не время быть слабой».

Вместо того чтобы позволить страху сжать ее плечи, Марико заставила его питать себя.

Он собрался в ее желудке. Скрутился в ее горле. Превратился в гнев.

Нет. У нее не было времени злиться на Оками. Злиться на него означало, что ее это волнует. А ей было абсолютно все равно. Гораздо проще не обращать внимания.

Марико поджала губы, сердито глядя на поджарую мускулистую спину перед собой.

Когда Оками понял, что она промолчала в ответ на его провокацию, он посмотрел на нее через плечо. Замешательство, промелькнувшее на его лице, почти заставило Марико поверить в правильность своих усилий.

Рассеянно взерошив себе волосы, Волк скользнул к углу палатки, усевшись на кучу шелковых подушек. Затем он закрыл глаза, как будто собирался отдохнуть.

– Как там Ханами? – спросил Ранмару у Оками, не обращая внимания на очевидное желание друга поспать.

Справа от себя Марико услышала вздох Харуки.

Оками проигнорировал тихое осуждение кузнеца.

– Как и следовало ожидать. – Зевнув, он зарылся в подушки.

Ханами?

Конечно же, этот ленивый парень, мало заботящийся о чести, посещал самый печально известный район удовольствий в Инако. Это по крайней мере дало Марико ответ на вопрос, где он пропал через день.

Вслед за этим новейшим осознанием пришла другая чередка вопросов.

Инако находился в нескольких часах езды от леса.

– Ты ездил в Инако? – машинально спросила Марико. – Зачем тебе ехать так далеко только для того, чтобы попасть в Ханами? Разве поблизости нет домов удовольствий?

– Домов удовольствий? – усмехнулся тот. – Очевидно, что лорд Безбородый не имеет ни малейшего представления о радостях, которые может предложить Ханами. – Хотя его глаза оставались закрытыми, одна сторона губ Оками изогнулась вверх. Ранмару нахмурился в ответ.

Марико ощетижилась:

– Хотя я никогда не видел Ханами сам, я прекрасно понимаю, что происходит в...

– Лжец.

Она скрестила руки. Раздражение пронзило ее грудь. И все же Марико приняла решение ничего не говорить, так как сочла, что это лучший ответ в подобных ситуациях.

В ситуациях, когда она знала, что слова не помогут.

Темные глаза Оками открылись. Марико пришлось признать, что это был замечательный навык. Как он мог перейти от обычной апатии к абсолютной настороженности на одном дыхании.

– Интересно. – Он потянулся, чтобы встать. Подплыл к ней, словно акула, ищущая кровь в воде. – Я назвал тебя лжецом, но ты ничего не сказал в опровержение. Это необычно, учитывая твоё отношение ко всей этой благородной чуши.

Чем ближе Оками подходил к ней, тем больше нарастало беспокойство Марико. Тем сильнее ей хотелось отступить. Иногда он видел сквозь нее слишком ясно, чтобы она могла чувствовать себя комфортно в его присутствии.

В ее животе снова собралось раздражение. Связываясь в узел гнева.

«Я не поддамся своим эмоциям».

Оками смотрел на нее сверху вниз, как и в ту ночь, когда они впервые встретились. Марико стояла на месте, не обращая внимания на свое желание сбежать.

– Очевидно, что ты не имеешь ни малейшего представления, что такое Ханами, – мягко сказал он. – Ты лжешь так же свободно, как дышишь, но утверждаешь, что превыше всего ставишь честь. – Его смех был соприкосновением воздуха и звука. – Какие еще секреты ты прячешь в своей хладнокровной черепушке, Санада Такэо? И что нужно, чтобы украсть их у тебя? – прошептал он, его глаза мерцали, как черный лед.

Кровь хлынула Марико по шее к лицу. Как и прежде, она превратила свой страх в ярость. В странный жар, который закружился в пространстве между ними.

– Ты ничего не знаешь о моем начале. – Она дрожала, когда говорила. – И ты никогда не увидишь конца. – Это было самое близкое к угрозе, на что она могла осмелиться.

Его улыбка была прохладной. Признательной.

– Я тебя разозлил.

– Злость может быть полезна, – вмешался Ранмару. Его выражение лица было нечитаемым. – Она может ожесточить тебя. Сделать тебя сильнее.

– Возможно, моя сила не в том, что у тебя. Возможно, моя сила легка как перо. Смертельна как идея. – Ее руки продолжали дрожать под их взглядами, однако она ответила на сдержанный взгляд Оками.

Волк кивнул, но Марико не увидела в этом жесте насмешки. Только та же странная напряженность. Как будто он действительно одобрил ее слова.

– Умерь свою злость, Санада Такэо. Гнев – это эмоция, которая отравляет все остальное.

– Я не злюсь. Возможно, ты знаешь меня не так хорошо, как думаешь. – Марико хотела, чтобы он замолчал, твердо настроенная больше с ним не спорить.

Спорить с Оками было все равно что пытаться схватить дым.

Его единственным ответом была еще одна полуулыбка, перемежающаяся белым шрамом. Но эта улыбка не была игривой. Нет. Несмотря на его колкую попытку подшутить, Волк не был игривым. Нисколько. Он был юношей, который любил поджигать вещи и смотреть, как они горят. Гнев Марико быстро сменился враждебностью. Ее раздражало, что Оками мог вызвать у нее такие сильные эмоции с таким небольшим усилием.

Ранмару встал между ними. Разделяя их. Рассеивая жар, скопившийся в воздухе.

– Я заключу с тобой сделку, лорд Безбородый, – сказал он. – Если тебе удастся помочь Харуки найти способ сделать эту штуку – как ты ее называешь?

Кузнец двинулся, чтобы ответить, его губы уже формировали слова.

– Метательная звезда, – резко сказала Марико, прежде чем Харуки успел заговорить. Ее внимание было приковано к Оками, который вернулся в свой забитый подушками уголок, складывая руки под головой. В этот момент Марико не следовало отводить от него взгляд.

Как он однажды предупредил, она никогда не должна подставлять свою шею волку.

Ранмару продолжил, его тон был задумчивым:

– Если успешно создашь эту метательную звезду, то в следующий раз, когда Оками поедет в Ханами, мы будем сопровождать его.

На этих словах Волк снова поднялся, неизменно грациозный, несмотря на проблески раздражения. На лице Рэна мелькнула змеевидная улыбка, а Ранмару расплылся в довольной ухмылке. Было ясно, что эта новая идея понравилась главарю Черного клана. Возможно, просто потому, что он выступил против своего лучшего друга. Подвиг, который, как догадывалась Марико, был довольно трудным.

В ответ Оками подошел ближе, сжимая зубы.

В неявной угрозе. В ее сторону или же в сторону Ранмару – в этом Марико не была уверена. И ее это не волновало. Ибо ей тоже нравилось мучить Волка.

Ухмылка Ранмару стала шире.

– Пока мы будем в Ханами, мы можем – как ты там выразился той ночью, лорд Безбородый? – научить тебя, как получать *удовольствие* от таких вещей.

От резкости его слов кровь прилила к шее Марико.

– Я... не думаю, что это необходимо. – Ее глаза заметались по палатке; ее кожа теперь отливала болезненной бледностью. – Как я уже говорил, я прекрасно осведомлен о том, что происходит в Ханами, и...

– Не смотри в небо перед тем, как собираешься солгать, – сказал Оками. – Старые боги тебе не помогут.

– В будущем я обязательно прислушаюсь к твоему совету, – быстро парировала она, обрывая его. Ее взгляд остановился на шраме, пересекающим его губы. – Но сейчас я был занят обещанием исправить их прошлую ошибку.

Его брови вопросительно поднялись.

– На этот раз я пообещал отрезать тебе язык, вместо того, чтобы просто предупредить, – Марико чуть не задохнулась, когда слова

сорвались с ее губ.

Это были слова другого человека.

Дикого. Опасного. Бесстрашного.

Возможно, у Санады Такэо было гораздо больше мужества, чем у Хаттори Мариико. Возможно, Такэо не возражал против наказания, если это означало заслужить уважение. Хотя сердце Мариико бешено колотилось в ее венах, выражение ее лица оставалось бесстрастным. Неподвижным.

Глаза Волка сузились. Мышцы вдоль его челюсти дернулись. Было ли это от гнева или веселья, Мариико не осмелилась предположить.

Напряженное молчание растянулось на мгновение. Затем Ранмару рассмеялся. Громко. Это был бездумный, беспечный смех. Отличный от всего, что она раньше слышала из его уст. Даже Харуки и Рэн, казалось, были поражены этим звуком. Когда мучитель Мариико попытался толкнуть ее в наказание за оскорбление, она отодвинулась от него. Рэн подался вперед, намереваясь преподать ей урок. Его настойчивость заставляла Мариико занять место либо рядом с Ранмару, либо с Оками.

Недолго думая, она сдвинулась влево.

Рядом с ее обутой в сандалию ногой у всех на глазах вывалилась медная монетка.

Целое мучительное мгновение прошло, прежде чем Оками наклонился, чтобы подобрать ее. Он не отодвинулся, остро улыбаясь ей. Мариико ударила о него, подавляя гримасу. Он протянул ей монету, все время стоя достаточно близко, чтобы она почувствовала запах древесного дыма на его одежде. Почувствовала тепло, исходящее от его кожи.

Вокруг него начал формироваться низкий гул. Мариико тут же подавила желание сжаться, благодарная тениям, скрывавшим краску на ее щеках.

Значит, он появлялся от гнева? Злость высвобождала способности Оками?

Был ли он зол на нее? Или веселился за ее счет? Почему ей так тяжело было понять этого проклятого парня?

– Значит, теперь ты еще и воришка, – мягко сказал он, его темные глаза наполнились сверхъестественным светом. – Сделай свою

метательную звезду. Отправляйся в качестве выигрыша в Инако. Но, когда окажешься там, не думай, что ты удачлив. Улицы столицы лишь немногим менее снисходительны, чем я.

* * *

Главарь Черного клана дождался, пока Рэн, Харуки и Санада Такэо уйдут далеко за пределы слышимости. Он взглянул на своего лучшего друга. Его самое близкое доверенное лицо с самых темных времен.

– Что ты думаешь о нашем новичке? – спросил Ранмару.

Оками хмуро посмотрел в сторону входа в палатку, прежде чем ответить.

– Он... довольно умный. И столь же странный.

– Тогда уж странно умный.

– Два качества, вызывающих беспокойство. Я не доверяю ему.

– Чему тут доверять? – Ранмару бросил шелковую подушку на утрамбованную землю и занял место перед бухгалтерскими книгами, разбросанными по покрытому шрамами низкому столу. – В любом случае не слишком похоже на тебя – беспокоиться о подобном.

Оками остался стоять.

– Мы должны оставить его в Инако. Он и дня не протянет в его трущобах.

– Или, может быть, мы должны просто позволить лесу забрать его. – Ранмару пожал плечами.

– Возможно. – Волк не выглядел убежденным.

Ранмару перестал просматривать бухгалтерские книги.

– Ты подозреваешь, что он что-то знает?

– Нет. Но мне от него... не по себе. Не понимаю, зачем ты захотел привести его сюда. Почему ты подумал, что он станет хорошим пополнением в наших рядах?

Ранмару ответил не сразу. Они оба знали, что мало что может заставить Волка чувствовать себя некомфортно. Оками провел годы своего становления, внушая другим чувство дискомфорта. Убеждая в нем и используя последствия.

Это было гораздо легче, чем попытаться сломить волю тех, кто боролся.

– Санада Такэо отличается от всех остальных в Черном клане, – наконец сказал Ранмару. – Он заблудшая душа в том смысле, что меня заинтриговал. Он умен в той степени, которая может сделать его весьма полезным для нашего дела. – Он снова сделал паузу. – Что в нем заставляет тебя чувствовать себя неудобно? Странно, что кто-то настолько незначительный так тебя беспокоит. – Намек на улыбку тронул его губы. – Или кто-то, кто остается незамеченным даже после того, как столько раз бросал тебе вызов.

Оками какое-то время ничего не говорил.

– Разве от мальчишки тебе не становится неудобно? – наконец спросил он нерешительным голосом. – Разве он... не заставляет тебя задавать себе странные вопросы?

– Нет, – ответил Ранмару. – Не больше, чем обычно. Я соглашусь, он странный. Но ты видел Рэна?

– Рэн – парень, потерявшийся между двумя мирами. Такое случается, когда ты видишь, как твоих родителей убивают на твоих глазах, – сказал Оками. – Конечно, Рэн должен быть странным.

– Что ж, возможно, Санада Такэо тоже видел подобное.

– Возможно. Но вряд ли. Он слишком зеленый, чтобы быть свидетелем чего-то действительно ужасного. Ты видел, сколько времени у него ушло на то, чтобы поставить простую палатку?

– Я думал, что ты оставил ему эту палатку, чтобы испытать его.

– Это несущественно. Для такого умного человека, как Санада Такэо, он должен был быстро понять, что ему не хватает деталей, и задолго до того, как Ёси обратил на это его внимание. Очевидно, мальчишке никогда в жизни не приходилось заботиться о себе. Он изнеженный и тревожный. Скорее всего, он сын какого-нибудь богача – выучился на книжках и совершенно не знает ничего о мире.

Ранмару вздохнул:

– Тогда я оставляю решение за тобой. Что бы ты ни решил относительно того, останется ли парень или уйдет, я поддержу тебя. – Его левая бровь изогнулась высоко вверх. – Но он – твоя ответственность в Инако. Ты заслужил эту привилегию, настроив его против себя, как сегодня. И на твоём месте я был бы гораздо более

бдителен в отношении того, насколько ты позволяешь Санаде Такэо залезть под свою кожу.

Оками обернулся, явно намереваясь протестовать. Но Ранмару поднял руку, прервав его прежде, чем тот успел заговорить.

– Отведи Такэо в чайную, как и обещал, а потом делай с ним, что захочешь. – Ранмару расправил чистый лист бумаги *васи*^[48] и начал растирать смоченную чернильную палочку в чернильнице рядом с собой. – Хотя я бы позволил Такэо остаться, может статься, он будет весьма полезен. Несмотря на свои странно умные идеи.

Оками ответил не сразу:

– Посмотрим.

Заклепки из золота и розовые от лепестков вóды

Инако.

Город сотни арочных мостов и тысячи деревьев сакуры. Город грязи, пота и нечистот. Город золотых журавлей и янтарных закатов.

Город секретов.

За четыре года, прошедших с тех пор, как Кэнсин в последний раз был в ее стенах, столица изменилась.

Она явно стала больше. Краины Инако теперь упирались в поля и леса, окружавшие его границы в прошлом. Через центр города петляла медленно текущая река, усеянная увядшими цветами. Ее розовые от лепестков вóды казались нарисованными одним мазком и разделяли черепичные крыши на два берега – волна серо-голубой глины, поднимающейся, как море, гонимое штормом.

Мать Кэнсина однажды сказала, что всю историю имперского города можно рассказать только по черепице его крыш. Изогнутая глина отмечала места, где самые величественные районы Инако переходили в более бедные улицы. В его укромные переулки. Где округлая черепица и блестящие углы погружались в пыльную ветхость. Где они исчезали в тех частях города, которые Кэнсин никогда не посещал.

Количество потрескавшихся и изломанных крыш за последние четыре года стало еще более шатким и тесным. Удивительно, как – независимо от достатка или обстоятельств – все жители города использовали одну и ту же черепицу. Один и тот же цвет. Одну и ту же форму.

Странный союз хаоса и соответствия.

В то же время Инако также казался ему меньше. Несмотря на свой очевидный рост.

Кэнсин обдумывал это, пока въезжал со своими людьми в город через главные ворота. Торговцы толпились по обе стороны длинной грязной улицы, продавая аккуратно сложенные стопкой фрукты и свежесмытые продукты. Несколько детей продавали маленькие конопляные мешочки с хрустящими рисовыми крекерами, их лица и

руки были чистыми, несмотря на рваную одежду. Идеальные ряды сладкого *дайфуку*^[49] на прилавке привлекли внимание Кэнсина, когда он проезжал мимо. Он улыбнулся, вспомнив, как сильно Марико любила есть эти воздушные рисовые лепешки, наполненные сладкой бобовой пастой. Как они постоянно ссорились из-за последнего дайфуку, когда отец привозил домой коробку из Инако.

В детстве Кэнсин и Марико довольно часто грызлись между собой, и их ссоры стали легендарными. Такими же эпическими, как войны, про которые им рассказывали на уроках истории, – полные различными уловками и элегантными маневрами. Кэнсин всегда пытался превзойти ее физически, в то время как Марико всегда боролась за то, чтобы одолеть его умом.

Его сестра выигрывала гораздо чаще, чем был готов признать Кэнсин.

Он улыбнулся про себя этому потоку воспоминаний.

Марико не умерла. Она просто вела войну иного рода. И хотя Кэнсин до сих пор не понял ее цель, он верил в свою младшую сестру. Поддерживал ее.

Поскольку, как он знал, она верила и поддерживала его.

Они всегда будут друг у друга. Что бы ни случилось.

Небольшой отряд Кэнсина остановился перед бесконечной вереницей повозок и усталых путников, въезжающих в Инако, которых проверяла императорская гвардия.

Как только герб Хаттори заметили, он и его люди направились мимо очереди. Кэнсин решил взять с собой в столицу только пятнадцать своих лучших солдат. Пять самураев и десять асигару. До отъезда из дома на рассвете Кэнсин осознал, что большой отряд воинов вызовет больше перешептываний. Спровоцирует больше предположений.

Он не хотел, чтобы кто-нибудь заподозрил правду о том, зачем он приехал в Инако. Хотя это было маловероятно, все же оставался небольшой шанс, что не все при дворе знали о событиях, произошедших с его сестрой в лесу Дзюкай. Когда он вернулся домой, несколько советников его отца сообщили ему, что, возможно, в разграблении процессии Марико и поджоге ее норимоно виноват Черный клан. Эта печально известная банда воров, как все знали,

обитала в этой части леса. Изначально Кэнсин подумывал их разыскать. Рассредоточить своих солдат по холмам и выследить их.

Но приняв это решение без колебаний, он осознал, что это выглядит... слишком просто. Черный клан обычно не нападал на конвои с женщинами и детьми. То, как быстро их обвинили, казалось заранее подготовленным. Как будто кто-то все это время ждал, чтобы Кэнсин разделил свои силы и потерял опору под ногами за относительно короткое время. Подобное предположение выглядело как такой же элегантный маневр, к которому он привык во время сражений с сестрой.

За исключением того, что на этот раз битва была не за сладкое. А за жизнь.

Если Кэнсин и мог быть в чем-то уверен, так это в одном: подобные махинации были и всегда будут прерогативой власть имущих.

Для начала он собирался послушать, о чем говорит знать в столице. Он надеялся, что сплетни про Черный клан не распространились слишком далеко. Надеялся, что они останутся во внутренних кругах Инако и так надолго, как только смогут. По крайней мере до того момента, пока Кэнсин не сможет вернуть Марику в целостности и сохранности. И до того, как молва о несчастье их семьи распространится по всей империи и разрушит имя Хаттори без возможности восстановления.

Тревога охватила Кэнсина, пока он ехал по извилистым улочкам имперского города с прямой спиной и непроницаемым лицом. Позади него аккуратным строем ехали конные самураи и шагали пехотинцы со знаменами, украшенными гербом Хаттори.

Запах свежей воды и кружащейся пыли наполнил воздух, когда их конвой приблизился к глубокому рву, окружавшему замок Хэйан. Кэнсин оставил десять своих асигару и трех самураев в чистой казарме сразу за изогнутой каменной стеной на краю рва. Затем он и два оставшихся самурая пересекли деревянный подъемный мост, остановившись перед первыми возвышающимися черными воротами у входа в замок. Позолоченные петли и ручки с круглыми кольцами блестели в лучах послеполуденного солнца, пока Кэнсин и его люди ждали, чтобы поговорить с императорскими войсками на сторожевой башне. Когда двое солдат вышли вперед, чтобы официально

поприветствовать Кэнсина, он заметил шелковые знамена, развевающиеся по обеим сторонам блестящих черных ворот. Даже заклепки были покрыты золотом.

Никакие средства не жалели на то, чтобы превратить замок Хэйан в достойную резиденцию великого владыки империи.

Императорские гвардейцы застыли, осматривая все оружие, которое Кэнсин и его люди желали пронести с собой. Как самураю, Кэнсину и его людям было разрешено войти в замок с двумя обычными мечами – катаной и более коротким вакидзаси. Спрятанное оружие считалось бесчестьем. Как и акт обнажения клинка в присутствии императора.

Непосредственно перед второй парой ворот Кэнсину и его самураям было приказано оставить своих лошадей с конюхом, который ждал неподалеку. Затем они начали подъем по огромной каменной лестнице, ведущей в императорские владения. Вес брони и жар раннего летнего солнца замедлили шаг Кэнсина. Но это также дало ему возможность насладиться великолепием императорского замка, возвышающегося перед ним: каждый из его семи остроконечных этажей и позолоченных крыш сверкал, ловил и отражал бесконечные лучи света.

Когда в поле зрения показался первый из восьми концентрических дворов, Кэнсин остановился. Этот ряд *мару*^[50] был известен даже за пределами империи. Поговаривали, что внутреннее устройство замка зачаровано. На него было наложено заклятье вечности. Первый и самый большой мару имел пруд и извилистые дорожки, вымощенные белым камнем. Рисунок его спиралевидных дорожек служил двум целям: красоте и запутыванию. Он был создан, чтобы сбивать с толку, потому что входы и выходы не располагались в логичных местах. Во все часы дня и ночи концентрические круги двигались в разные стороны, с разной скоростью, как шестеренки, вращающиеся друг за другом. В отсутствие знающего сопровождения гость мог заблудиться в замке Хэйан, даже не особо пытаясь.

А злоумышленник?

Никогда бы не выбрался отсюда живым.

Кэнсин замер, прежде чем наконец сделать шаг на подстриженную траву первого мару.

Это был первый раз, когда он был в Инако без отца. Без своей семьи. Сегодня первый раз, когда он, и только он один, будет представлять свой клан перед их императором.

Кэнсин не ожидал, что осознание этого заставит его почувствовать себя так неуютно.

Но он этого не показал. И никогда не покажет.

Вместо этого он сделал последний шаг, стараясь оставаться спокойным. Чтобы насладиться этими краткими мгновениями для себя.

Пока он еще мог.

* * *

Вопреки ожиданиям Кэнсина, ему не было приказано предстать перед императором сразу по прибытии.

Факт, который заставил его задуматься.

Вместо этого Кэнсину и его людям велели подождать некоторое время в зачарованном мару. Они пересекли идеально ухоженную лужайку, остановившись лишь для того, чтобы посмотреть, как столетний карп и его компания оранжево-белых кои плещутся в водах лазурного пруда. Затем один из слуг императора низко поклонился Кэнсину, со спокойным лицом ведя его к другому мару, мимо еще одной серии внутренних ворот. Пока они шли через арочный вход, Кэнсин почувствовал, как земля под ним сдвинулась. Ощутил, как она медленно поворачивается, чтобы скрыть их путь и отрезать его и его людей от чужого взгляда. Они быстро прошли через второй двор и спустились по лестнице, ведущей к травянистому полю, окруженному толпой богато одетых зевак.

Вскоре Кэнсин понял, зачем его и его людей привели сюда, а не на официальную аудиенцию к императору.

Они прибыли в замок Хэйан в разгар веселья.

Под восьмиугольным шелковым балдахином, на многоуровневом возвышении на своем черном лакированном троне восседал император Минамото Масару. Балюстрады по обе стороны от него были выкрашены в ярко-красный цвет. На каждом столбе было по восемь серебряных фениксов. Между этими столбами висели сверкающие

зеркала и занавеси из шелковых нитей, в центре которых был изображен императорский герб клана Минамото.

Странно, что император решил изобразить феникса рядом со своим гербом. Герб Минамото представлял собой цветы горечавки и листья бамбука – герб, который символизировал процветание и дарил своему носителю защиту от зла. Феникс же всегда ассоциировался с кланом Такэда – длинной родословной *сёгунов*^[51], которые потеряли благосклонность под облаком позора. Когда десять лет назад исчез последний представитель клана Такэда, сошло на нет тысячелетнее совместное правление императора и сёгуна – императора, управлявшего народом, и сёгуна, возглавлявшего армию. Стало не более чем блеклым воспоминанием.

Часть Кэнсина понимала, почему сын Такэды Сингэна не захотел продолжать семейное дело и даже отправился в изгнание на десятилетия. Его клан с позором распался. Его отец был вынужден покончить с собой после раскрытия заговора и обвинения в измене императору. Император был действительно великодушен, когда позволил предателю умереть воином. Дал ему шанс умереть, чтобы его сын мог жить.

Никто не знал наверняка, где теперь был этот опальный юноша – этот ронин. Если он все еще был жив, то был бы примерно возраста Кэнсина. Возможно, старше на год или около того. Со временем из уст пьяных солдат посыпались слухи. Они пронеслись сквозь освещенные фонарями сады и распространились, как лесной пожар, за трепещущими веерами. Сын Такэды Сингэна стал бродягой. Вором. Разбойником. Развратником. Он и его исчезнувший клан стали своего рода легендой. Предупреждение всем тем, кто осмелится выступить против императора.

Как бы высоко ни поднялся человек в жизни, смерть уравнивала всех.

В результате предательства Такэды Сингэна и мощь армии, и воля народа оказались в руках императора. Возможно, именно поэтому Минамото Масару решил объединить два символа под своим знаменем. Феникс, летящий рядом с гребнем цветов горечавки. Птица, восставшая из пепла кровавой истории.

Громовой топот копыт вернул Кэнсина в реальность. Толпа зевак, сидящих на плюшевых подушках, разразилась восторженными

криками, а их слуги балансировали с разноцветными шелковыми зонтиками над замысловатыми головными уборами. Ближе всех к императору сидела знать. Императрица и ее служанки находились на нижнем возвышении справа.

На травянистом поле перед ними *ябусамэ*^[52] – элитный отряд конных лучников императорской армии – устраивали представление. Бóльшая часть императорского двора прибыла посмотреть на него. Кэнсин слышал от тех, кто часто бывал в Инако, что император нередко приглашал представителей знати и их гостей воочию увидеть мощь императорской армии.

Мастерство его лучших солдат и самураев.

Хотя Кэнсину было довольно интересно само представление, он старался держаться подальше от собравшихся мужчин в шелковых нарядах и придворных дам, размахивающих складными веерами. Быть в стороне и отдалении – чувство, которое у него часто возникало в подобной компании.

Кэнсин никогда не мог расслабиться среди всех этих придворных. И дело было не в том, что он ощущал какое-то предубеждение против них. Он знал, что эти экстравагантные демонстрации необходимы. Они позволяли посторонним взглянуть на славу империи и давали ее гражданам возможность насладиться ее величием.

Пока он продолжал смотреть представление, выражение лица Кэнсина становилось все более угрюмым.

Это были опытные наездники. Искусные лучники. Лучшее, что могла предложить империя.

Но это все равно было представление. И такая нескромность не соответствовала идеалам бусидо. Не подходила пути воина.

Оружие не предназначалось для демонстрации.

Оно предназначалось для войны. Для защиты самураем своего господина. Для защиты своей семьи.

И прежде всего для защиты императора.

Один из *ябусамэ* вскоре привлек внимание всех зевак. Молодой всадник сидел верхом на коне в яблоках^[53]. Одна сторона его тонкого шелкового халата свисала с правого плеча, обнажая серебряную броню *ёройхитатарэ*^[54] под ним – давая руке свободу движений. Из лука, усиленного плетением, он три раза подряд выстрелил свистящими стрелами в зазубренный столб, и все это время скакал верхом быстрее

и бесстрашнее, чем любой из его товарищей. Ни разу молодой воин не потянулся к поводьям, а все время направлял скакуна коленями. Даже издали Кэнсин мог видеть, как он едет – пятки опущены, зафиксированы на месте, положение устойчивое. Превосходные навыки верховой езды были обязательным условием для ябусамэ. Как и способность стрелять на высокой скорости с невероятной точностью.

Воин ни разу не промахнулся.

По толпе прокатился шепот восхищения. Он перешел в ровное бормотание, когда худощавый юноша, одетый в шелка редкого оттенка желтого – почти как полированное золото, – занял позицию на противоположном конце поля.

Кэнсин узнал его не сразу, но был уверен, что это наследный принц – Минамото Року. Хотя он никогда не встречался с ним раньше, Кэнсин слышал и от своего отца, и от Нобутады, что наследный принц не обладал яркой внешностью, но тем не менее занимал твердую позицию при дворе.

Теперь Кэнсин получил шанс понять почему. У юноши была благородная осанка. Отчетливое высокомерие читалось в его тонких плечах и наклоне острого подбородка. Единственным человеком в более изысканных одеждах был сам император.

Наследный принц воткнул в землю три *кабураи*^[55]. Кэнсин сразу заметил, что свистящие наконечники стрел не похожи на затупленные, обычно используемые на тренировках. Не раздумывая, наследный принц наложил одну из стрел на тетиву своего лука. В этот самый момент лучший лучник ябусамэ – тот, кто ранее привлек всеобщее внимание, – вышел из строя и поскакал к наследному принцу.

Без намерения останавливаться.

Беспокойство охватило Кэнсина. Несколько представителей знати вскочили на ноги, на их лицах отразилась тревога. Без малейшего беспокойства наследный принц выпустил стрелу в воина на серо-белом коне. Воин увернулся, легко соскользнув с седла, пока его лошадь продолжала бешеный галоп. Он сжимал поводья, пока его ноги скользили по мягкой земле. Когда наследный принц снова выстрелил, воин вновь вскочил в седло, легко избегая попадания стрелы. Он продолжал мчаться навстречу наследному принцу, ничуть не испугавшись.

Стрелы наследника были выпущены вовремя. Точно.

Предназначались для попадания в цель.

Но всадник подъезжал все ближе и ближе к наследному принцу, отказываясь свернуть. Отказываясь уступать.

В последнюю секунду наследный принц выпустил еще одну стрелу прямо в грудь воина. Тот перехватил ее в воздухе и – быстрее, чем вспышка молнии – наложил на свой лук. И выстрелил в наследного принца.

Стрела вонзилась в грязь под идеальным углом, всего на волосок от ног принца.

Наследный принц улыбнулся.

Как только воин остановился рядом с ним, он спешился и снял шлем. Затем низко поклонился. Улыбнувшись друг другу, двое молодых людей благодарно похлопали друг друга по спине.

Немногочисленные неловкие аплодисменты сменились громкими восторженными возгласами.

Только членам императорской семьи было позволено так безнаказанно прикасаться к наследному принцу.

Кэнсин заметил сходство. Несмотря на то, что воин ябусамэ был почти на голову выше. И значительно шире в плечах.

Всадником был принц Райдэн. Жених его сестры.

* * *

– Мне было очень жаль узнать о безвременной кончине вашей сестры, Кэнсин-сама, – сказал Минамото Року, опускаясь на свое мягкое сиденье перед низким столиком в углу своих покоев.

Хоть слова наследного принца и звучали искренне, Кэнсин не почувствовал в них никакой теплоты. Они были произнесены с хладнокровностью. Сказаны с той же интонацией, с которой Року мог бы прокомментировать плохую погоду. Уловка в тоне принца обеспокоила Кэнсина, но он подавил свое раздражение. Ведь он был в присутствии членов императорской семьи. На аудиенции у двух сыновей императора.

Жениха Марико.

И будущего верховного повелителя Ва.

Будущего правителя, который в данный момент был слишком занят раскладыванием листов бумаги васи цвета слоновой кости на столе перед ним. Разглаживанием их. Закреплением их краев пресси-папье. Готовясь попрактиковаться в каллиграфии.

Року взглянул на Кэнсина – как будто ожидал, что тот расскажет о подробностях безвременной кончины Мариико, – прежде чем улыбнуться самому себе и медленно растереть чернильную палочку в колодце резного чернильного камня справа от себя.

В подобные моменты Кэнсину хотелось, чтобы Мариико была рядом с ним. Она бы продумала заранее, что бы кто мог сказать или сделать. Скрыла бы свои эмоции, держа их под контролем. Его сестра была на много лиг впереди всех в большинстве бесед. И намного опережала всех, находящихся здесь. А Кэнсин, напротив, часто ловил себя на том, что с трудом прорывается сквозь заросли разговоров, которые Мариико легко обходила стороной. Дело было не в том, что его сестра была особенно одаренной собеседницей. А в том, что она, казалось, всегда знала, что люди собираются сказать, еще до того, как они откроют рот.

Она читала людей словно свои книги.

Такая способность сейчас очень пригодилась бы Кэнсину. Но он был воином. Не послом и не стратегом.

Кэнсин прочистил горло:

– Я не верю, что Мариико мертва, Ваше Высочество. – Он взглянул на жениха своей сестры, пытаясь уловить какую-либо реакцию. Минамото Райдэн обменялся взглядами со своим братом, но Кэнсин не смог уловить эмоций, скрывающихся за выражением его лица. Это могло быть беспокойство. Или гнев. Или подозрение.

Или, возможно, все вместе.

Кэнсин всегда жалел об этом. Он был способен замечать осязаемые вещи своим острым глазом. Ни одна малейшая деталь не ускользала от него. Но когда дело доходило до анализа невидимого – невысказанных тонкостей жизни, – он был далеко не ястребом. Он был скорее кротом, блуждающим в мире тьмы. Даже с Амаей – он абсолютно не подозревал о ее чувствах, пока не стало слишком поздно.

Через некоторое время Минамото Райдэн вздохнул. Он снова переглянулся с наследником, выражение лица которого оставалось бесстрастным. Затем он почти заговорщически наклонился вперед.

– Кэнсин-сама, – произнес жених его сестры, – мне сказали, что конвой Марико подвергся нападению банды воров в лесу Дзюкай. Несколько членов личной охраны моего отца считают, что это дело рук Черного клана, хотя я не склонен с этим соглашаться. Это кажется слишком... простым. Слишком предсказуемым. Не говоря уже о том, что расходится с типичным поведением Черного клана. – Он уперся локтем в колено, еще ниже наклоняясь к Кэнсину. – Возможно ли, что ваша сестра все еще жива, несмотря на то, что все указывает на обратное?

Когда Райдэн говорил, в складках вокруг его рта образовывались морщинки. Ему было всего девятнадцать лет, но от многих забот он казался закаленным в боях. Усталым. Это зрелище принесло Кэнсину странное утешение. Как и слова жениха его сестры. Они совпадали с его собственными размышлениями. Но также возможно, что это была уловка, призванная завоевать его доверие. Предназначенная для того, чтобы посеять семена непредсказуемых сомнений.

И все же Минамото Райдэн казался гораздо менее расчетливым, чем наследный принц. Гораздо менее коварным. И Кэнсин был благодарен ему за то, что тот, казалось, ценил прямопу больше, чем его младший брат. Характер Райдэна больше соответствовал его собственному. Поскольку это было первое общение Кэнсина с женихом его сестры, подобное впечатление немного успокоило его. В этот момент любые признаки уловки оставались исключительно в черных глазах наследного принца. Худощавого, бледного юноши, одетого в золотые шелка, который спокойно собирался практиковать свое *сёдо*^[56].

Возможно, именно Минамото Року организовал нападение на конвой Марико.

И все еще...

Часть Кэнсина не слишком верила, что наследный принц нанес бы удар по собственному брату, убив его будущую жену. В конце концов, что бы он с этого получил? Року уже был первым в очереди на трон. И ни разу за все свои годы Кэнсин не слышал о планах Райдэна узурпировать власть его младшего брата. Они запросто могли быть друг с другом на ножах. В прошлом братья в подобных ситуациях часто убивали друг друга ради власти. Но у них, кажется, все было иначе. По общему мнению, эти два брата, несмотря на вражду между

их матерями, были близкими друзьями. Доверенными лицами друг друга.

Возможно, предположение Кэнсина о том, что кто-то из знати замыслил убийство его сестры, было ошибочным. Что кто-то в Инако пытался помешать свадьбе между первенцем императора и дочерью амбициозного даймё.

Или, возможно, Минамото Райдэн просто слишком хорошо читал людей.

Словно услышав мысли Кэнсина, Райдэн ободряюще улыбнулся. Он снова открыл рот, но его младший брат немедленно заставил его замолчать.

Наследный принц бросил в их сторону многозначительный взгляд. Как только Року убедился, что они обратили на него внимание, его взгляд скользнул в сторону прекрасной резной ширмы слева от него.

– Здесь не место обсуждать подобное, – сказал он резким шепотом. – У стен замка Хэйан есть уши, – последние слова были едва слышны.

Отчетливый шепот, противоречащий его прежней незаинтересованности.

Следуя своему же предостережению, наследник взялся рукой за правый рукав и снова окунул кисть в чернила, располагая ее над бумагой васи под идеальным углом.

– Было бы неплохо выпить с вами чаю чуть позже, Кэнсин-сама, – сказал он тем же мягким голосом, как и прежде. Наполненным тем же притворным равнодушием.

Но сказанное шепотом предназначалось для того, чтобы его подслушали. Предназначалось для толкования как прислуживающими слугами, так и случайными наблюдателями.

В своем рвении узнать правду Кэнсин почти забыл о притворстве.

Инако был прежде всего городом тайн. Секретов, которые при первой же возможности будут выведены и проданы тому, кто предложит самую высокую цену.

Понимающе кивнув, Райдэн быстро встал.

– Будете нашим гостем сегодня вечером, Кэнсин-сама?

Кэнсин был не настолько глуп, чтобы не понять, почему тема разговора так быстро изменилась. Возможно, он не очень хорошо

разбирался в распознавании эмоций, но он был Драконом Кая и знал острый привкус свежей крови. Знал путь, которому нужно следовать. Тихо. И осторожно.

– Сочту за честь, мой господин, – сказал Кэнсин. – Куда вы хотите отправиться?

Райдэн усмехнулся, и его вид очень напомнил Кэнсину рычащего медведя. Его голос понизился, пока не превратился больше в выдох, чем в звук.

– В лучшую чайную Ханами.

Ханами

Марико уже однажды была в Инако, когда была помладше. В своем истинном обличье.

Для юноши достопримечательности столицы были совершенно иными. И не только потому, что всего несколько мгновений назад с ее глаз сорвали повязку.

Все казалось более четким. Цвета казались более насыщенными. Запахи заполнили ее ноздри, и перед глазами вспыхнули образы – маринованные кальмары, шипящие над открытым пламенем, ярко раскрашенные бумажные фонарики, подвешенные над рулонами блестящего шелка, витрины с расписными веерами и свеженарезанной хурмой, сливочный тофу, плавающий в бочках с холодной водой. Она принюхивалась и пробовала на вкус все, что было в воздухе, с энергией девушки в лихорадочном бреду.

Марико чувствовала себя свободной. Свободнее, чем когда-либо.

Несмотря на свое нынешнее положение.

«По крайней мере, в Инако меньше шансов, что я попаду в ловушку дерева-вампира. Или меня забросают острыми камнями».

Ранмару изучал ее. Уловил ее ухмылку, пронизанную открытым ликованием.

– Ты впервые в столице?

Марико соображала быстро.

– Да. – С таким ответом было легче объяснить, почему она в таком восторге. Он также помогал избежать дальнейших расспросов о ее прошлом. Черный клан, к счастью, не интересовался тем, кем она была до того, как вошла в лес, и Марико хотела, чтобы так оно и оставалось как можно дольше.

– Постарайся не выглядеть таким зеленым, когда мы доберемся до чайной, – сказал Оками из седла своего боевого коня, шагающего справа от нее.

Марико крепко сжала поводья пальцами, изо всех сил сдерживая свой язык. Игнорируя веревку, тянущуюся от лошади Оками к ее скакуну, привязывающую ее к боку Волка. Слева от нее рассмеялся Ранмару, его карие глаза сверкнули.

– Или когда ты впервые увидишь Юми, самую прекрасную девушку в империи.

– Сомневаюсь, что лорд Безбородый когда-либо в жизни видел гэйко, – сказал Оками. – И тем более был с красивой девушкой. – Даже провоцируя ее, Волк сохранял хладнокровие. Внимательное равнодушие.

Гэйко?

Значит, они ехали не в бордель с сомнительной репутацией, как она изначально предполагала. Нога гэйко никогда бы не ступила в подобное логово порока.

Тем не менее Марико промолчала. Обдумывала невысказанные колкости в ответ.

Брови Ранмару изогнулись:

– Расскажи-ка нам, лорд Безбородый. Ты действительно никогда не был с женщиной?

Она неловко поерзала в седле. Из всех вопросов, которые Ранмару мог бы задать, он, конечно же, выбрал бы этот. Мужчины, предоставленные самим себе, были так прискорбно предсказуемы.

– Я не девственник. Я был... со многими женщинами. – Ее слова были правдой, по крайней мере наполовину. Она больше не была девой. Хотя тот единственный раз не включал в себя другую девушку.

Он включал в себя восстание.

Марико вспомнила лицо молодого конюха, которому выпало сопровождать своего хозяина в провинцию ее отца одним весенним утром не так давно. Вспомнила добрую улыбку юноши. Его энтузиазм. Его непонятливость.

Именно его улыбка привлекла внимание Марико. Затянула его на залитый солнцем сеновал, чтобы скоротать мгновение в ее объятиях.

Он был добр. Нежен.

Всего несколько часов спустя ужасное осознание потрясло Марико до глубины души. Ее поступок в тот день мог привести к смерти этого доброго и нежного юноши. Ни разу – за все время, что они провели на ароматном сене, – она не остановилась, чтобы задуматься, что может случиться с юношей, если их поймают. Ее гнев на родителей был слишком острым. Ее стремление захватить контроль слишком ослепляло.

Она вспомнила слова Оками двухнедельной давности: *«Гнев – это эмоция, которая отравляет все остальное»*.

Даже в мыслях Марико не хотела признавать, что Волк может быть в чем-то прав.

В то утро она была одета в одежду крестьянки. Под этой личиной Марико соблазнила конюха. Преподнесла ему подарок, который ее родители недавно променяли на благосклонность императора. Подарок, который ее родители столь расчетливо продали.

Несмотря на риск, Марико ни разу не пожалела о своем решении, хотя само действие было неловким. Не неприятным, но определенно не стоящим всей этой суеты. И абсолютно не стоящим того, чтобы уступать контроль.

Но для Марико это был первый раз, и – только в этот раз – она хотела, чтобы ее тело принадлежало ей. Чтобы решение было за ней, и только за ней. Ее тело не предназначалось для продажи. Ее родители не имели права продавать его тому, кто больше заплатит. Оно не принадлежало ни Минамото Райдэну, ни кому-либо другому.

Она вспомнила, как Тиё говорила ей, что найти свою пару – это то же самое, что обрести свою вторую половинку. Марико никогда не понимала этого.

Она не была половинкой. Она была целой и полностью своей.

Перед ее лицом махнула рука. Когда Марико вынырнула из мыслей, лицо Ранмару появилось в поле зрения, пока он пытался вернуть ее в настоящее.

– О чем ты только что думал? – спросил главарь Черного клана. – Ты исчез. – Хотя его слова были небрежными, его взгляд был острым как бритва.

– О семье, – мягко сказала она, – и о праве.

Марико показалось, что едущий впереди Оками притормозил своего коня. Но он не оглянулся. Даже не наклонился в сторону их беседы. Возможно, ей лишь почудилось, что он замедлил шаг лошади.

Ранмару продолжал изучать ее профиль.

– Интересно, что ты связываешь их вместе.

– Я не думаю, что это интересно. Семья может дать вам право на многое. Она также может считать, что вправе получить многое от вас взамен.

– Поэтому ты сбежал из своей?

Марико сглотнула. Она с самого начала знала, что не сможет избежать ответов на вопросы о своем прошлом. Такие люди, как Ранмару – даже такие молодые, как он, и такие обаятельные, – не поднимались наверх только благодаря слепой вере.

Простая ложь, сотканная из правды, была лучшим ответом Марико:

– Мой отец устроил мне свадьбу. Я хотел поступить иначе. Когда мы не смогли прийти к соглашению по этому вопросу, я сбежал, – она не стала приукрашивать свое объяснение. Оставила его резким.

– Ты хотел жениться на ком-то другом?

– Нет.

– Тогда, может быть, ты из тех несчастных дураков, что одержимы идеей любви? – поддразнил он.

Она нахмурилась:

– Конечно нет. – По крайней мере в этом ответе не было необходимости во лжи.

– Ты не веришь, что твоя великая любовь где-то там, просто ждет, чтобы ты ее нашел?

– А ты? – Марико понизила голос. Растерялась от недоверия.

Широкие губы Ранмару расплылись в легкой улыбке:

– Я верю, что звезды сходятся, чтобы души могли найти друг друга. Будут ли они единокорны в любви или по жизни, это еще неизвестно.

Марико на мгновение растерялась. Это была... любовная чепуха. Будь она одета в прекрасные шелка как юная девушка, ее взгляд бы смягчился. Ее щеки бы порозовели.

Красивые слова остаются красивыми словами даже для самых практичных умов.

Вместо этого Марико сосредоточила все внимание на изношенной ткани своих повордьеv.

Кашлянула с нескрываемым дискомфортом.

– Охо-хо, – произнес Ранмару тоном высшего самодовольства. – Мне удалось смутить лорда Безбородого, просто говоря о любви. И ни разу я ничего не сказал о женщинах. – Он повернулся к Оками, протягивая ладонь: – Ты должен мне пять рё.

Марико замерла в седле, ее поза застыла.

– Это... ложь.

– В каком месте? – моргнул Ранмару.

– Ты упомянул Юми, – фыркнула она. – «Самая красивая девушка в империи».

Тут Волк расхохотался. Смех начался тихо, как рокот барабана. Потом перешел в затяжной дождь. Это был не богатый смех. Его звук не наполнял уши Мариико своим медовым резонансом. Но он был ясным и глубоким, очень похожим на цвет его глаз.

И часть ее не могла не подумать: будь он другим человеком, в другое время, в другом месте – Мариико бы понравился смех Оками.

Было бы приятно быть его причиной.

Но он был членом Черного клана. Банды наемников, пытавшихся ее убить. Тех, кто убил Тиё и Нобутаду.

Она ненавидела этого парня и все, за что он боролся.

Было опасно задумываться о чем-то, кроме этого, даже на мгновение.

Мариико крепче сжала поводья. Словно беря себя в руки.

– Получу ли я какую-либо долю от золота? – Она с ожиданием посмотрела на Оками.

– Нет. – Он даже не раздумывал перед ответом.

– Я сэкономил тебе деньги. Разве я не должен получить хотя бы половину в качестве награды?

– Забрав у меня половину моих денег, ты ничего мне не сэкономишь.

Она подвела свою лошадь ближе к его.

– Ты спорил, что Ранмару сможет смутить меня разговорами о любви? – насмешка коснулась уголков ее губ.

– Я спорил, что будет очень легко вызвать у тебя определенные реакции.

Мариико вздрогнула. Открыла рот. Затем закрыла.

Оками улыбнулся:

– Когда ты ничего не говоришь, это намного лучше. Таким образом, мне не нужно указывать на то, как легко ты лжешь. – Он поехал дальше, веревка позади него провисла.

Мариико стиснула зубы, заставляя себя молчать. Ее нос скривился, когда мимо проехала тележка с навозом. Перед ее лицом зажужжали мухи, и она отогнала их взмахом руки.

Ей было все равно, если Оками сочтет ее нечестной. Она находила его бесчестным.

Что было намного хуже.

Пытаясь заглушить раздражение, Марико повысила голос:

– В любом случае все эти вопросы любви не имеют для меня никакого смысла. Как и большинство вещей, которые нельзя доказать как факт.

– Почему это? – спросил Ранмару.

– Любовь – это... – Она поерзала в седле, пытаясь сесть повыше, чтобы лучше ощущать себя. – Это не то, что можно понять или объяснить. Она неосвязаема. Как волшебство. Те, кто не обладает ее силой, никогда не смогут полностью понять ее.

Ранмару склонил голову:

– Звучит довольно грустно.

– И воняет конским дерьмом, – бросил Оками через плечо. – Как и слова того, кому еще многому предстоит научиться.

И снова Марико оцетинилась от его суждения:

– Только тот, кому еще многое предстоит узнать самому, может так думать о ком-то другом.

– Или тот, у кого больше сожалений, – мягко сказал Ранмару. С горечью.

Оками не смотрел в их сторону, когда говорил:

– В моей жизни действительно много сожалений.

Даже издалека Марико увидела, как на его лицо опустилась тень. На мгновение она подумала, что может мельком увидеть уязвимость Волка. Она наклонилась ближе. В ожидании. У нее перехватило дыхание.

Если что-то – что угодно – было слабостью лучшего воина Черного клана, Марико отчаянно хотела знать, что именно.

«Следуй приказам. Завоюй доверие. Нанеси удар, когда они меньше всего этого ожидают».

– Моя жизнь полна смертей, лжи и распутных женщин. – Оками откинул назад упавшие черные волосы, встречаясь с ней глазами. Удерживая ее взгляд. Пристально. – Обо всем остальном я сожалею. – Он улыбнулся, и его полуприкрытые глаза с тяжелыми веками наполнились насмешкой.

Воистину он был безнадежен.

Марико чуть не зарычала от разочарования. Она прикусила щеку изнутри, чтобы промолчать. Чтобы удержать свою потребность упрекнуть его. На этот раз Оками определенно замедлил шаг своей лошади, чтобы соответствовать темпу Марико. Он ехал рядом с ней, хотя некоторое время не смотрел в ее сторону.

– Значит, ты не веришь в такие глупые чувства, как любовь? – Он устремил на нее тот же оценивающий взгляд, что и раньше. Тот, что был окрашен одобрением.

Что только заставило Марико не согласиться:

– Я этого не говорил.

– Ты сказал, что предпочитаешь вещи, которые можно доказать.

– Я имел в виду, что трудно доказать чувство как факт. Но я видел его раньше.

Марико видела, как Мурамаса Амая – дочь прославленного кузнеца ее отца – влюбилась в Кэнсина. Безумно, отчаянно влюбилась в него. Когда они были моложе, ее брат не замечал никаких признаков. Но Марико их видела. В моменты, когда Амая думала, что никто не смотрит, ее внимание переключалось на Кэнсина. Задерживалось на мгновение. Ее взгляд при этом часто вызывал у Марико чувство пустоты.

Часто заставлял ее желать, чтобы кто-нибудь посмотрел так на нее. Хотя бы раз.

– Это было похоже на магию? – осторожно спросил Оками. Марико ожидала, что он снова будет насмехаться над ней, но, когда она повернулась к нему, готовясь к резкому презрению, она не увидела никаких признаков этого.

Его глаза были чистыми озерами глубокой воды, ничего не скрывающими. Двумя черными зеркалами, завлекающими ее. Заставляющими ее сомневаться.

Прикосновение жара пробежало по ее коже.

– Похоже, – Марико изо всех сил пыталась говорить ровно. – Она смотрела на меня так, словно я был волшебным.

Глаза Оками оставались неподвижными. Небо без звезд.

Первой отвернулась Марико. Только чтобы снова увидеть, как Ранмару смеется.

Щелкнув языком, Оками пришпорил свою лошадь вперед, прочь от нее, веревка между ними натянулась. Марико снова заерзала в

седле, мечтая, чтобы она вовсе не поднимала эту тему. Мечтая повернуть время вспять и начать этот разговор по-другому.

– Ты когда-нибудь любил кого-нибудь? – прямо спросила она Ранмару, радуясь тому, как он вздрогнул – хоть и на мгновение.

«Так ему и надо, за то, что начал этот бредовый разговор».

Ранмару помедлил, прежде чем ответить:

– Да.

– Это было похоже на магию? – раздражение сквозило в каждом слого.

– Иногда да. – Но его улыбка не была искренней. – А иногда больше похоже на бесконечную осаду.

Она бросила на него вопросительный взгляд.

Ранмару улыбнулся ярче. Как будто он уговаривал себя перестать говорить правду.

– Думаю, ты скоро поймешь, что я имел в виду. – Он снова сел прямо. Прервал их разговор до того, как он начался. Более не желая позволять Марико заглядывать в свою жизнь.

Несмотря на растущее любопытство, Марико знала, что не следует больше давить.

Они продолжили путь к центру Инако. К извилистой реке, покрытой слоями засохших лепестков. Когда они свернули за поворот дороги, перед ними возник арочный мост из темно-серого камня, его песчаная поверхность была покрыта зелеными пятнами лишайника, с которого как будто капал мох. Перед переходом троица привязала своих лошадей к столбу и наняла сторбленного старика, чтобы тот присмотрел за их лошадьми.

Взгляд Марико прошелся по ряду коней, уже находившихся под его присмотром.

Поначалу это показалось ей такой глупостью. Любой с самым маленьким кинжалом мог в любой момент ограбить старика. Но лошади, оставленные на его попечение, были прекрасными животными, взнузданными яркими поводьями. С кисточками, окаймленными золотом и серебром. Украшенные гербами лучших семей Инако.

Только дураки будут красть у самых могущественных людей имперского города.

«Дураки вроде Черного клана».

Перед Мариико неторопливо текла река. Фонари, свисающие с балюстрад по обеим сторонам моста, ярко покачивались. В его конце – на противоположном берегу – линия кизилковых деревьев с вкраплениями сакуры заслоняла все от глаз. Прячала. Хранила в секрете. Запах жасмина и мускуса тянул к ним невидимые пальцы, приманивая их. Когда Мариико следовала за Оками и Ранмару через мост, поток розовых и белых лепестков ласкал ее кожу, а затем падал в воду, как толстые хлопья снега.

Она никогда раньше не видела ничего подобного.

Даже без пояснений Мариико знала, что они переходят в один из самых легендарных районов столицы.

Ханами.

* * *

Издавека одноэтажное здание казалось не чем иным, как чайной. Мариико, Оками и Ранмару ждали у простых ворот. Позвонили в простой, ничем не примечательный колокольчик.

Его жидкий звон спиралью поднимался в почти летний закат. В небо, затянутое голубым часом, сразу перед началом ночи. Ворота со скрипом отворились, и Мариико последовала с Оками и Ранмару за молодой женщиной с чистым лицом, одетой в шелковое кимоно. Ее шаги были легки. Быстры. Как будто она скользила по облакам. Она провела их к раздвижным дверям, остановившись только для того, чтобы дать им пройти.

Когда перед ней открылся вид, Мариико резко застыла на месте. Сделала над собой усилие, чтобы не ахнуть.

Это было похоже на что угодно, но не на обыкновенную чайную. Ни разу в жизни Мариико не видела что-то настолько различное по названию и виду.

Дорожка, петляющая по пышному зеленому саду, была гладкой и черной. Идеальный круг. Какая-то хитроумная система, полностью скрытая от глаз, перенаправляла бурлящий ручей и заставляла его спадать вниз тремя водопадами, каждый не выше длины руки Мариико. У основания этих водопадов клубящаяся пена собиралась вокруг

блестящих кувшинок и белоснежных цветов лотоса. Крошечный золотой карп нырнул под воды небольшой голубой лагуны.

Каждая внешняя стена главного павильона чайной была сложена из раздвижных дверей-ширм, обрамленных решетчатым деревянным каркасом. Когда Марико пригляделась, она поняла, что экраны сделаны не из рисовой бумаги, как обычно. Вместо этого они были изготовлены из тонкого шелка.

Крайняя степень роскоши.

Между низко свисающими карнизами крыши располагалось множество чугунных фонарей, сделанных в виде миниатюрных пагод. Языки голубого пламени скользили между их решетчатыми пластинами. Приземистые медные жаровни наполняли воздух опьяняющей смесью ночного жасмина и чистого белого мускуса. Хотя сумерки опустились только недавно, чайная полыхала теплом и светом. За экранами разносились звуки ритмичной музыки и общего веселья.

Марико думала обнаружить в этой чайной в Ханами что-то грязное. Увидеть место, куда приходили мужчины, чтобы погрузиться в фантазии.

Но пока она не заметила ничего подобного. Только безмятежную красоту. И она не чувствовала ничего, кроме умиротворения. Но Марико знала, что лучше не доверять этим чувствам. Очевидно, они были частью плана по разоружению даже самых критически настроенных посетителей.

Скоро время раскроет правду.

Когда Ранмару снял сандалии и ступил на настил чайного павильона, Марико последовала его примеру. Она поправила свой халат, внезапно осознав один смущающий факт: она была одета неподобающим образом. Ее одежда была слишком велика. После того как ей впервые одолжили одежду, Марико заподозрила, что это вещи Рэна. Он был единственным членом Черного клана похожего роста. В тот момент Марико мало беспокоило то, что она носит что-то неподходящее по размеру и совершенно не соответствующее столичной моде. Ее не волновало и то, что пришлось надеть одежду Рэна. Она не видела причин заботиться о том, что кто-то думает о том, как она выглядит.

До сих пор Марико даже не обращала внимания на то, что носят другие девушки, ибо это тоже казалось неважным. Находясь среди мужчин, она обнаружила, что красивая одежда мало кого волнует.

Но сейчас, когда Ранмару и Оками повернулись к ней, Марико внезапно остро осознала, как выглядит. Чуть ли не застеснялась. Чувство, которое она презирала.

Это было так по-женски, несмотря на все ее попытки действовать противоположным образом.

Халат Ранмару, доходящий до колен, был сделан из тонкого темно-зеленого шелка. Он надел его поверх плиссированных брюк хакама и умудрился сохранить безупречный внешний вид на протяжении всей долгой поездки из леса в имперский город. Оками был одет в похожие по стилю одежды насыщенного темно-синего цвета, за исключением того, что его *хаори*^[57] свободно висело поверх косодэ из белого шелка, подпоясанного черным шнуром.

Хотя эти молодые люди на самом деле были просто парой ронинов – и вдобавок отъявленными ворами, – они выглядели так, как будто им здесь самое место: в элегантной чайной, полной чудес и тайн. В то время как Марико очень напоминала лохматую уличную кошку, выбравшуюся после долгого весеннего дождя высушить мех.

«Я полагаю, этому уже не помочь».

Натянув маску стойкости, Марико заставила себя двинуться вперед. Встать рядом с Оками.

Он тут же быстро отвернулся, остановившись только для того, чтобы ополоснуть руки в тазу, наполненном водой с ароматными свежими лепестками роз. Марико подражала его действиям, все время чувствуя себя здесь чужой. Как будто в любой момент кто-то мог сорвать маску с ее лица и показать всему миру, что она обманщица.

Обтянутые шелком двери раздвинулись перед ними, открывая еще один слой скрытого великолепия Ханами. Еще один слой этого места красоты и излишества.

Марико много лет тихонько посмеивалась над рассказами об этом излишестве.

Гэйко называли живыми, движущимися произведениями искусства. Сама эта мысль раздражала ее чувства. Что красивая женщина может быть не более чем развлечением, предоставленным порокам и удовольствиям мужчин.

Но когда Мариико замороженно наблюдала, как гэйко, одетая в несколько слоев шелка тацумура, дрейфует по безупречным татами, она осознала свою первую ошибку. В том, как стояла и как двигалась эта молодая женщина, не чувствовалось подчинения. При ее виде также не создавалось впечатления, что ее существование основано исключительно на угождении мужчинам. Ни разу взгляд гэйко не остановился на новоприбывших. Ее голова была высоко поднята, походка гордая. Самообладание, с которым она двигалась, грациозность, с которой она делала каждый свой шаг, были явным свидетельством многолетних тренировок и традиций.

Эта девушка не была игрушкой. Ни в какой степени.

Пока она шла, она манила. Каждый ее шаг был, как у танцовщицы на сцене. Нарисован художником на холсте. И все это не более чем самые простые движения.

Как только гэйко перешла на другую сторону длинной прямоугольной чайной комнаты, она повернулась с подчеркнутой элегантностью и уселась на колени в углу, разгладив складки кимоно под коленями одним плавным движением. Слуга подал ей блестящий деревянный *сямисэн*^[58]. Когда девушка закрыла глаза и заиграла на струнах резным когтем из слоновой кости – и ее музыка была мягкой и сияла тем же янтарным светом, что исходил от висящих фонарей, – к Мариико пришло второе озарение. Она осудила что-то еще до того, как дала этому возможность – ту самую возможность, которую Мариико просила у Ёси в свой первый день в лагере Черного клана.

Музыка, которую играла гэйко, была навязчивой. Песня, наполненная завуалированным чувством. Ее ритм был жарким, но ее мелодия не обжигала; скорее гипнотизировала. Низкое, постоянное гудение самой толстой струны сямисэна раскатывалось по всему пространству, убаюкивая Мариико почти до оцепенения.

В выступлении гэйко чувствовалась такая гордость. Такая страсть. Она играла в первую очередь для себя. И Мариико оценила это больше, чем могла бы выразить словами.

Как только песня закончилась, Мариико, Ранмару и Оками заняли свои места за отдельными низкими столиками с одной стороны прямоугольной комнаты. Два аккуратных ряда столов опоясывали периметр, параллельно друг другу. Полы были покрыты

свежесотканными татами, края которых были отделаны темно-фиолетовым шелком.

Марико села перед одним из этих столиков, снова поймав себя на том, что бездумно повторяет каждое движение Оками. И ненавидит себя за это. Как будто она когда-либо могла бы пожелать стать кем-то вроде него. Кем-то настолько самодовольным. Насколько равнодушным ко всему важному.

Как только Марико закончила поправлять край своего халата, перед ней поставили миску из глазурованного черного фарфора, наполненную ароматным рисом. Лакированные палочки для еды лежали на подставке из полированного нефрита. Другие служанки в таких же простых шелках, как и девушка на входе, начали выносить еду – филе лакедры, политое соусом из свежего щавеля и белой пасты мисо, кусочек сливочного лецца, подаваемого вместе с маленькой миской *пондзу*^[59], охлажденные морские ушки, маринованные в подслащенном соевом соусе и посыпанные мелко нарезанным зеленым луком.

Когда Марико дотронулась кончиками палочек до лакедры, рыба рассыпалась на хлопья. Хлопья, которые таяли во рту, маслянистые и яркие на вкус. Перед каждым гостем чайной расставили раскрашенные вручную кувшины для саке и такие же чаши. Вскоре комната была заполнена до отказа. И тема разговора свелась к подмигиванию с явным подтекстом. Стала похабнее. Громче.

«*Мужчины*», – покачала головой Марико и огляделась, сдерживая заливающий щеки румянец.

Косые лучи света исходили от одинаковых миниатюрных фонарей-пагод, висевших через равные промежутки по всей комнате. Пламя внутри мерцало сквозь замысловатые планки, создавая тени, которые танцевали на экранах и отбрасывали свет на покрытые шелком стены.

Когда Марико закончила есть, раздвижные двери в противоположном конце павильона скользнули в стороны. Сначала Марико подумала, что девушка, стоящая перед ними, просто моложе всех присутствующих гэйко. Возможно, даже моложе самой Марико. Когда девушка скользнула мимо – каждый ее шаг был легким прикосновением к тканым циновкам, – Марико увидела вспышку набивного красного шелка в центре ее волос, прямо над затылком. Это

был знак *майко*^[60] – ученицы гэйко, которая еще не заняла свое место в официальных рядах плавающего искусства Ханами. Шлейф длинного кимоно майко колыхался позади нее, словно мягкий вихрь ветра. Даже в свой лучший день Марико не могла и представить, какое бы мастерство ей потребовалось, чтобы ходить с такой грацией под тяжестью трех нижних халатов и богато расшитого кимоно из бирюзовой парчи и бледно-розового шелка. Один только ее оби выглядел так, словно весил как камень, а его узел на спине был огромным и богато украшенным.

Как только она прошла мимо Марико, майко улыбнулась ей. Улыбка, которая заставила Марико подумать, что эта девушка знает ответ на любой вопрос, который когда-либо задавали. Мастерство майко в искусстве флирта не могло скрыть расчетливый ум в ее подведенных глазах. Марико могла поспорить, что эта девушка обладает таким же великолепным умом. Оттенок твердости в ее взгляде делал ее еще более загадочной.

Каждый мужчина в комнате выглядел очарованным. Оками наблюдал, как майко уплыла в другой конец комнаты, и один раз кивнул, когда та посмотрела в его сторону. Ранмару следил за ней взглядом, готовый и жаждущий поймать ее, если она споткнется, даже через всю комнату. Хотя Марико, задержавшись на его лице глазами, и не упустила проблеска боли – скрытого течения несчастья, – когда майко прошла мимо него, даже не взглянув в его сторону.

Наверное, именно это Ранмару имел в виду ранее. Эта майко, должно быть, и была целью его бесконечной осады.

И возможной слабостью.

От этого осознания ее интерес возрос, но Марико сдержала свои эмоции. Чтобы быть такой же хладнокровной и такой же спокойной, как Волк.

Как только майко подошла лицом к стене на противоположной стороне комнаты, она остановилась. Медленно разворачиваясь, она идеально синхронизировала свои движения с игрой сямисэна. Из кармана одного из длинных рукавов майко достала два сложенных шелковых веера. Быстрым щелчком она открыла их, приняв задумчивую позу и бросив взгляд через плечо на восторженную аудиторию позади нее. Повернувшись к ней лицом, девушка закутила один веер вокруг своего указательного пальца по кругу, подобно

изящной ветряной мельнице. Второй веер порхал над морем загипнотизированных лиц, донося до них аромат сладкой сливы и жимолости.

Она продолжала плыть по матам, извиваясь и ловя свои веера в идеальном унисоне со взлетами и падениями музыки. Хотя Марико не увидела в танце ничего чувственного, тем не менее она ощутила смущение от его вида.

Что-то в нем казалось запретным. Незаконным.

Марико понимала, что ей представилась уникальная возможность. Сколько благородных девушек до нее бывали в чайной Ханами? Стали свидетельницами знаменитого искусства гэйко – искусства, которое тщательно контролировалось и держалось в секрете от ее рода на протяжении стольких веков.

Этот опыт открыл разум Марико для нескольких новых соображений.

Эта девушка не могла быть старше ее семнадцати лет. На мгновение она задумалась, был ли у майко выбор в ее будущем. Или кто-то – как и у Марико – сделал этот выбор за нее. Сестра. Отец. Мать. Тетя. По случайной иронии судьбы на месте этой девушки могла оказаться Марико. А девушка – на ее.

Что-то в танце майко поразило Марико, как часто поражали ивы. Та же глубокая красота. И та же навязчивая грусть.

По залу разнеслись аплодисменты, когда майко закончила свой танец с веерами. Она поклонилась, затем скользнула в их сторону. И снова красавица проигнорировала Ранмару, почти холодно пройдя мимо него. Не обращая внимания на вспышку боли, промелькнувшую на его лице. Затем майко еще раз очаровательно улыбнулась Марико, прежде чем сесть рядом с Оками.

Была ли это та девушка, к которой Оками через день приезжал в Инако? Стал бы Оками сознательно заводить роман с той, что пленила сердце Ранмару? Даже для Волка это казалось крайней жестокостью. Не говоря уже о пустой трате времени, денег и энергии.

Когда прелестная майко наклонилась к уху Оками, мазнув белоснежными лепестками своей прически по его острой челюсти, в животе Марико возникло легкое тревожное чувство. Она на мгновение оценила его, а затем вместо него вспыхнуло раздражение.

Она не злилась на майко. Сама мысль об этом была смехотворной. Играла ли эта девушка с Оками и Ранмару, тратя деньги первого и разбивая сердце последнего, Марико это не беспокоило.

Если, конечно, она не сможет использовать это в своих интересах.

Марико признала, что, возможно, часть ее была просто раздражена тем, как девушка манипулировала одним юношей, чтобы причинить боль другому. Тиё часто сплетничала о служанках, которые вели себя подобным образом, и Марико это никогда не нравилось.

Но какое ей дело до того, что эти мальчишки-идиоты растрачивают свое время и деньги?

Саке явно ударило ей в голову.

– Оками-сама, – сказала майко, в ее голосе идеально сочетались застенчивость и жеманство. – Спасибо, что пришли ко мне сегодня вечером. – Ее изящные глаза скользнули по Ранмару с явным намеком. Затем ее взгляд снова ожесточился, но лишь на мгновение.

Еще одна волна раздражения пронзила спину Марико. Майко сознательно играла с огнем. Сознательно играла чувствами Ранмару.

Но с какой целью?

И был ли у Марико способ использовать эту девушку для достижения своих целей?

Майко наклонила голову, еще ближе прижавшись к Оками, и продолжила шептать ему на ухо. Через некоторое время тот снисходительно кивнул, и девушка улыбнулась. Она закатала рукав кимоно, чтобы налить ему чашку горячего чая, и каждое ее движение было подобно жидкому дыму.

Чем дольше это длилось, тем очевиднее становилось: независимо от скрытых мотивов майко в отношении Ранмару, у нее и Оками была очевидная связь. Их разговор был тих. Интимен. Ни разу между ними не проскочила неловкость. Оками ни разу ни о чем не попросил. Майко предвосхищала каждое его желание, все время глядя на него с абсолютным доверием.

Это зрелище вызвало у Марико легкое отвращение. Так ли вела себя каждая молодая женщина в окружении красивых юношей? Нелепо. Неудивительно, что молодые люди жаждали проводить время в таких местах, как Ханами. Марико поставила бы все, что у нее было, на то, что именно из-за этой майко Оками так часто ездил в Инако.

В голове Марико словно щелкнуло.

Возможно, именно эта девушка связывала Черный клан с его работодателями. Предоставляла наемникам доступ к многочисленным столичным секретам. Гэйко были известны тем, что хранили и распространяли самую ценную информацию среди знати. Их неограниченный доступ к влиятельным людям часто давал им преимущество в государственных делах.

Возможно, у этой девушки были ответы, которые так отчаянно искала Марико.

Майко поднялась с места, шурша шелком. Когда она прошла мимо Ранмару, тот начал вставать.

– Юми, – мягко сказал он, – пожалуйста...

Девушка бросила язвительный взгляд на главаря Черного клана, а затем покинула чайную комнату.

Пока Ранмару ерзал рядом с ним – на его лице была написана тревога, – Оками молча допивал свой чай. Единственным утешением, которое он предложил своему другу, было налить ему еще одну чашку саке. Затем Оками встал, следуя по пути, по которому незадолго до этого прошла майко Юми.

Как только Оками ушел, Марико задумалась, как лучше поступить, ее мысли путались в голове. Очевидно, что Ранмару и Оками любили одну и ту же девушку. Как ни странно, этот конфликт еще не посеял в их дружбе явную вражду. Единственная причина, которую Марико могла для этого представить, заключалась в том, что Юми служила гораздо более важной цели.

Незапертая дверь в сознании Марико распахнулась.

Юми *должна* быть кем-то очень важным для Черного клана.

В этот момент Марико охватила потребность узнать, какой цели служит девушка. Необходимость узнать все и вся об этой майко.

Об этой неоспоримой слабости.

Осознание заставило ее действовать. Марико допила последнюю чашку саке, а затем решила воспользоваться тем, что Ранмару был в расстроенном состоянии. Заикаясь, она спросила у одного из слуг указать место, где можно облегчиться. Как только Марико вышла из павильона, она направилась по соединяющей галерее к внутреннему двору с изящно вымощенной дорожкой и крошечным ручейком, извивающимся по его центру. Свернув за угол, она резко остановилась.

На другом конце двора под низким карнизом стояли в тени Оками и Юми. Они говорили приглушенными голосами, и майко находилась на расстоянии объятий от Волка. У Марико перехватило дыхание, когда она увидела выражение лица Оками, пока он слушал речь красавицы.

Это было выражение тепла. Понимания. Страсти.

Несомненно, то была любовь.

Взгляд Волка хорошо передавал эти эмоции. Удивительно хорошо, учитывая его пренебрежительное отношение к этим чувствам. Если бы она не увидела это своими глазами, Марико никогда бы не поверила. И, напротив, Юми выглядела до странности противоречивой. Ее плечи поникли, и Марико увидела, как пальцы девушки вцепились в ее шелковые рукава.

Когда голова Юми упала вперед – словно какая-то невидимая тяжесть опустилась на нее, – Оками взял ее на руки и притянул к себе.

Предлагая ей утешение.

Еще один укол раздражения пронзил Марико прямо под сердцем.

Она не могла понять, что Оками нашел в этой девушке, помимо того, что было до неприличия очевидно. Откровенно говоря, Марико ожидала от него большего. С его стороны было неразумно так напоказ выставлять свои чувства. Ранее он утверждал, что ценит отношение Марико к любви. Утверждал, что понимает ее отношение к эмоциям в целом.

Все это было глупостью. Пустой тратой времени, особенно на девушку, которая была потенциальным источником его конфликта с Ранмару.

Марико поджала губы. Не имело значения, был ли конфликт между Ранмару и Оками. На самом деле для нее было бы лучше, если бы он был.

Расправив плечи, она вжалась в тень, пытаясь найти способ подобраться ближе к Оками и Юми, чтобы можно было их подслушать. Она вспомнила, что они с Кэнсином делали, когда были детьми и хотели проследить за взрослыми. Они смачивали палец слюной и прижимали его к какому-нибудь экрану из рисовой бумаги, образуя крошечное отверстие, через которое можно было подслушать. Но, конечно же, экраны в этой чайной были сделаны из

шелка. Как будто его строители осознавали необходимость предельной осмотрительности во всех уголках Ханами.

Не имея под рукой другого очевидного способа вмешаться, Марико посмотрела вверх. Низко нависший карниз в этом конце двора был в пределах досягаемости. Она могла бы ухватиться за него и скользнуть вдоль линии крыши. Если бы она могла подобраться достаточно близко, то услышала бы все, что происходит между Оками и Юми.

Марико изучала медные фонари сложной формы, свисающие через равные промежутки вдоль каждого деревянного карниза. Они были такими же, как фонари снаружи главного павильона, только меньше. Некоторые из них еще не зажгли, поскольку владельцы чайной, по-видимому, полагали, что серебряного света полной луны более чем достаточно для освещения внутреннего двора, несмотря на сгущающиеся над головой облака.

Она уперлась ногой в опорную балку и вскарабкалась на черепичную крышу, ее движения были замаскированы ровным гулом снизу. Устроившись на месте, Марико решила встать, но поняла, что носки таби на ее ногах не обеспечивают необходимого сцепления для свободного передвижения. Поэтому вместо этого она поползла, как паук, по изогнутой черепице крыши, низко опустив голову.

Когда она выглянула за гребень крыши, Марико чуть не соскользнула со своего насеста, и ее пульс внезапно ускорился.

«Это невозможно».

Там – у водопада рядом с входом в лучшую чайную Ханами – стоял человек с таким же лицом, что и у нее. Человек, рядом с которым Марико выросла. Человек, которого она понимала, как никого другого.

Хаттори Кэнсин.

Дракон Кая наконец нашел ее.

Брошенный фонарь

Марико быстро соображала, ее разум пылал.

«Что здесь делает Кэнсин?»

Возможно, ее брат смог выследить ее до Инако. Хотя и маловероятно, что кто-нибудь сможет пройти по ее запутанному следу через горный лес обратно в столицу. Но если такая возможность существовала, даже отдаленная, Марико знала, что только Кэнсин способен на это. Это также означало, что он к тому же мог знать, что именно Черный клан виновен в нападении на ее конвой.

И теперь Марико столкнулась с последствиями.

Это было невероятно, но ее брат был здесь.

Кэнсин ждал у голубой лагуны, пока двое его товарищей в капюшонах разговаривали со слугами у ворот. Даже издалека Марико видела беспокойство на его лице.

Глубокую озабоченность.

Она собрала силы, чтобы попытаться осмыслить это. Поспешно составить план.

Хотя Кэнсин и смог ее выследить, Марико не могла позволить ему найти ее. Она слишком многим рискнула, зайдя так далеко.

«Я не готова уступить контроль. Пока нет. И я не готова вернуться домой».

Ее брат пришел в чайную не один. Вместе с ним через ворота прошли двое других знатных мужчин. Из невероятно богатой семьи, судя по их одежде. То, что из теней вышли еще несколько слуг, чтобы удовлетворить все их нужды, только подтвердило ее догадку.

Когда четверо императорских гвардейцев шагнули в свет фонарей справа от них, сердце Марико ёкнуло, бухнувшись в живот: двое молодых людей, пришедших с Кэнсином, были из высших рангов императорского двора. Возможно, даже из членов самой императорской семьи. Марико искала следы их гербов. Пыталась рассмотреть их сквозь великолепные плащи.

Возможно ли, что один из этих мужчин в капюшонах был ее женихом, Минамото Райдэном?

Марико сглотнула, ее нервы были натянуты до предела, пульс дрожал в венах.

Если ее брат и его спутники из императорского замка застанут Марико здесь – в компании самых отъявленных воров империи, пока она сидит на крыше самой роскошной чайной Ханами, – последующие события могут оказаться катастрофичными.

Это разрушило бы все ее планы. Помешало бы ее желанию избавить свою семью от унижения и доказать свою ценность за пределами брачного рынка. Лишило бы ее шанса узнать, кто замыслил ее убийство.

Не говоря уже о скандале, который развернется, когда выяснится, что будущая невеста Минамото Райдэна исчезла, а затем снова появилась...

Одетой как мальчишка.

И в последнюю очередь: Марико даже не хотела думать о том, что может случиться, если между Кэнсином и кем-либо из членов Черного клана начнется бой.

Особенно с Оками.

Марико вздрогнула, представив это. Кэнсин был лучшим самураем, которого она знала. Но ни один знакомый ей воин не двигался так, как Волк.

Нет. Марико никогда бы не позволила им пересечься.

Пока она чувствовала, как паника нарастает, более высокий из спутников Кэнсина снял капюшон своего плаща. Даже со своего места на крыше Марико разглядела серебристый герб на шелковой отделке одежды.

Три цветка горечавки и веточка листьев бамбука. Герб клана Минамото.

Ее ужас вспыхнул раскаленной добела вспышкой. Вышел из-под контроля.

Она никогда раньше не видела Минамото Райдэна. Но из рассказов она знала, что он высок. Одаренный член *ябусамэ*^[61]. Тиё чуть не упала в обморок, когда помолвка Марико официально подтвердилась.

Даже без подтверждения Марико могла легко понять, что более высокий и широкий в плечах компаньон ее брата, вероятно, был ее женихом. А это означало, что...

Спутник пониже ростом. Более медлительный юноша, который все еще был в капюшоне и со всех сторон защищен императорской гвардией.

Тело Мариико онемело, словно по крыше пронесся зимний ветер.

«Наследный принц Ва».

Такэда Ранмару был сослан Минамото Масару. Хотя Ранмару специально не назвал имя императора той ночью у дзюбокко, Мариико не была полной дурой. Оками и Ранмару верили, что их отцы были преданы и убиты нынешним императором.

Ничего хорошего не произойдет, если сыновья этих троих случайно встретятся в чайной в глубинах Ханами темной летней ночью.

Охваченная тревогой, Мариико наблюдала со своего места, как Кэнсин вымыл руки в том же тазу, которым она пользовалась несколько часов назад. Смотрела, как он ждал, чтобы войти в тот же самый чайный павильон. Теперь для нее было невозможно вернуться на свое место в главной комнате. Если Кэнсин увидит ее, то узнает ее прежде, чем она успеет сделать следующий вдох.

Паника захлестнула ее, когда Мариико увидела, как Оками сворачивает обратно к павильону, а Юми идет вслед за ним. А это означало, что их пути скоро пересекутся с ее братом. Если Оками вернется и обнаружит, что Мариико пропала, он, несомненно, спросит Ранмару, куда она ушла. Эти двое начнут искать ее. Они узнают, что она не просто отошла, чтобы облегчиться.

И ее брат все услышит.

Мариико не знала точно, что уже выяснил Кэнсин, и это оставляло слишком многое на волю случая.

Мариико должна была заставить Черный клан покинуть чайную и прихватить ее с собой. До того, как Кэнсин поймет, что произошло. Потому что, если Дракон Кая был здесь, чтобы найти ее, он ее найдет. Ее брат никогда не сдавался, пока не достигал цели.

И она не могла этого допустить.

Пока нет.

Мариико пока продумала только два варианта: можно было попытаться отвлечь брата, создав какой-нибудь переполох рядом с ним – возможно, бросив единственную метательную звезду, которую она украдала у Харуки, – или же она могла устроить отвлекающий маневр

для Оками, подальше от главного чайного павильона. Что-то, что дало бы им шанс позвать Ранмару и сбежать незамеченными.

Столкнувшись с выбором, один из вариантов которого, возможно, угрожал ее брату – и, по совпадению, наследному принцу Ва, – а второй – Оками, Марико легко приняла решение. Она схватила цепь незажженного медного фонаря позади себя. Затащила на крышу. Тщательно прицелилась.

Как только Оками оказался в пределах досягаемости, Марико бросила фонарь на его путь, намереваясь застать врасплох. Она надеялась, что за те мгновения, что ей принесет этот небольшой отвлекающий маневр, она успеет незаметно спуститься с крыши и тайно сообщить Оками о только что прибывших гостях чайной.

Она могла бы, конечно, просто сказать что-нибудь. Просто крикнуть ему со своего места. Но если Марико могла помочь, то не хотела бы, чтобы Оками узнал, что она следила за ним. И она не могла допустить, чтобы Кэнсин услышал ее. Или, что еще хуже, увидел.

Так что у нее не было другого выхода, кроме фонаря.

К сожалению, Марико просчиталась в двух вещах, когда смело замахивалась фонарем на Волка: удивительный вес металла, подвешенного на цепи. И быстрота рефлексов Волка.

Как только он услышал скрежет качающегося металла сверху, Оками оттолкнул Юми и в тот же миг поднял голову.

Марико закричала, когда брошенный фонарь сильно ударил Волка по лицу, заставив того перевалиться через перила и плюхнуться в журчащий ручей. Оранжево-белые карпы метнулись во все стороны, а по двору прокатился всплеск, привлекая внимание всех, кто находился в пределах слышимости.

Марико моргнула, ее глаза и рот образовали идеальные овалы. Оками убрал волосы с лица и тут же взглянул на нее с чистой ненавистью.

Как будто он все это время знал, что она была там.

«Я несколько не так все планировала».

Юми смотрела на промокшую одежду Оками, прикрывая одной рукой идеально покрашенные губы.

У ворот брат Марико вышел из-под навеса раздвижных дверей павильона, привлеченный похожим на колокольчик вскриком Юми и

плеском воды. Минамото Райдэн вышел из тени, следуя по пятам Кэнсина.

Марико пригнулась, прячась от глаз любого, кто мог подумать взглянуть вверх.

Надеясь, что Оками не привлечет к ней внимания. Молясь о чуде.

Когда Волк резко поднялся – с упреком в темных глазах, водой, стекающей с его красивой одежды, – и открыл рот, чтобы крикнуть на нее, Марико послала ему предупреждающий взгляд. Затем она ткнула большим пальцем через плечо, как будто подобного объяснения было достаточно. Как будто это давало ей вескую причину ударить его металлической коробкой по голове. Оками посмотрел на галерею, ведущую к главному павильону, на несколько богато одетых фигур, которые теперь двигались в их сторону. Хотя ярость все еще бурлила в нем, он сузил глаза. Меньше чем через мгновение на его лице отразилось понимание.

С места, где болтался фонарь, который бросила Марико, Оками потянулся к его цепи. Затем он один раз свистнул – звук, похожий на крик водоплавающей птицы.

Ужас снова схватил Марико за горло, лишая ее голоса.

Каждая секунда на шаг приближала ее брата к ней. Если Кэнсин смог зайти так далеко – прошел за Марико весь путь от леса Дзюкай до имперского города, – ее брат, вероятно, подозревал, что Черный клан похитил ее. Знал ли он личность опального юноши, возглавлявшего эту банду наемников?

Сможет ли он узнать Оками или Такэду Ранмару?

Марико прижалась к краю крыши, ее пульс гулко гудел в ушах.

Она чувствовала себя бессильной. Беспомощной. Ее кровь взметнулась вверх, воспламененная страхом.

Кэнсин и его спутники свернули за угол под тем местом, где притаилась Марико. Скоро они увидят Оками. Окажутся на расстоянии удара. Волк не казался обеспокоенным из-за этого. Он также не пытался сбежать. Он только жестом приказал Юми уходить. Затем он перепрыгнул балюстраду, оставив за собой дугу кристально чистой воды.

Ее пальцы затряслись. Марико не могла понять, что намеревался сделать Волк. Но было очевидно, что он собирается сражаться, даже

против императорской гвардии. Даже против прославленного своей силой лучшего воина ябусамэ.

Глаза Волка были прикованы к приближающимся людям.

Застыли на Драконе Кая.

Ледяной холод пробежал по коже Марико.

«Оками, должно быть, узнал герб Хаттори на одежде Кэнсина».

Это означало, что он должен понимать причину, по которой Хаттори Кэнсин преследовал его. Потому что Черный клан был виновен в попытке убить его сестру. Виновен в нападении на ее конвой.

Виновен во всем, как всегда и подозревала Марико.

И теперь Оками намеревался встретиться с Хаттори Кэнсином. Покончить с этим раз и навсегда.

В это мгновение Марико поняла – без тени малейшего сомнения – никакая информация не стоила жизни ее брата.

Она вынула из рукава метательную звезду. Поместила ее между пальцами. Марико убьет Оками, если он хотя бы потянется за мечом. Даже если его рука просто дернется от мысли об этом. Когда она подняла метательную звезду к свету, из пятна тьмы в конце галереи вырвалось движущееся пятно. Эта тень пересекла лучи от фонарей, ее шаги были беззвучны, а лицо скрыто.

Серебряный клинок рассек воздух.

И крик Марико эхом разнесся в ночи.

Честный обмен

Все произошло в одно мгновение. Прежде чем Оками успел атаковать, залитый лунным светом клинок снова появился из тени.

Он едва не попал в голову Кэнсина, но он уклонился от удара, руководствуясь своими сверхъестественными рефлексами, и вытянул катану из ножен по дуге.

Марико подавила вздох, когда та же самая фигура метнулась в свет ближайшего фонаря. Хотя это было всего мгновение – и черная маска скрывала нижнюю часть его лица, – она узнала одежду воина.

Ранмару.

Главарь Черного клана уклонился от парирующего удара Кэнсина, для чего ему пришлось отступить. Как будто он не собирался вступать в бой с ее братом, а просто уводил его в сторону. Имея четкое намерение насчет воина за спиной Кэнсина.

Минамото Райдэна. Жениха Марико.

В этот момент Райдэн тоже обнажил сверкающую катану, а затем встал перед своим младшим братом и рявкнул на четверых императорских гвардейцев, уже спешащих к ним.

Оками вступил в бой с Райдэном в тот же миг, когда жених Марико взмахнул мечом. Черная маска теперь скрывала и лицо Волка, хотя его оружие по-прежнему было не чем иным, как тем самым медным фонарем, раскачивающимся на тонкой цепи.

Императорские гвардейцы мчались по галерее, и лязг мечей, вырывавшихся из ножен, эхом доносился со всех сторон. Ранмару напал на первую группу гвардейцев. Двое стражников позади уже окружили наследного принца, уводя его от сражения.

Когда в воздухе начал собираться низкий гул, взгляд Марико остановился на Оками.

Линии его тела начали расплываться. Становясь рябью в неконтролируемом движении.

Нет.

Марико бросила метательную звезду в гущу схватки, наблюдая, как она летит в спину Оками. Она вонзилась ему в лопатку, и он вскрикнул – скорее от ярости, чем от боли, – и дрожь по всему его телу

только усилилась. Ранмару парировал еще один удар Кэнсина, пытаясь пробиться к раненому другу.

– Убирайся отсюда, – крикнул Оками Ранмару, вырывая метательную звезду из своей спины. – Сейчас же!

Ранмару заколебался.

– Сейчас же! – повторил Оками хриплым голосом, его окровавленные пальцы сжимали длинную цепь фонаря, намереваясь использовать ее как оружие.

С виноватым выражением, безошибочно проглядывающим на его лице, главарь Черного клана бросился прочь, растворившись во тьме, как дым в ночном небе.

Марико точно поймала момент, когда Кэнсин увидел возможность. Со смертоносной решимостью ее брат оттолкнул одного из оставшихся имперских гвардейцев и бросился к Оками.

Низкий гул в воздухе достиг лихорадочной громкости. И Оками превратился в размытое движущееся пятно, нанося удары по всему, что он мог видеть, его фонарь вертелся, описывая идеальные круги.

Не колеблясь, Марико бросилась с края крыши прямо на брата. Пытаясь прикрыть его. Он отбросил ее в сторону, закрутившись в воздухе, когда они потеряли равновесие и рухнули на деревянный настил дорожки.

Голова Кэнсина ударилась о край столба. Его тело неподвижно упало вперед. Ледяные, дрожащие пальцы Марико подлетели к его рту, проверяя дыхание. Вздох сорвался с ее губ, когда она поняла, что ее брат просто потерял сознание.

Прежде чем Марико успела сделать что-либо еще, ее схватили за талию и бросили во тьму. Ночной ветер хлестал по лицу, пока она улетала прочь от места сражения, уносимая злым ветром.

* * *

Марико швырнуло на оштукатуренную стену.

Как только она вдохнула полной грудью, то поняла, что они оказались за чайной. Оками схватил ее и убежал быстрее молнии. Должно быть, он воспользовался тайным выходом, чтобы так быстро доставить их на другую сторону двора.

Волк упер предплечье в горло Мариико, рукав его элегантного хаори все еще был влажным после недавнего падения в воду.

– Что ты творишь, Санада Такэо? – спросил он, его грудь тяжело вздымалась. Гнев наполнял его голос. Натягивал мышцы на шее. – Ты пытаешься меня убить? – Она чувствовала дрожь его тела даже сейчас.

Ее пульс подскочил до барабанного ритма. Мариико пыталась сообразить быстро:

– Нет! Я пытался спасти тебя, но промахнулся...

– Не лги мне. – Его пальцы сжались вокруг воротника ее косодэ, притягивая ближе, а гул все еще заставлял его кожу дрожать. – Больше никакой лжи, Санада Такэо. – Его глаза над маской сверкали, как обсидианы. Два камня бездонно-черного цвета, вырезанные из расплавленного огня.

– Я не лгу, – прошептала она, сглатывая ком в горле.

– Только этой ночью – скажи правду.

Легкий весенний дождь начал накапывать вокруг них. Его руки переместились по обе стороны от ее головы, зажимая ее между его ладонями, вены на его руках напряглись в молчаливой угрозе.

– Только если, – она сглотнула, – только если ты согласишься сделать то же самое. Цена моей правды – твоя собственная.

Голос Оками понизился до убийственной тишины:

– Ты все еще пытаешься торговаться.

Ее сердце подскочило к горлу, его удары гремели в ушах.

– У меня есть ответы, которые ты ищешь. – Мариико собралась с духом, дождь превратился в ровные струи воды. – Сними свою маску, и я сниму свою.

Его губы дернулись. Затем – без всякого предупреждения – он снова схватил ее за горло, давление было легким, но непреклонным.

– В ношении маски есть проблема. – Он согнул пальцы, прижимая ее к оштукатуренной стене. – Ее можно сорвать в любой момент.

Мариико хотела дать отпор, но не двигалась. Ее руки сжали его запястье. Если Волк хотел увидеть ее страдания – как это часто бывает у хищников, – она отказывалась доставить ему подобное удовольствие. Когда она посмотрела в его беззвездный взгляд, скрытый капюшоном, то не увидела и следа сонного тупицы, которого впервые встретила той ночью возле стоянки на краю леса.

Вместо этого она увидела нечто бесконечно большее. Больше всего, что было.

Но она больше не чувствовала никакого страха. Вместо него она ощущала только силу.

– Я тебя не боюсь. – Марико убрала пальцы с его запястья.

И сорвала с его лица черную маску.

– Хорошо, – мягко сказал он. Он начал улыбаться, устремив на нее холодный взгляд. – Честный обмен.

Марико моргнула.

– Что? – смятение лишило ее остатков дыхания.

Он прошептал сквозь проливной дождь:

– Я все еще должен тебе одну рану, Санада Такэо.

С этими словами Оками отпустил ее.

Только когда ее ноги коснулись сбитых булыжников пустого переулка, она поняла, что Оками подвесил ее в воздухе. Марико понимала, что должна была испугаться столкновения с такой безжалостностью. Такой властью. Но, как ни странно, она по-прежнему не чувствовала страха.

Она чувствовала себя сильной.

Сильной достаточно, чтобы ответить на его темный взгляд своим, таким же.

– Не отходи ни на шаг. Если ты попытаешься бежать, я сверну твою тощую шею, – предупредил Оками, окунаясь во тьму. Марико последовала за ним. Он пересек еще один извилистый переулок. Затем еще один. Еще два, прежде чем они вышли на главную улицу Ханами. Затем Оками сорвал с себя синее кимоно, выворачивая его наизнанку и обнажая хаори насыщенного коричневого шелка. Цвет, способный замаскировать кровь из раны на спине, по крайней мере, издалека. Он снял с талии черный шнур и отдал его Марико.

В том же высокопарном молчании она вывернула свой косодэ, меняя свой внешний вид.

Некоторое время они шли по мокрым от дождя улицам, остановившись только для того, чтобы украсть новые пары сандалий. Затем они направились к полуразрушенному мосту. В сторону той части города, где запахи были более гнилыми, а люди выглядели более оборванными. Район, резко отличающийся от Ханами. Во многих

окнах зияли дыры. В ночном воздухе витал смрад зловония и сточных вод. Он просачивался из открытых каналов и собирался в центре улиц.

Хотя Марико ужасно хотелось спросить Оками, куда они теперь направляются – и куда ушел Ранмару, – она также знала, что сейчас его лучше не трогать. Он не так часто проявлял гнев или какие-либо другие эмоции. И он не был склонен к вспышкам ярости. Раньше она всегда считала его безразличным почти ко всему.

Но было ясно, что он был в ярости на нее там, возле чайной, хотя это и продлилось всего мгновение. Он был достаточно разгневан, чтобы ослабить бдительность. Чтобы показать ей, что он заботится о *чем-то*, кроме себя.

Он предупредил ее, чтобы она не убегала.

Эти слова удивили ее больше всего.

Если Марико была для него такой неприятностью – источником стольких ранений, – почему Оками не хотел избавиться от нее? Почему он просто не бросил Марико на произвол судьбы?

В конце концов, она *действительно* бросила в него фонарь. И ударила его в спину метательной звездой. Другой человек мог бы убить Санаду Такэо и за меньшее. Или, по крайней мере, ударил бы его в ответ.

Она взглянула на высокую, стройную фигуру, идущую перед ней. Странное ощущение тепла охватило ее грудь. Почти сродни доверию.

В то же мгновение Марико прогнала эту предательскую мысль, позволив ужасу занять ее место. Оками чуть не напал на ее брата, намереваясь нанести ему физический вред. Он чуть не убил Кэнсина. После того как чуть не убил Марико и уничтожил ее сопровождающих.

«Он заслуживает всего, что я ему сделала. И даже больше этого».

Она посмотрела ему в спину, по-новому взглянув на Оками. На человека, окрашенного в зловещие оттенки. Красный цвет насилия, черный – смерти, зеленый – мести. Размытые огни и рубящее оружие. Стелющиеся полосы дыма.

– Как у тебя получается так двигаться? – выпалила Марико.

Оками не ответил.

– Ты таким родился? – продолжила она.

Его ответ был краток. Он ни разу не взглянул в ее сторону.

– Нет.

Это означало, что это была своего рода магия, дарованная ему.

Хотя Мариико понимала, что давить на него дальше глупо, ее мучила потребность узнать, кто – или что – наделил Оками такой силой. Ее снедало желание разгадать, что это за сила. Но она также знала, что сейчас лучше не спрашивать.

Вскоре они остановились перед воротами, окруженными сломанным забором. Деревянные доски, использованные для их постройки, были серыми, их края покосились. Мариико была уверена, что сильный удар превратит замок на них в бесполезный хлам.

Когда Оками замер, тихонько стуча в ворота, Мариико позволила себе взглянуть в его лицо.

В его глубинах она ничего не смогла разглядеть.

«Как и всегда, ничего удивительного».

Ворота открылись с ржавым визгом. Маленький фонарик свисал с морщинистой руки женщины примерно того же возраста, что и бабушка Мариико. Лицо у нее было доброе, но усталое.

– Цунэоки-сама! – воскликнула она, мельком взглянув через плечо Оками на Мариико. – Господин Ранмару не с вами?

Настоящее имя Оками поразило Мариико.

«Цунэоки. Если он сын Асано Наганори – как намекнул Ранмару той ночью у дзюбокко, – тогда настоящее имя Оками – Асано Цунэоки».

– Мы разделились из-за стычки. – Хотя Оками говорил ровным голосом, Мариико услышала в его словах скрытое раздражение.

Одна сторона губ женщины опустилась ниже, когда она внимательно взгляделась в темное пятно на его хаори. Достаточно близко, чтобы заметить характерные пятна крови.

– Понятно.

Оками проигнорировал ее озабоченный взгляд.

– Я хотел лично извиниться, Корин-сан. – Он полез в складки своего белого косодэ и вытащил мешочек на шнурке. Обеими руками Оками передал его женщине. – Это все, что я могу дать вам сейчас, из-за событий сегодняшнего... вечера. Остальные деньги пока не достать.

Морщины на ее уже обветренном лбу углубились.

– Что случилось? Неужели нас... предали? – Ее голос чуть не сорвался на последнем слове.

Что ответило на первый из многих невысказанных вопросов Марико. Эта женщина не была связана с чайной. Деньги, что Оками передавал ей, не были компенсацией за сегодняшние убытки.

– Нет, – с губ Оками сорвался слабый вздох. – Просто мы столкнулись с некоторыми осложнениями.

– Знатью? Или императорскими солдатами?

На его губах мелькнула улыбка:

– И то, и другое, на самом деле. Похоже, сегодня вечером мы пользовались большим спросом.

Пожилая женщина прислонилась к дверному косяку, поддерживая утомленное тело.

– Вам необязательно было приходить сегодня вечером, Цунэоки-сама. – Голос Корин был нежным. Добрым. – Если вы столкнулись с кем-то, оставаться в городе было бы рискованно. Ваши враги всегда в поиске вас.

Оками покачал головой:

– Вы ждали нас, Корин-сан. И я не допущу, чтобы те, о ком вы заботитесь, в чем-то нуждались.

Она пренебрежительно махнула рукой.

– Золота, которое вы дали на прошлой неделе, достаточно, чтобы купить детям одежду и еду до конца месяца. Если мы будем бережливыми, то останется немного и на следующий месяц. Не беспокойтесь, Цунэоки-сама. Черный клан так много делает для нас. Вы защищаете нас. Оберегаете нас, как никто другой. Многие здесь, в приюте Ивакура, в долгу перед вами за все, что вы делаете. Никто из нас никогда не усомнится в ваших действиях. Или в ваших намерениях.

«Черный клан защищает ее? Обеспечивает людей в этом приюте?»

Марико не смогла сдержать искру замешательства, промелькнувшую на ее лице. Тело Оками напряглось. Пока он пытался расслабиться, его взгляд скользнул к ней, черты его лица оставались напряженными.

«Его раздражает, что я узнала всю эту информацию».

– Замечательно, – кивнул Оками. – Я вернусь на следующей неделе с остальными деньгами.

Когда Корин потянулась, чтобы взять его руки в свои, Марико охватило странное ощущение. Странная зависть. Желание, чтобы ее любили так же открыто. Без всяких условий.

– Да хранят вас старые боги.

Корин повернулась к Марико. То, как пожилая женщина изучала ее, заставило Марико спрятаться в тени.

Наконец Корин улыбнулась ей:

– И пусть новые боги оберегут вашего юного *друга*.

– Он мне не друг. – Хотя слова Оками были правдой, они все равно заделали ее.

Марико хотела что-то сказать. Ответить Корин или Оками чем-то столь же беспечным. Одинаково кусачим.

К счастью, именно в этот момент проходящий мимо ночной страж прозвонил в колокол, обозначая время.

– *Он...* что? – Корин моргнула, явно сбитая с толку, колокол позади них звонил в пурпурное небо.

Он.

Кровь отлила от лица Марико.

«Корин-сан поняла, что я не парень. Как она могла узнать?»

Когда внимание пожилой женщины переключилось с Оками на Марико, черты ее лица смягчились. Ее взгляд снова остановился на Марико. На этот раз с более глубоким смыслом.

– Конечно... конечно, он не ваш друг, – поправились Корин с улыбкой. – Мои извинения. – Она поклонилась Марико, хотя ее глаза были наполнены понимающим светом.

«Неужели она подумала, что Оками и я...»

Марико чуть не плюнула.

Прежде чем она успела отреагировать – прежде чем смогла даже подумать о чем-то, кроме подобной нелепости, – ее мысли были вновь поглощены продолжающимся разговором между Оками и Корин-сан. Приглушенным разговором, в котором она больше не должна была участвовать. Упершись рукой в разбитые ворота, Оками встал спиной между Марико и пожилой женщиной, исключив ее нежелательное присутствие из оставшейся части своей беседы.

Марико осталась в одиночестве размышлять обо всем, что сегодня произошло.

О том, чему она научилась.

Единственный вывод, который ей удалось сделать, заключался в следующем: Черный клан был чем-то гораздо бóльшим, чем она сначала подумала.

* * *

Кэнсин сидел в углу чайной с убийственным выражением лица. Молодая служанка, обрабатывающая раны на его голове и руках, была осторожна. Кропотлива.

Ее усилия были тщетны.

В этот момент ничто не могло хорошо лечь на его кожу.

– Вам очень повезло, что вы не пострадали больше, – прокомментировал Минамото Року, делая аккуратный глоток sake из глазурованной фарфоровой чаши.

– Удача здесь ни при чем, – возразил Райдэн. – У Кэнсина-сама просто отличная реакция. – Он кивнул в знак одобрения. – В бою это одна из самых важных вещей.

– Прошу прощения, но я не был быстрее нападавшего, мой господин, – коротко отозвался Кэнсин. – В бою *это* все, что имеет значение.

Райдэн какое-то время изучал его, выражение его лица было озадаченным.

– Главный вопрос в том, почему они напали на вас? Я думал, что они пытались убить моего брата. Но было очевидно, что по крайней мере один человек в маске целился в вас. – Он провел рукой по своей челюсти. – Или мальчик, прыгнувший с крыши, был без маски? Я не разглядел.

– Я... не знаю, господин. – Кэнсин нахмурился, вспомнив суматоху движений над ним. Удар тела о его спину. Волну внезапной тьмы.

Все это усугублялось другим, гораздо более насущным вопросом: почему нападавший не прикончил его, когда ему представился шанс? Особенно когда у него было преимущество из-за высоты?

– Эти люди слишком организованны, чтобы быть простыми пьяницами, – продолжил Райдэн. – Очевидно, их разместили в чайной намеренно. Но с какой целью?

Наследный принц улыбнулся и сделал еще один глоток саке.

– Истинное значение имеет, брат, то, что эти люди в масках были здесь в ту же ночь, что и мы. Они напали на нас еще до того, как мы успели войти в павильон. А это значит, что кто-то задумал подстеречь нас и застать врасплох. Хотелось бы мне знать, кто это был.

Кэнсин не проронил ни слова, пока служанка – молодая девушка в кимоно, которое на мгновение напомнило цвет серых глаз Амаи, – достала изогнутую костяную иглу и катушку ниток. Она начала зашивать рану на лбу Кэнсина. Каждый раз, когда игла проходила сквозь его кожу, его мысли сплетались в его голове.

Снедали его тревогой за сестру.

Почему эти люди поджидали их? Имели ли они какое-то отношение к исчезновению Марико?

Перед глазами снова возникло лицо сестры. Но это было невозможно. Просто невозможно.

Было ли это возможно?

Какая-то часть Кэнсина хотела спросить Райдэна и Року, знает ли кто-нибудь в Инако личности членов Черного клана. Был ли кто-то из знати, кто пользовался какими-либо их услугами. Но если бы Кэнсин задал эти вопросы, то раскрыл бы свои истинные мотивы приезда в столицу.

А он еще никому не доверился настолько, чтобы сделать это. Пока нет. И в меньшей степени он доверял любому члену клана Минамото. Не тогда, когда он все еще был так неуверен в том, на чем может основываться их верность.

Кэнсин наблюдал, как двигаются твердые руки служанки, зашивая рану на его руке.

Марико всегда была ужасной швеей.

* * *

Той ночью – во сне – Кэнсин увидел мальчика в черном с маской, похожей на лицо его сестры.

Прямо под сверкающими глазами ящера.

Горячие источники

Марико даже не представляла, что такое возможно.

Что она будет *вознаграждена* Черным кланом. Несмотря на то, что она ранила их лучшего воина в чайной Ханами.

Даже дважды.

Ранмару лично поблагодарил ее за то, что она смогла предупредить их в чайной. Об императорских войсках. О прибытии наследного принца. За ее усилия по спасению Оками.

И хотя ложь обожгла ее уши, Марико была не из тех, кто возвращает подарки.

Она опустила в дымящуюся воду, наслаждаясь ощущением ее шелковистого тепла. Вода, казалось, снимала всю усталость с ее костей, печаль с ее кожи.

Прошло так много времени с тех пор, как Марико нормально принимала ванну.

В награду за все ее труды Ранмару разрешил ей подняться по горной тропе, прорубленной в выступе скалы возле палатки Харуки. К скоплению горячих источников, расположенных над озером, которое служило еще одной естественной границей лагеря Черного клана. Конечно, Ранмару еще не полностью доверял ей – ведь он велел Рэну оставаться у подножия тропинки, чтобы быть готовым схватить ее, если она попытается сбежать, – но по крайней мере начало было положено. Открыта дорога к доверию.

А Марико было отчаянно необходимо доверие, чтобы возвыситься в их рядах.

Прислонившись к гладкому камню, она замерла, чтобы его поверхность сняла напряжение, скопившееся между ее плечами, и задумалась обо всем, что произошло прошлой ночью.

По правде говоря, несмотря на огромную опасность для ее брата, вечер выдался довольно удачным. Марико многому научилась. Пережила то, о чем никогда не мечтала. Приняла участие в реальном бою.

«Скоро Такэда Ранмару, возможно, спросит у меня совета. После этого он может даже довериться мне. Расскажет мне каждый

секрет, который я хочу знать».

Возможности согревали ее дух почти так же сильно, как вода – ее кости.

Облако пара поднялось вверх по ее шее, когда Марико погрузилась в воды горячих источников, пока поверхность не оказалась на уровне ее подбородка. Она громко вздохнула. Эти горячие источники были настоящим чудом. Чудом, подогреваемым резкими, почти мятными парами, исходящими от горы, а также земли под ней. Та же самая комбинация элементов, из которой образовались ярко-желтые скалы, усеивающие окрестности. Марико была знакома с этими слегка ядовитыми камнями. Однажды она видела, как древняя гора вдалеке взорвалась, извергнув расплавленную землю в небо и едкий пепел в воздух.

Удивительно, как то же самое, что могло разрушить столько жизней, способно было создать такие целебные воды.

Пар поднимался перед ее лицом, затуманивая зрение. Марико распустила волосы из пучка на макушке и откинулась назад, намочив грязный затылок.

Как только она устроилась в этом месте безмятежного спокойствия, рядом зашуршали ветки. Марико резко выпрямила шею. Она чуть не вскрикнула от увиденного перед собой.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она у незваного гостя. Разозлившись на себя, что ее голос дрогнул на последнем слове.

Оками стоял на краю горячих источников, хладнокровно глядя на нее.

– Ты не единственный, кто получил раны прошлой ночью.

Марико посмотрела на него таким же бесстрастным взглядом:

– Дождись своей очереди, *Асано Цунэоки*.

– Продолжишь говорить со мной в такой манере, Санада Такэо, и посмотришь, не выброшу ли я тебя из воды за ноги, чтобы ты приземлился на свою задницу. – Оками принялся развязывать косодэ.

Тревога пронзила ее от затылка до кончиков пальцев ног. Марико почувствовала укол благодарности теплой воде. По крайней мере это должно скрыть краску, прилившую к ее лицу.

Она так отреагировала не потому, что вот-вот увидит обнаженного Оками. Марико и раньше видела голых мужчин. Нагота ее не смущала.

Но если Оками приблизится к ней. Если он увидит то, что вода и пар не смогут скрыть...

Все будет кончено.

Она попятилась, но тут же взяла себя в руки. Она слишком спешит. Если она сбежит, то только привлечет к себе лишнее внимание. Да и не то чтобы она действительно могла сбежать.

Ведь она тоже была голой.

Проблемой также был и Рэн, несомненно, только и ждущий момента, когда она попытается сбежать, чтобы он мог исполнить свою угрозу разрезать ее на куски, или скормить коню Ранмару, или причинить иные ужасные мучения, которые он успел выдумать за день.

Марико смотрела прямо и в то же время позволяла своему зрению расплываться. Даже если она и видела раньше голых мужчин, она не хотела добавлять образ Оками в свою память. Что-то в этом казалось... неприличным. Неуместным.

Перед ее глазами мелькнула смуглая, гибкая мускулатура Оками, когда он вошел в горячие источники. Марико сглотнула.

– Почему ты не можешь подарить мне хотя бы этот момент покоя? – проворчала она, отводя взгляд. – Я ведь и правда спас тебя.

Оками фыркнул:

– Еще одна ложь. Насколько я это вижу, ты чуть не убил меня. Дважды.

– Рана на твоей спине всего лишь поверхностная. – Марико скрестила руки под водой. – А рана на твоей голове – всего лишь царапина. – Между ее бровями образовалась морщина. – Но я полагаю, это *в самом деле* возможно, что эти крошечные раны могут причинять тебе сильную боль. Если хочешь, я могу...

– Что? – Оками внезапно встал, и Марико изо всех сил игнорировала то, как горячая вода скатывалась по сухожилиям его рук. То, как пар за клубился над его кожей толстыми клубами. – *Крошечные травмы?* Ты вообще представляешь, каково это – *получить в спину* метательной шестиконечной звездой?

Марико наклонила голову.

– Я уверен, что у Ёси имеется чай, способный облегчить твою боль. – Она сузила глаза. – И, возможно, Юми предложит тебе свои услуги, когда ты в следующий раз будешь в Ханами.

– Чай? – Оками указал на фиолетовый синяк сбоку на челюсти. – Ты действительно думаешь, что чай поможет от урона от металлического фонаря, брошенного мне в лицо?

– Я бросил фонарь, чтобы спасти тебя! – не сдавалась Мариико. – То, что произошло после, не моя вина.

– Слова скорпиона.

Мать Мариико однажды сказала ей то же самое. Ей было больно слышать эти слова, сорвавшиеся с покрытых шрамами губ Оками. Ее руки сжались в кулаки под водой.

– Я не скорпион.

– Конечно, ты скорпион. Ты преисполнен готовности убить кого-то, чтобы спасти его.

Она стиснула зубы:

– Я всегда ненавидел эту историю.

Полуулыбка озарила одну сторону лица Оками, пока он стирал каплю воды с челюсти. Помассировал плечо рядом с раной. Мариико отказывалась замечать, как вода забурлила вокруг его мышц. Как она заструилась по его загорелой коже.

Нет. Это был путь предательства.

Мариико провела руками по воде. Как будто отгоняла демонов.

– Ты как рыба в воде, – прокомментировал Оками. – Похоже, Акира-сан был прав.

Он никогда не переставал постоянно подкалывать Мариико. Этот юноша мог расстроить ее одним небольшим усилием.

– В последний раз говорю: я не вода.

– Боже мой, как ты упрям.

– Еще одна причина, по которой я не могу быть водой, – хотя ее слова были жаркими, она держала тон ровным. – Вода темпераментна. Она не имеет никакой формы сама по себе. Она принимает форму всего, что окружает ее. А я никогда бы не пожелал, чтобы меня контролировало мое окружение.

– И все-таки ты такой и есть.

Она брызнула на него водой.

Его улыбка стала задумчивой:

– Зато вода никому ничем не обязана. Она может прорезать камень. Она может раствориться в воздухе. Со временем она может даже разрушить железо. Тебе не стоит видеть в этом слабость.

– Если я вода, то кто ты?

– Мой отец всегда говорил, что я огонь.

Это замечание удивило ее. Оками всегда казался ей пугающе хладнокровным. За исключением того момента возле чайной, Марико находила его очень спокойным. Местами даже холодным. Затем она вспомнила рассказ Ранмару около дзюбокко. Оками сжег палатку обвинителя своего отца.

Марико обнаружила, что ей любопытно узнать больше.

– Ты говоришь, что ты огонь, как будто не веришь, что это правда.

– Я считаю, что мы можем быть чем угодно в зависимости от ситуации. В нужное время и в нужных обстоятельствах любой мужчина или женщина могут стать водой, огнем, землей или ветром.

– Этим ты отрицаешь истинность наших наклонностей.

– Нет. Я отрицаю, что являюсь рабом чего-то одного. В любой ситуации мы можем выбирать, кто мы есть, и выбирать, кем мы хотим стать.

– Это... правда, – признала Марико.

– Не выгляди так удивленно. Я не полный дурак.

– Я никогда не думал, что ты дурак. Я считал, что ты ленивый. Возможно, местами даже нелепый. Но точно не дурак.

– Ложь. Ты никогда не считал меня нелепым. Вот почему это так беспокоило тебя.

Вкратце Марико вспомнила ночь, когда они впервые встретились.

– Нет. Я действительно однажды подумал, что ты нелеп. Поэтому это меня так обеспокоило.

– Больше честности. Ты мне нравишься гораздо больше, когда ты честен, Санада Такэо.

– Но ты не будешь возражать, если я буду лгать?

Оками прислонился к камню с совершенно ленивой улыбкой.

– Может быть. Пока ты не лжешь мне.

Марико снова захотелось плеснуть в него водой. Захотелось превзойти его во всем. Захотелось молча поцеловать его.

Последняя мысль поразила ее.

Откуда она взялась? Это было так совершенно нелогично. Так ужасно неправильно. Она никогда раньше не хотела никого поцеловать. Никогда раньше не желала терзать нижнюю губу какого-нибудь мальчишки своими зубами.

Терзать ее до тех пор, пока его слова не растают у нее на языке. Оками изучал ее, как будто почувствовал смятение ее мыслей. И захотел этим воспользоваться.

– Ты правда понял, кем были те люди, когда они только вошли?

Вопрос застал ее врасплох.

– Конечно.

– Лжец. Ты был на крыше до того, как они пришли в чайную.

Почему?

Марико начала подозревать, что он знал все это время, что она была там.

– Мне показалось, что я увидел императорских солдат, когда выходил по нужде. Поэтому я забрался на крышу, чтобы узнать, кто они.

– Я тебе не верю. Я думаю, ты следил за мной. И я хочу знать почему.

На нее обрушилась волна потрясения. Марико не ожидала, что он задаст этот вопрос так прямо.

– Если бы я следил за тобой, зачем бы мне раскрывать себя, чтобы спасти тебя? – Она прижалась спиной к гладкой скале на краю горячего источника, гадая, как лучше всего повернуть тему этого разговора в свою пользу. – А *ты* узнал тех людей, как только увидел их? – Марико наполнила свой голос обвинением. – Я вот не узнал ни одного из них.

– Я узнал Минамото Райдэна. Потребовалось всего мгновение, чтобы понять, что тощий маленький паршивец за его спиной – это наследный принц. Последний человек из их компании отнял у меня больше времени. – Он выстрелил в нее острой улыбкой. – Между прочим, твоя попытка сменить тему разговора была довольно умной.

Неважно. Это был шанс для Марико узнать что-то ценное. Что-то о ее семье.

– Кто тот последний человек?

Черты лица Оками исказились.

– Дракон Кая. Странно, но лично он не кажется таким пугающим.

– Кто? – Марико была горда тем, что не заикнулась. Она даже не моргнула.

– Очередная ложь. Зачем ты лжешь о том, что и так знаешь?

– Я действительно не знаю, кто такой Дракон Кая.

Оками сделал паузу, прежде чем ответить:

– Он сын одного властолюбивого идиота.

Марико напряглась:

– Так ты мог бы сказать о ком угодно.

– Нет. Хаттори Кано продал бы свою душу, если бы это помогло ему выслужиться. И такой же идиотизм он порождает в окружающих. Хотя я должен признать, что его сын неплохо владеет мечом.

Марико больше не могла слушать, как он плохо говорит о ее семье. Поэтому она позаимствовала его собственную тактику:

– Что ты сказал Юми, что заставило ее плакать?

В эту игру по проверке реакции друг друга могли играть и двое.

Ее расстроило то, что Оками только вновь сузил свои темные глаза:

– Так и знал, что ты там. Наблюдаешь за нами, – мягко сказал он.

– Ты исчез. Так же, как исчезал всю неделю. Когда я забрался на крышу, чтобы посмотреть на гвардейцев, я увидел тебя с ней. – Марико прикусила внутреннюю сторону щеки. – И ты тоже дурак, если ухаживаешь за той же девушкой, которую любит Ранмару.

Уголок рта Оками тронула ухмылка:

– Тоже?

– Очевидно, что ты ее любишь.

Он снова замолчал. Явно обдумывая ответ.

– Конечно я люблю ее.

Оками погрузился под воду, не оставив над поверхностью ничего, кроме головы. Возникшие волны прокатились по ее коже. Напомнили ей о том, что они делили ванну, столь же горячую, что и их слова.

Сама мысль об этом заставила ее сердце биться чаще. Она вспомнила о своей недавней мысли. Ее прежнее желание поцеловать его умолкло. Каким же предательским и неправильным оно было! Как же это стало желанием, которое она больше не могла отрицать?

– Понятно, – медленно протянула Марико, ненавидя то, как сильно он беспокоил ее сердце.

Оками ответил не сразу, было ясно, что он все еще что-то обдумывает. Возможно, выстраивает последовательность действий. Наконец он нерешительно произнес:

– Юми – моя сестра.

Глаза Марико расширились. Она уловила нахлынувшее на нее облегчение и еще больше начала презирать себя за это.

– Ты позволил своей сестре стать майко?

– В Ханами она в безопасности. В большей безопасности, чем здесь, в лесу Дзюкай. И в большей безопасности, чем где бы то ни было, если бы кто-нибудь в Инако узнал, кто она такая. Кто ее семья. – Он скользнул ближе, и Марико прижалась к камню, желая, чтобы тот отодвинулся вместе с ней. Обернул ее как плащ. – Я... доверю тебе эту информацию, Санада Такэо. Вопреки своему здравому смыслу. Если ты кому-нибудь расскажешь, кто такая Юми, я не задумываясь лично брошу тебя в лапы дзюбокко и буду смотреть, как оно высасывает из тебя всю кровь.

– Я уже говорил тебе. – Марико уставилась на него: – Я не боюсь тебя.

Он не улыбнулся.

– Ты должен сказать мне, что понимаешь, о чем я говорю.

– Хочешь, чтобы я пообещал?

– Обещания для меня ничего не значат, – тон Оками был мягким. Угрожающим. – Подобные слова говорят, чтобы успокоить любого дурака, готового поверить.

– Тогда что ты хочешь, чтобы я сказал?

– Я хочу, чтобы ты подтвердил, что понимаешь, что я убью тебя – без промедления, – если ты когда-нибудь предашь меня. – Его ониксовые глаза блестели. – Ты знаешь сказку о кролике, который играл с огнем?

«Он сгорел заживо вместе со всеми своими родными».

– Я понял, о чем ты говоришь, – ответила Марико.

Брови Оками вопросительно поднялись.

Она пояснила, хотя ее руки сжались в кулаки под водой:

– Я понял, что ты сожжешь меня, если я когда-нибудь тебя предам.

«Но не в том случае, если я уничтожу тебя первой».

В голове Оками промелькнула мимолетная мысль рассказать Ранмару о своем последнем разговоре с Санадой Такэо. Краткая мысль о том, чтобы рассказать другу о своих подозрениях.

Что худощавого мальчишку с глазами как у олененка послали их враги из Инако шпионить за Черным кланом.

Но всякий раз, когда Оками выражал беспокойство по поводу их новичка, Ранмару оставался невозмутимым. Почти незаинтересованным. И если Оками должен был раскрыть все, что произошло, ему пришлось бы рассказать своему лучшему другу о том, что Санада Такэо знал о Юми.

Неважно, что это была ложь, обернутая в правду. Ложь, предназначенная для проверки их новичка.

Все, что Оками расскажет о Юми, независимо от того, правда это или нет, сильно разозлит Ранмару. И после всего, чем Ранмару пожертвовал ради него, Оками скорее умрет, чем причинит боль своему другу.

Как бы то ни было, Оками долго думал, прежде чем раскрыть эту информацию. Но лучший способ завоевать доверие – это предоставить свое. И Оками убьет Санаду Такэо голыми руками, прежде чем тот причинит какой-либо реальный вред Юми.

Это будет первое из многих испытаний, созданных Оками для молодого лорда Безбородого. Шестеренки второго испытания уже были заведены.

Подозрения Оками начали формироваться в ту ночь, когда они впервые встретились с Санадой Такэо в таверне Акиры-сана. Они усилились, когда он увидел парня, карабкающегося, как насекомое, по крыше. И стали твердыми, когда Оками прижал предплечье к горлу мальчика и услышал, как тот чуть не завизжал как девчонка.

Оками сразу же пожалел, что обращался с ним так грубо. Потом почувствовал волну раздражения из-за своего сожаления. Все в этом мальчике было зеленым. Неумелым. От нежной кожи его рук до нелепого способа, которым он выполнял даже самое простое задание с такой ненужной точностью.

Мальчишку явно послали сюда, чтобы снискать расположение Ранмару. Сыграть роль неуклюжего юного дурака, отчаянно нуждающегося в руководстве.

Только Оками стало совершенно ясно, что Санада Такэо далеко не дурак. Парень был слишком умен для этого – и на словах, и на деле.

Оками откинул волосы с глаз. Воздержался от того, чтобы пнуть своенравный камень рядом с его ногой. Почему он просто не оставил мальчишку в Инако, как предлагал Ранмару?

У него была возможность. Оками мог бросить Такэо в недрах района Ивакура. Тот никогда не смог бы вернуться в лагерь Черного клана. Вместо этого Оками почувствовал странную настороженность из-за него. Почти желание защититься.

Санаду Такэо отправили следить за ними именно по этой причине.

Воспользоваться их слабостями. Желанием Ранмару вдохновлять.
Потребностью Оками защищать.

От парня ему всегда было неудобно, но Оками не мог нормально сформулировать почему. Всякий раз, когда Санада Такэо оказывался рядом, он заставлял Оками сильно сомневаться в себе.

И ему это не нравилось.

Его подозрения только укрепились в сером паре, поднимавшемся над водами горячих источников. Лучший способ для Оками убедиться в них – понаблюдать за мальчишкой.

И ждать, когда тот ошибется.

Странные сказки

Кэнсин провел слишком много ночей в Инако.

Он посетил слишком много сборищ и был вынужден участвовать в слишком многих пресных разговорах. И не почерпнул практически ничего ценного.

Несмотря на все его попытки узнать, не затаил ли кто-нибудь из знати обиды на его семью, он остался ни с чем. Кэнсин не умел манипулировать разговорами столь же искусно, как его отец. Так же, как и он, контролировать скорость лодки, даже не касаясь весел. Чтобы окружающие даже не поняли.

Нет. Ни он, ни Марико никогда не проявляли к этому таланта. Марико была слишком прямолинейна. А он был слишком равнодушен.

Сегодня Кэнсин планировал покинуть Инако. Вернуться домой.

С очередной неудачей. В своих глазах. И в глазах отца.

Но сначала он снова прочешет лес и снова заедет на стоянку, чтобы допросить старика. Тот солгал, а Кэнсин больше не собирался терпеть ложь. В последнее время он слишком часто встречался с притворством.

В столице его полно.

Кэнсин стоял у изогнутых перил арочного моста в первом мару замка Хэйан. Блестящая отделка балюстрады была красной – гладкой и прохладной при прикосновении.

За его спиной послышались четкие шаги.

– Я слышал, вы уезжаете, – сказал Року размеренным, мелодичным голосом. Как будто подражая пению птиц.

Кэнсин повернулся, отвешивая поклон.

– Меня более не интересуют развлечения Инако, Ваше Высочество.

– Но вы не нашли то, что искали. – По обыкновению Минамото Року не задавал вопросов. Он вел беседу другими, гораздо более коварными способами.

Кэнсин промолчал в ответ. Понадеялся, что его лицо не выдало ничего ценного.

– Я хочу помочь вам, Хаттори Кэнсин. – На лице Року медленно расплылась улыбка. Слишком медленно, чтобы быть искренней. – Хотя мой брат не признает это – даже самому себе, – я знаю, что он очень обеспокоен смертью вашей сестры.

– Я не верю, что Мариико мертва, Ваше Высочество.

– Разумеется, – кивнул Року. – Я тоже, с тех пор как узнал, почему те люди напали на нас в чайной.

Кэнсин молчал, не желая спрашивать. Не желая ни в чем быть обязанным наследному принцу.

– Я думаю, вам было бы интересно узнать эту информацию, – продолжил Року, снова улыбаясь. Он подошел к Кэнсину, расслабленно сцепив руки за спиной. – По слухам среди гэйко чайной, те люди были членами Черного клана.

Слова Року подтвердили прежние подозрения Кэнсина. Дракон Кая крепко вцепился в красную балюстраду. Бесчисленные истории рассказывали про Черный клан. Истории, превратившиеся в предания. Связывающие их с опальными ронинами. С убийцами, которые пили кровь своих жертв, оставляя их тела гнить в тени скелетных деревьев. Истории, о которых Кэнсин никогда не задумывался. Он знал, что Черный клан часто бывал в некоторых частях леса Дзюкай, но еще до этого Кэнсин отклонил свои предположения о том, что эти люди имели какое-то отношение к нападению на конвой Мариико. Если верить тем же преданиям, Черный клан был слишком организованным, чтобы позволить выжившим сбежать. Столь знаменитые наемники, как они, не смогли бы поддерживать свое существование, если бы постоянно оставляли после себя следы, которые могли указать на них. Кроме того, Кэнсин никогда не видел, чтобы они нападали на конвои, охраняемые самураями.

И он никогда раньше не слышал, чтобы Черный клан убивал молодых женщин. Невинных девушек вроде служанки Мариико. Это было главной причиной, по которой Кэнсин с самого начала исключил их из своих подозрений.

Он полагал, что у Черного клана могло быть только две причины убить Мариико. Первая включала крупную сумму денег. Явно связанную со знатью.

Другая причина заключалась в ненависти.

– Позвольте мне говорить откровенно, Ваше Высочество, – начал Кэнсин. – Я не понимаю, почему эта информация должна иметь для меня ценность. Помимо слухов, я нашел довольно мало доказательств того, что Черный клан может быть виновен в нападении на конвой моей сестры.

– А, – Року наклонился вперед, его лицо с гладкой кожей было почти нечитаемым, – но она все-таки должна быть ценной для вас, Кэнсин-сама. Потому что есть доказательства.

Часть Кэнсина хотела ударить Року по лицу. Как только он понял это, то затолкал эту часть поглубже. У самурая, верно служащего своему господину, не должно быть таких мыслей. Однажды Року станет его императором. Однажды Кэнсину даруют честь умереть по приказу этого человека.

Взгляд Року блуждал по безмятежным водам пруда.

– Вы слышали, что случилось с последним сёгуном империи?

– Его обвинили в государственной измене, и он совершил сэпшуку^[62].

Року сделал паузу.

– Похоже, в этом деле была допущена ошибка.

– Ошибка?

– Предатель Такэда Сингэн был казнен десять лет назад после того, как его обвинил один из его самых близких друзей, Асано Наганори. Ошибка, о которой я говорю, заключалась в том, что мой отец позволил сыну Такэды Сингэна жить. Ему было всего восемь лет, когда он стал свидетелем смерти своего отца. Я полагаю, что отец-император не хотел, чтобы на его руках была кровь сына его предателя-друга.

– Простите за дерзость, Ваше Высочество, но я все еще не понимаю, как эта информация может помочь мне в поисках Марико.

Еще одна изогнутая медленная и зловещая улыбка.

– Главарь Черного клана – это сын Такэды Сингэна. И я думаю, они убили вашу сестру в качестве мести.

Кэнсин побледнел от потрясения.

– Мести? Зачем им мстить моей семье?

– Ваше непонимание вполне понятно. Сын Такэды Ранмару жаждет отомстить моей семье. Убийство вашей сестры – это лишь начало.

– Марико не...

– Конечно-конечно. Она не мертва. – Року пренебрежительно махнул рукой и снова посмотрел на воду. – Но если она жива, я верю, что Черный клан знает, где она. И я призываю вас быть осторожным, Кэнсин-сама, поскольку после событий той ночи в Ханами стало ясно, что у вас на спине тоже нарисована мишень.

Между ними повисла тишина. Кэнсин понятия не имел, чему ему верить.

Но он определенно докопается до правды.

* * *

С отдаления император Ва наблюдал, как наследный принц разговаривает с Драконом Кая. Он видел, как сын Хаттори Кано несколько раз нахмурился. Увидел, как его спина выпрямилась с безошибочным намерением.

Сеть была раскинута. Теперь пауку лишь остается ждать, пока его добыча совершит роковую ошибку.

Император улыбнулся про себя.

Року действительно станет прекрасным императором.

Рядом с ним Канако играла со столетним карпом, плавающим прямо под поверхностью воды, хватая ртом в поисках пищи. Она подманила его ближе, привлекая его внимание с помощью солнечных лучей, играющих на кольце, которое она всегда носила на левой руке. На первый взгляд в кольце не было ничего примечательного. Но если присмотреться, то случайный наблюдатель заметил бы, что вставленный в него камень выглядит довольно странно. Цвет внутри него выглядел и двигался почти как жидкое серебро. Но это было все, что мог увидеть случайный наблюдатель.

Потому что, когда кто-то слишком долго задерживал взгляд на кольце, перед его взором вставала пелена чистого белого цвета. Случайному наблюдателю приходилось моргнуть. Покачать головой.

А затем он забывал, на что вообще смотрел.

Канако провела правой рукой по кольцу. Зубцы, удерживающие камень на месте, удлинились. Превратились из металла во что-то гораздо более податливое. Потом потемнели. Жидкий серебристый

камень образовал сферическое тело, которое поднялось с ее пальца и побежало к краю ее ногтя.

Серебряный паук, сделанный из заколдованного камня, спустился с кончика тонкого пальца Канако в воду, его шелковая паутина отливала золотым блеском, преломляя теплые солнечные лучи. Карп замер под водой, загипнотизированный, когда лапы паука коснулись рта карпа.

Канако сжала ладонь в кулак.

Паук исчез.

Она направилась прочь.

Когда император посмотрел вниз, он увидел неподвижное тело карпа, дрейфующее под мост.

И исчезнувшее в водах пруда.

Наперстянка

В лесу пахло цитрусовыми и кедром. Как пахнет туман и ливень.

Поздний весенний дождь освежил воздух. Подсластил его. Размыл черты, но обострил все остальное. Грохот низкого грома. Насыщенная зелень листьев. Звук ног Марико, шлепающих по прохладным лужам.

Ей захотелось высунуть язык и поймать капли дождя на его кончик.

Но парень никогда бы так не сделал.

Не так ли?

Кэнсин никогда так не делал. По крайней мере насколько она помнила.

Поэтому Марико продолжила свой путь по узкой тропинке, прорубленной под зубчатыми обнаженными скалами. Впереди были горячие источники. Если она закончит свою работу достаточно рано, возможно, она сможет прокрасться и еще раз помыться.

По приказу Ёси Марико провела последние полчаса, собирая определенный вид грибов, которые возникали только во время дождя. Повар сказал ей, что эти грибы чаще всего можно найти возле горячих источников, и ближе к вечеру Марико радостно отправилась туда выполнять поручение. Лишь недавно она освободилась от постоянного общения со своим мучителем Рэном, и теперь у нее оказался прекрасный шанс насладиться вновь обретенной свободой.

Пока Марико рылась в подлеске в поисках кремово-белой ножки и гладкой коричневой шляпки, ее внимание привлекло другое растение на утесе наверху. Крошечные ярко-фиолетовые цветы, свисающие со стеблей словно колокольчики.

Наперстянка.

Марико вспомнила слова своего наставника о ней.

Это растение было ядовитым. При правильном приготовлении чай, заваренный из его лепестков, может замедлить работу сердца человека вплоть до смерти.

Поджав губы в задумчивости, Марико поставила корзину с грибами и обогнула основание утеса. Когда она повернула за угол и

посмотрела вверх, то обнаружила большое скопление темно-фиолетовых цветов, склонившихся прямо над горячими источниками. Наперстянки, по-видимому, ожили после дождя, многие из них все еще были в бутонах в ожидании момента, чтобы раскрыться.

«Я должна собрать цветы. И сохранить их до тех пор, пока у меня не появится возможности их использовать».

Марико вспомнила, чему еще учил ее наставник. Наперстянку можно было использовать и по-другому. В ее сознании мелькнуло воспоминание о том, как она наблюдала за своим наставником, который экспериментировал со стеблем и семенами растения. Он растер их в пасту. Затем коснулся пасты концом зажженной палочки. Та вспыхнула жарко и ярко, заставив Кэнсина вздрогнуть, а глаза Марико расширяться, прежде чем паста засияла белым и исчезла в бездымном пламени.

В тот день их наставник предупредил Марико и Кэнсина, что наперстянка таит в себе много опасностей.

Это растение могло убить несколькими способами.

Марико какое-то время осматривала скалы, прикидывая план.

Она громко фыркнула. Ничего не поделаешь. Если Марико хотела собрать наперстянку, ей придется вскарабкаться на скалы. Она вытерла влажные руки о промокший от дождя коседэ – бесполезное действие – и потянулась к ближайшему выступу справа.

Поверхность камня была гладкой. Как только она уперлась одной ногой в выступ, чтобы подтянуться вверх, ее нога соскользнула. Вздохнув, Марико сняла сандалии и носки с раздвоенными пальцами, зная, что ее босые ноги обеспечат лучшее сцепление.

Она начала карабкаться вверх по склону утеса к выступу, который усеивало больше всего растений. Пурпурные цветы, похожие на колокольчики, дрожали под вновь зарядившим мягким дождем. Снизу от горячих источников поднимался пар, клубясь у ее лица и застилая глаза. Как только Марико поднялась достаточно высоко, она начала двигаться боком, рука за рукой, нога за ногой.

Вскоре она обнаружила, что застряла на расстоянии вытянутой руки от выступа с цветами. Она потянулась выше, но не смогла найти подходящей опоры. Затем она вытянулась в сторону, и ее пальцы, влажные от дождевой воды, соскользнули с уступа.

Слегка встревоженная своим затруднительным положением, она попыталась нащупать ногой опору с другой стороны.

И поскользнулась.

С пронзительным криком Мариико резко пронеслась в воздухе.

И рухнула в дымящиеся воды горячих источников.

В тот момент, когда она приземлилась, весь воздух вылетел из ее груди. Рефлекторно Мариико ахнула.

И тут же сделала глоток горячей воды, прежде чем потерять сознание.

* * *

С озадаченным выражением лица Оками наблюдал, как Санада Такэо начал свое восхождение по склону скалы.

Зачем этот идиот карабкался наверх, когда на лесной подстилке было полно грибов? Только когда Оками увидел, как Такэо тянется к пурпурным цветам, его поразило понимание.

Этот идиот надеялся отравить кого-то наперстянкой.

Оками скрестил руки.

Кого-то? Вероятно, предполагаемой жертвой этого идиота был сам Оками. Не то чтобы Оками мог его винить. Окажись он в похожей ситуации, Волк принял бы такое же решение. В данный момент даже в лагере, полном убийц и воров, самой большой угрозой для Санады Такэо был он. В конце концов, никто, кроме Оками, не питал таких подозрений к новичку Черного клана. И никто не пытался следить за ним.

Оками фыркнул про себя, продолжая наблюдать, как Санада Такэо изо всех сил пытается найти точку опоры. Как будто никто не узнает наперстянку в тот же момент, как этот мелкий гаденыш попытается пронести ее в лагерь! Ёси чувствовал запах свежих цветов за лигу.

Когда Такэо начал скользить, Оками ничуть не удивился.

Идиотская затея часто приводит к такой же идиотской судьбе.

Он подождет, пока мальчишка упадет, а затем отчитает его. Такэо забрался высоко, но недостаточно высоко, чтобы разбиться. Оками равнодушно наблюдал, как мальчишка цеплялся изо всех сил. Потерял опору. И предсказуемо упал.

Звук крика Такэо вырвал Оками из его безмолвного веселья.
Он пронзил его насквозь.
Звук крика Санады Такэо.
Оками уже бросился из-за дерева к нему, когда мальчишка рухнул
в горячие источники.
И не вынырнул.

* * *

Марико громко закашлялась. Отчаянно.
Теплая вода выплеснулась из ее рта, когда она перевернулась на бок. Ее зрение затуманилось, а затем сфокусировалось.
Оками нависал над ней, широко распахнув глаза.
Марико уставилась на него. Их грудные клетки вздымались в унисон.
Вода капала с распущенных волос Оками ей на лицо. Он недоверчиво рассматривал ее.
Одна его рука лежала на груди Марико.
Ее косодэ был раскрыт, муслиновая повязка, стягивающая грудь, обнажилась, открывая себя всему миру.
На лице Оками промелькнул каскад эмоций. Шок. Злость. Смущение.
Марико никогда не думала, что увидит столько обнаженных чувств на его точеном лице. Темные центры его глаз расширились. Теперь они блестели сквозь клубящийся пар, как черный лед на вершине горы.
«Он знает, что я девушка».
– Ты... спас меня, – сбивчиво пробормотала Марико, тщетно пытаясь помешать ему заговорить. Помешать ему произнести что-то, что может причинить ей какие-либо неприятности. Но даже она осознавала, как нелепо звучат слова, когда произнесла их. Как очевидно.
– Ты... *лгунья*. – Безрадостная улыбка начала появляться на губах Оками. Улыбка дикая в своей красоте. Улыбка, которой он явно пытался скрыть эмоции, которые обнажил всего мгновение назад.

Его рука все еще лежала на ее груди. Оставалась там, твердая и осязаемая. Неподвижная.

Прежде чем Мариико успела задуматься – прежде чем на лице Оками расплылась холодная улыбка, – она схватила его за шею и притянула к себе.

Ее губы врезались в его. Теплая вода омыла ее кожу.

На вкус он был как дождь и свежая мята.

И – на мгновение – разум Мариико смолк. В тот единственный момент не было ничего, что нужно было бы обдумать. С чем стоило бы поспорить.

Ничего, кроме украденного поцелуя под грозовым небом.

Оками отстранился.

– Что ты, черт возьми, творишь? – возмущенным хриплым голосом вскрикнул он. Он выглядел непокорно.

Но Мариико уже все поняла.

Прежде чем его разум заговорил, Волк поцеловал ее в ответ.

– Я хочу, чтобы ты заткнулся, – сказала Мариико. В такое время могла помочь только честность. – Разве ты не хочешь прекратить болтать? – Она пыталась произносить слова сквозь неровный стук своего пульса. – Или, может быть, нет? Скажи мне – прямо сейчас, – чего *ты* хочешь, Асано Цунэоки?

Он посмотрел на нее сверху вниз. Хотя цвет его глаз почти совпадал со зрачками, Мариико видела, как стираются линии между ними. Очередной шквал эмоций пробежал по лицу Оками. Смущение. Трепет. Неопределенность.

Но Мариико не упустила из виду эту первую мысль. Это первое чувство.

Желание.

– Сейчас ты чувствуешь себя нелепо? – прошептала она.

Мариико встретила оттенок юмора и молчаливый вызов в его глазах.

Она ответила, украв еще один поцелуй.

Рука Оками все еще лежала между ними, его длинные сильные пальцы прижимались к ее коже. И когда эта рука скользнула к ее шее – когда он прижался к ней и закрыл глаза, погрузившись в поцелуй, – Мариико больше не хотела его отпускать. Никогда.

Это было ошибкой. Все это. Все то время, что она знала его, Мариико презирала саму мысль об этом юноше.

Но в чем на самом деле была правда?

Правда оказалась не так проста. Это была немая просьба. Бессловесная мольба.

Не останавливайся.

Оками перекатился на спину, заставляя ее сесть сверху. Он обхватил ее подбородок одной рукой, его губы скользнули вниз по ее шее. К ее обнаженному плечу. Вернулись к ее уху.

Не останавливайся.

Дождь барабанил вокруг них. Ее сердце билось о грудь. Мариико наконец закрыла глаза, больше не заботясь ни о чем, кроме ощущений. Его руки на ее спине. Его поцелуи на ее коже. Звезды могут упасть, луна может рухнуть с небес, но Мариико будет все равно.

Когда Оками отстранился, его дыхание рваными струйками сорвалось с его губ.

– Не останавливайся, – сказала она, не подумав.

Его ответом была злая ухмылка. Не говоря ни слова, Оками снова перекатился, накрывая своим телом. Он скользнул ниже. Наблюдал за ее лицом, когда он открыл ее голый живот прохладной струе воздуха. Нить расплавленного янтаря побежала по ее позвоночнику.

Когда Мариико задрожала – по ее коже заплясали искры, – Оками мягко рассмеялся.

Затем он поцеловал ее снова, и это было словно на ее языке оказался послушный огонь. Тот, что угрожал спалить ее, превратившись в сокрушительную, пульсирующую боль. Такой поцелуй – такой юноша, – которого Мариико хотела избежать любой ценой. Непредсказуемый. Опасный.

Ее руки скользнули под его промокший косодэ к его груди. Почувствовали, как поднимаются и опускаются его гладкие мускулы под кончиками ее пальцев.

– Кто ты? – спросил Оками ей в ухо.

Только Волк мог говорить таким холодным и требовательным голосом. И при этом целоваться так, как он это делал.

С подобной отдачей.

Мариико знала, что Оками слышит каждый удар ее сердца. Чувствует каждый из них, как и она.

– Я скажу тебе, если ты мне расскажешь в ответ, – сказала она. Ее слова были такими же взвешенными, как и его.

– Ты солжешь.

Она кивнула.

– Тогда мы оба можем быть лжецами. – Марико ждала, пока Оками примет решение. Чтобы он принял решение дать отпор. Или оставить правду в покое.

Хотя бы на сейчас.

С пылающим взглядом Оками распустил ее волосы. Затем поцеловал под подбородок, так мягко, так нежно, что у нее перехватило дыхание. Из-за чего он снова рассмеялся себе под нос. Заставил ее понять, что ничто не находится в ее власти.

И что в то же время все в ее власти.

Она запустила пальцы в его волосы, когда их губы встретились. Когда их поцелуй углубился. В этот момент Марико хотелось верить, что Оками никому не расскажет.

По крайней мере пока.

* * *

Они молча лежали рядом друг с другом, глядя на только что открывшиеся звезды.

Достаточно близко, чтобы коснуться, но на расстоянии целой сажени.

Ее сердце только-только перестало колотиться. Ее дыхание только-только выровнялось. Все, что произошло между ними, было затянувшимися следами чувства.

Ничего существенного.

Оками вытянулся рядом с Марико, улыбаясь краешком рта в никуда. Как будто он и смеялся, и враждовал сам с собой одновременно.

– Оками...

– Как тебя зовут? – многозначительно спросил он. – Твое настоящее имя.

Марико на мгновение задумалась. О доверии даже речи не шло. Не тогда, когда так много еще зависело от сохранения секрета.

– Тиё.

Он вдохнул. Звук был пронизан раздражением.

– Ты лжешь. Снова.

– Я не лгу, я...

Оками повернулся к ней, его глаза встретились с ее.

– Не проводи черту. Если только ты не хочешь, чтобы я перешел ее.

– Так не переходи ее, – голос Марико был ровным, хотя ее пульс участился.

– Ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что это не выход.

Между ними повисла неловкая тишина.

Марико знала его достаточно хорошо, чтобы осознавать это. Но она по-прежнему ничего не знала о нем. А ей хотелось спросить его о чем-то важном. Но – как обычно – Волк сделал это невозможным, сказав всего несколько простых фраз. И от этого ей только захотелось провести эту черту и толкнуть его за нее.

Но это было слишком рискованно. Не тогда, когда он держал ее секрет в своих руках. И не тогда, когда она по глупости доверила ему частичку своего сердца, хотя и всего на мгновение.

Словно напоминая об этом факте, грудь Марико сжалась. Ей придется искупить свою вину за такое безрассудное поведение. Поведение, так непохожее на нее. Эти украденные поцелуи возле горячих источников могли бы иметь бóльшую ценность, если бы она смогла узнать хоть что-то, что помогло бы в достижении ее цели. В конце концов, даже несмотря на то, что Оками открыл в Марико дикую, неконтролируемую часть себя, о существовании которой она раньше даже не подозревала, он все еще был членом Черного клана.

«Вызови доверие. Нанеси удар, когда они меньше всего этого ожидают».

– И что нам делать... с этим? – спросила она будничным тоном. Отстраненным. Очень похожим на типичное поведение Волка. Тонем, который не соответствовал бурлящим внутри чувствам. Тонем, который, как она надеялась, побудит его раскрыть что-нибудь – что угодно – ценное.

Оками взглянул в ночное небо:

– *Ити-го, ити-э*^[63].

Марико глубоко вздохнула:

– Только на этот раз.

Он кивнул.

– Я не верю, что за каждым моментом скрывается какое-то значение, – сказала она категорически.

– Только то значение, которое я придаю ему. Каждый вдох существует только сейчас. Мы живем только этим мгновением.

Она помедлила, прежде чем спросить:

– Так ты хочешь прожить свою жизнь? От мгновения к мгновению, не заботясь ни о прошлом, ни о будущем?

– Так я живу сейчас.

– Поэтому ты предпочитаешь следовать, а не вести? – Это был ее шанс узнать о прошлом Оками. Возможно, даже об источнике его сил.

– Мне неинтересно никого вести.

– Ты воин, наделенный уникальными способностями. Разве это не налагает на тебя определенную ответственность?

– У меня нет никакого дара – и желания – вдохновлять. В бою моя единственная обязанность – быть мечом. Топором. Кулаком.

Хотя Марико пыталась обуздать это чувство, на ее лице отразилось разочарование.

Оками посмотрел в ее сторону.

– Не возлагай на меня надежд. Не смотри на меня и не ожидай увидеть что-то еще.

– Я никогда не смотрела на тебя и ничего не ожидала.

– Лгунья. Ты смотришь на меня. Так же, как я смотрю на тебя.

– Но ты ничего не видишь, – проворчала Марико.

– Я вижу тебя, – мягко сказал он. – Точно так же, как и ты.

Воздух между ними наполнился невысказанными словами. Которые следовало произнести.

Но они остались в тишине.

Слишком острая тревога пронзила сердце Марико, слишком острая.

– А что если...

– Нет, – Оками бесшумно поднялся на ноги. – Не задавай мне вопросов, на которые не хочешь получить ответы.

Марико смотрела, как он завязывает свой черный косодэ.

– Пока я сохраню твой секрет, – сказал он.

– Почему? – Она должна была спросить. Хотя и прокляла себя за вопрос.

– Потому что, если я этого не сделаю, многие без колебаний убьют тебя.

Это был ненастоящий ответ, но Марико знала, что глупо настаивать на честности.

Оками продолжил:

– Но я не буду звать тебя Тиё, потому что это не твое настоящее имя. И если ты когда-нибудь предашь нас, я не стану мешать Ранмару отомстить. – Он сделал паузу. – Я не герой. Не забывай об этом ни на мгновение. Я больше не буду спасать тебя.

Марико резко села, выражение ее лица стало вызывающим.

– Я не хочу, чтобы ты был героем. И мне не нужно, чтобы кто-то меня спасал.

– Хорошо. – Оками направился прочь, чуть не споткнувшись. Не так грациозно, как ожидала Марико.

Глядя, как он растворяется во тьме, Марико обнаружила, что не знает, что чувствовать. Она не была уверена, что поцеловала Оками, чтобы заставить его замолчать. Или что она поцеловала его, потому что другого выбора не было. Не оставалось ничего, кроме как поддаться. Все это время она ненавидела его. Все это время ее сердце колотилось в его присутствии.

Действительно ли она презирала его?

Или желала его?

Марико какое-то время лежала под звездами. Потом пришла к решению.

На самом деле ее не заботил Оками. Она просто использовала его. У Марико была миссия здесь. Она проникла сюда, чтобы узнать, почему Черный клан пытался убить ее. Чтобы выяснить, кто желал ее смерти. И ничто никогда – даже юноша, который умел целоваться так, что она теряла сознание, а ее разум замолкал, – этого не изменит.

«Только на этот раз».

Оками был прав.

Завтра она забудет, что это когда-либо происходило.

Урок, который необходимо усвоить

Прошло довольно много времени с тех пор, как Оками последний раз лгал в лицо своему лучшему другу.

Ему не приходилось обманывать главаря Черного клана. Уже много лет.

Оками был слишком многим ему обязан, чтобы лгать в лицо. Слишком многим обязан, чтобы когда-либо прятаться за легкостью лжи. Не то чтобы Оками был в целом против лжи. Он довольно часто врал. И с удовольствием.

Часто он лгал о вещах, которые не имели значения, просто ради отработки навыка. В конце концов, для человека, живущего во лжи, важно продолжать оттачивать искусство обмана, когда это возможно.

Но сейчас ситуация была иной.

Оками знал, что скоро должен сказать что-то о Такэо. Или Тиё.

Или любое другое имя, которое эта проклятая девчонка выберет себе на следующий день.

Тиё не было ее настоящим именем. Это Оками знал наверняка. Опытный лжец учится распознавать мастерство в других. Той ночью она слишком осторожно произнесла: «Тиё». Слишком продуманно. Ведь имя было таким простым. Легким. Оно должно было слетать с языка, как беззастенчивый смех.

А не произноситься с явным расчетом.

Она солгала ему. Как он солгал ей.

Неважно, что она предположительно спасла ему жизнь. Дважды. Почему девушка так поступила, Оками все еще не мог понять. Было очевидно, что она невзлюбила его с самого начала. Посчитала его ленивым и поверхностным.

Именно таким, каким он хотел, чтобы другие считали его.

Но возможно... возможно, за ненавистью скрывалось чувство гораздо более тревожное, чем простая неприязнь. Та же самая эмоция, с которой Оками изо всех сил боролся последние несколько недель. Пытался определить, особенно когда они спорили друг с другом. Сталкивались по большим делам и малым.

Влечение.

Нет. *Желание*.

Увы, слово «желание» слабо отражало то, что он сейчас чувствовал.

Возможно, эта девушка не была водой, как он сначала подумал. Возможно, она была ветром. Ветром, который мог раздуть огонь до безумного пламени. Согнуть могучий дуб. Сплести воду в туман.

Хотя он и не хотел признаваться в этом – даже самому себе, – Оками понял, что что-то не так, когда впервые посмотрел в глаза Санаде Такэо. Когда впервые коснулся... ее.

Но это не чувствовалось неправильным.

Напротив, казалось, что все до странности правильно.

А сейчас?

Он не понимал до конца, что побудило его пообещать девушке, которая лгала так же свободно, как и дышала, что он сохранит ее тайну. Все, что Оками знал, – это то, что она давала отпор – и словами, и силой убеждения, – как ни одна другая девушка на его памяти. Что она так смотрела сквозь его многочисленные маски, что это и нервировало, и очаровывало одновременно. Что ее разум работал таким образом, который Оками не мог разобрать на части и собрать заново.

Что в тот момент, когда она поцеловала его у горячих источников, его взгляд растворился. И что звук ее вдоха был подобен восходу солнца.

Воспоминание сгустило его кровь. Подтолкнуло его к грани.

Оками смотрел, как его отражение плывет по поверхности озера. Он выглядел нарисованным. Изможденным. В детстве ему часто снились кошмары. Сны, омраченные замыслами о гневе и возмездии. Воспоминания о позоре и шрамах бесчестия.

Потом, когда он из мальчишки превратился в юношу, Оками сделал выбор.

Он больше не собирался обременять себя подобными вещами. Он отказывался нести любую ответственность, которую не хотел брать. С тех пор он, к счастью, взял на себя совсем малость.

Чем меньше у него ответственности, тем меньше шансов, что он кого-то подведет.

Как только Оками принял это решение, ему стало намного легче засыпать.

Прошло много времени с тех пор, как он плохо спал ночью. Давненько он не видел лица, омраченного усталостью, когда смотрел в свое отражение.

Прошлой ночью он спал плохо.

То была ночь, наполненная неопределенностью.

Оками снилась лагуна, до краев наполненная дымящейся водой. Потом она начала утекать. Медленно. Пока в центре не образовался бурлящий водоворот.

Лицо девушки проплыло мимо него, когда она скользнула сквозь клубящийся туман.

Она подошла к краю лагуны. Улыбнулась ему через плечо. Поманила его присоединиться к ней. Когда Оками подошел к ней – привлеченный, как стрекоза к пламени, – она потянулась к нему. Ступила в лагуну.

И позволила водовороту затянуть ее целиком.

Все время, пока она смотрела на него – в ожидании, что он присоединится к ней, даже в смерти, – черты ее лица оставались безмятежными. Пламя в тумане.

Оками неподвижно стоял. Наблюдая, как вода утаскивает ее под воду.

И ничего не делал.

Даже во сне он помнил, как она пахла.

Чистотой. Как апельсиновые цветы.

Он вспомнил, как она улыбалась. Как поначалу дрожали ее губы, как будто она все еще не могла решить, разумно ли показывать кому-либо свои истинные чувства.

Несмотря ни на что, Оками восхищался Санадой Такэо за это. Пока он думал, что она мальчишка, Оками оценил, как плохо она скрывала свои эмоции – как неумело она старалась держать их под контролем, – несмотря на тот факт, что девчонка явно умела лгать.

Это напомнило ему о маленьком обозленном мальчике, которым он был в прошлом.

Мальчик, который не возражал против лжи другим. Но презирал ложь самому себе.

Оками снова нахмурился, глядя на свое отражение в воде. Окунул руки под него, размывая изображение. Он умылся. Пусть вода смоев его воспоминания. Очистит его от всякой ответственности.

Он не лгал себе. Ему было наплевать на эту девушку. Оками не мог позволить себе заботиться о ней. Она была проблемой, несмотря на свой ум. Несмотря на то, что в ней было что-то неуклюже бесстрашное.

Она ничего для него не значила. Хотя он должен был спросить ее, почему она переделась мальчишкой. Должен был дать понять, как она ему интересна. Как сильно ему хочется узнать все, что возникает в ее умной головке.

Но он не стал бы отвечать на ее вопросы. Поэтому у него не было права задавать свои.

Только сегодня Оками никому про нее не расскажет.

Только сегодня он солжет своему лучшему другу.

Только на этот раз.

* * *

– Я думаю, пришло время Санаде Такэо научиться владеть катаной. И я считаю, что ты должен учить его, – объявил Ранмару, как только Оками вошел в его шатер этим утром.

Последовавшее за этим колебание Оками было очень красноречивым.

– Я не сражаюсь на мечах, – Волк осторожно подбирал слова, каждое из которых было наполнено скрытой угрозой.

Не заходи дальше.

Ранмару усмехнулся, выражение его лица не изменилось, даже когда он увидел признаки холодной ярости Оками.

– Я думаю, тебе пора это изменить, – в его ответе также прозвучал подчеркнутый намек на угрозу.

Ответом на силу может быть только сила. Особенно на поле боя.

– При всем уважении, мне все равно, что ты думаешь. – Оками развернулся, чтобы уйти.

Ранмару встал у него на пути, мирно поднимая руки.

– Я все понимаю. Тебе необязательно использовать меч в бою. – Его губы сжались в жесткую линию. – Но *важно*, чтобы ты не забывал, откуда ты пришел.

Оками упрямо молчал.

Главарь Черного клана решил пойти другим путем:

– Твой отец был...

– Я знаю, кем был мой отец.

– Хорошо, – тихо сказал Ранмару. – И ты знаешь, кем был мой отец.

– Я никогда не забываю об этом. Ни на день своей жизни я не смог бы забыть, кем был твой отец.

В глазах Ранмару промелькнула боль. Все было бы иначе, если бы Оками открыто показал, насколько он все еще зол. Продемонстрировал бы Ранмару эту боль, которая подкрепляла его ярость, вместо того чтобы отвергать ее существование.

Но, возможно, пришло время им преодолеть ошибки своего прошлого. Ошибки тех, кто остался в прошлом. Гнев Ранмару давно прошел. А Оками?

Трудно отпустить чувство, которое он так долго отрицал.

– Тем не менее... – Ранмару подошел ближе. Настолько близко, чтобы заставить любого другого мужчину почувствовать себя некомфортно. Этой тактике Ранмару научился у Оками, когда они были моложе. *«Займи место другого человека и наблюдай за тем, как он извивается»*. Теперь Ранмару наблюдал, как эта тактика почти сработала на его друге. Волк чуть не отступил в ответ. Затем Оками отвел взгляд. И твердо замер на месте.

– Тем не менее, – снова сказал Ранмару, – начиная с сегодняшнего дня ты будешь два раза в неделю обучать Санаду Такэо бою на мечях. Неважно, на каком мече. Катана, вакидзаси, танто... – Он описал рукой круг, пытаясь его навести на мысль. – Самое главное, чтобы мальчишка смог выстоять в обычном бою. Если Такэо станет нашим новым членом, он должен хотя бы уметь обращаться с клинком.

Оками открыл рот, готовый выплюнуть медленную, резкую реплику.

Ранмару приготовился к этому. Ждал ее.

Бывали времена, когда нужно заставить замолчать даже воющего волка.

Затем Оками закрыл рот, не произнеся ни слова. Он медленно вдохнул через нос.

– Хорошо. – Его плечи расслабились. – Все равно это ничего не изменит. Когда парень помрет во время своего первого боя, не вини

меня.

– Тогда это уже не будет иметь никакого значения, даже если бы я начал тебя винить.

Оками фыркнул. Снова поверхностно и незаинтересованно.

– Все равно мне наплевать. – С этими словами он протиснулся мимо Ранмару обратно к утреннему солнцу.

Ранмару покачал головой.

Однажды вся эта ложь настигнет его друга.

В тот день Ранмару надеялся, что он будет там, чтобы стать свидетелем.

* * *

Марико подумала, что он смеется над ней.

Или просто хочет посмотреть, как она ерзает, – ведь Оками явно любил смотреть, как кто-то начинает ерзать, когда сталкивается с его насмешливым взглядом.

– Ну, – заявил он, – и чего ты просто стоишь там?

– Я не знаю, чего ты от меня хочешь, – парировала она. – Как ты хочешь, чтобы я... встал, – ее голос дрогнул в конце.

Марико могла поклясться, что видела, как мускулы на его челюсти двинулись вверх при этом. Затем Оками прочистил горло. Он подошел ближе, концами двух деревянных тренировочных мечей постукивая по ее ногам, пока она не переместила их в правильное положение для тренировки. За неимением других идей Марико подумала, что Оками пытается не прикасаться к ней. Как будто она отмечена демоном. Или поцелована чумой.

«Если он избегает меня, то, возможно, я смогу использовать это в своих интересах. Оками не единственный, кто любит заставлять людей чувствовать себя неудобно».

Когда этим утром Волк подошел к ней и приказал следовать за ним, Марико возненавидела то, как отреагировало ее сердце, чуть не выпрыгнув из груди, как будто оно хотело встретиться с ним на полпути.

Ее глупое сердце. Пришло время преподать ему урок. Научить его контролю. Вот и шанс хоть как-то отыграться.

Если Оками злился на нее, то и она злилась на него в ответ.

В следующий раз, когда он ударил ее под коленку и сказал занять более прочную позицию, Марико намеренно прижалась к нему. Оками отпрыгнул назад, как будто язык пламени хлестнул в его сторону. Она выпрямилась, затем ухмыльнулась ему. Он моргнул. На мгновение Марико показалось, что он может улыбнуться.

– Попробуй сделать так еще раз, – сказал он опасным шепотом, – и увидишь, что случится.

– Это угроза или обещание?

В тот раз он действительно улыбнулся. Но лишь слегка. Затем Оками отступил на расстояние вытянутой руки. Без предупреждения он бросил в ее сторону деревянный меч. Марико поймала его. Но чуть не выронила.

Тренировочный меч был тяжелым, его лезвие было сделано из цельного куска дерева. Моделируя вес настоящей катаны. Его поверхность была гладкой, предназначенной для того, чтобы принять на себя всю мощь удара противника.

Марико взмахнула оружием, надеясь, что она не выглядит такой же неопытной, как себя чувствует.

– Разве мне не следует тренироваться с настоящим клинком вместо этой детской игрушки?

– Это тип меча, который используем мы все, когда не деремся в реальном бою. Он не только для детей.

Она держала клинок в воздухе одной рукой, пока ее глаза скользнули по нему.

– Ты не хочешь этого делать.

– Да ты гений, – фыркнул он. – Воистину, я бы предпочел жевать песок. – Оками подошел к ней, держа свой тренировочный меч кончиками пальцев. – Используй обе руки. Ты кто, по-твоему? Мусаси?

Марико проигнорировала насмешливое сравнение со знаменитым мечником.

– Зачем ты делаешь это, если не хочешь?

– Потому что, если я откажусь, Ранмару удивится и спросит о причине. И я не думаю, что это сослужит тебе хорошую службу, если его любопытство подтолкнет его к действию, – закончил Оками низким и резким голосом.

Когда он наклонился вперед, чтобы поправить хватку ее левой руки, его волосы упали ему на глаза, легко скользнув по ее бровям. Часть Марико хотела задержать дыхание.

Она возмутилась, глубоко вдохнув.

Глупо. Как глупо. Волки не должны пахнуть как Оками. Как теплый камень и древесный дым.

– Что ты делаешь? – резко спросил он, хотя его пальцы дрогнули над ее. – Хватит вести себя так странно.

Марико приняла стойку.

– Я и есть странная. – Она взмахнула своим тренировочным мечом. – И тебе лучше научиться ценить это.

* * *

Оками был в аду.

При первой же возможности он собирался напасть на своего лучшего друга и оставить его умирать. В конце концов, это было справедливо. Оками скорее сгниет в аду, чем признается кому-либо, что его выставили дураком.

Каждый раз, когда Оками приходилось прикасаться к ней, он обдумывал новый способ заставить главаря Черного клана заплатить.

– Стой! – рявкнул он. Воистину, эта девушка пробуждала в нем самое худшее. Заставляла его терять контроль, которым он всегда гордился. – Ты все еще неправильно держишь меч. Каждый раз, когда ты машешь им, твои руки прижимаются слишком близко друг к другу. Представь невидимую ладонь и удерживай ее между ними, иначе ты полностью потеряешь контроль над клинком.

Как вовремя – Оками читал ей лекцию о потере контроля.

Она стиснула зубы, ее глубокие карие глаза сверкнули на него, как неограниченные драгоценные камни. Ее пальцы крепче сжали рукоять. Она снова подняла лезвие над головой.

– Бей, – приказал он.

Она опустила клинок, и Оками с убийственной точностью выбил его у нее из рук.

– Подними, – сказал он, лениво взмахивая мечом по дуге. Ее поджатые губы напомнили бутоны роз. Не красные. Ничего громкого и

очевидного. Ярко-розовые. Нежные и теплые. Точно так же пахла и она. Как будто цвет золота мог иметь аромат.

Ярость подступила к его горлу. Если он не будет держать свои мысли под контролем, эта девушка неизбежно приведет к смерти Такэды Ранмару.

Оками вдохнул. Выдохнул. Попытался говорить мягче:

– Еще раз. На этот раз держи меч крепче. Двигайся медленнее. Более осознанно.

Он продемонстрировал сам, его деревянный меч рассек воздух со свистом. Это движение он хорошо прочувствовал. Хотя Оками ненавидел пользоваться катаной – поскольку она вызывала в памяти воспоминания, которые он хотел скорее забыть, – ему пришлось признаться себе, что он скучал по ощущению оружия в своих руках.

Повторив это движение еще десять раз, она искоса посмотрела на него.

– Сколько раз мне нужно повторить? – спросил она.

– Пока я не заключу, что ты делаешь его правильно.

Она прикусила внутреннюю сторону щеки.

– Разве я не должна учиться драться?

– Сначала научись держать меч. Если катана должна быть продолжением твоей руки, то сейчас твои руки сломаны. Ты бы стала призывать человека драться со сломанными руками?

Ее глаза устремились к небесам.

– Почему ты не носишь с собой ни одного клинка?

– Потому что я не хочу носить с собой клинки.

– Знаешь, ты довольно негибкий.

Оками чуть не рассмеялся.

– А ты нет?

– Вы уже забыли, почтенный сэнсэй? Мои руки сломаны.

В тот раз он действительно рассмеялся.

Она заколебалась на мгновение, явно обдумывая свой следующий вопрос.

– Мне говорили, что самурайский меч – это его душа. – Ее клинок поднялся над ее головой в готовности отработать движение еще раз.

Уголки губ Оками изогнулись в усмешке:

– Только человек, достаточно глупый, чтобы следовать пути воина, мог сказать нечто настолько нелепое.

– Бусидо – это переживание жизни с каждым вздохом. Умение видеть жизнь в самых простых вещах. В этом есть красота и честь. Ты сам это сказал.

– На твоём месте я бы не слишком доверял тому, что я говорю. – Оками снова ударил мечом. На этот раз ей удалось удержать свой в руках. – Когда я сражаюсь, я надеваю маску. В этом нет чести. И я этому рад.

– Я думаю, ты лжешь, – пробормотала она. – И что бы ты ни подумал – я верю в то, что ты говоришь. Однажды я надеюсь сказать что-то, что останется с тобой. – Она вздернула подбородок.

Оками сглотнул. Эта девушка нервировала его так, как он не мог постичь. Ему нужно было положить конец этому разговору. Немедленно.

– Слова глупы. Обещания бесполезны. Любой может сказать что угодно, чтобы получить желаемое. Верь в поступки, и только в них.

– Ты уже говорил мне это раньше, – мягко ответила она. – И я все еще не верю, что ты прав.

Он взмахнул своим тренировочным мечом в её сторону. Инстинктивно она парировала удар. Оками не мог скрыть своего удивления от того, как быстро она училась. Большинство мужчин, которых он знал, постигали искусство меча без подобной легкости.

Он кивнул в знак одобрения.

– Отлично. Только не загордись.

Она улыбнулась.

– Мой отец учил меня, что прикосновение истинной силы легко, как перышко. – С легким самодовольством она размахивала мечом, глядя на него с заметной осмотрительностью. – Он также сказал, что чем глубже копаешь, тем выше становятся стены вокруг тебя.

– Твой отец слишком много читает.

Она рассмеялась, и этот звук согрел его. Так же, как восход солнца.

Не задумываясь, Оками подошел ближе, потянувшись к её локтям, намереваясь потянуть их на себя. Чтобы научить её лучшему контролю над мечом. Его правая нога скользнула в пространство между её ступнями, его колено коснулось внутренней стороны её бедра.

В тот момент, когда это произошло, Оками понял, что совершил ошибку. Ее резкий вдох. Бегающие глаза.

Его трепещущее сердце.

– Ты не говорил мне не делать этого, – тихо сказала она, и ее щеки залились румянцем. – Ты также не спросил меня, почему я здесь.

Вопреки здравому смыслу, Оками спросил:

– Зачем мне это?

– Потому что я девушка, – прошептала она.

Раздражение поднялось в его груди. Не раздражение от ее слов. Но злость на нее из-за того, что ей нужно было произнести их и что они означали. Оками перевел взгляд на нее.

– Прежде всего ты человек. Безрассудный, глупый, но тем не менее человек. Если я когда-нибудь запрещу тебе что-то делать, будь уверена, что из всех причин, что я назову, последней будет то, что ты девушка.

Когда ее взгляд смягчился, Оками понял, что совершил еще одну ошибку.

Но он не хотел брать свои слова назад.

Без сомнения, она была странной. Сводящей с ума. Силой, которая набирает мощь и с которой нужно считаться. И он ценил это – как она и потребовала от него ранее.

В этот момент Оками понял, что у него большие проблемы.

И все из-за одной удивительно странной девушки.

Лес крови и огня

Кэнсин проснулся рывком. Его грудь вздымалась, пока он пытался вдохнуть. Земля под ним была мокрой, трава под кончиками пальцев обуглилась. Медь и пепел покрывали его язык.

Он сел и схватился за пульсирующую голову. Посмотрев на свои пальцы, он увидел, что те покрыты засохшей кровью. Страх скрутил его позвоночник.

Он огляделся.

Кровь была не его.

Нет. Это невозможно. Этого просто не могло быть. Он не мог сделать – и *никогда* бы не сделал – это.

Кэнсин попытался вызвать образ последнего, что он помнил.

Крики. Гневный обмен словами. Отказ от сотрудничества. Угрозы, посыпавшиеся с двух сторон. Вспышки крови, дыма и огня, их источники туманны и неясны.

Злость. Неконтролируемая ярость, вырвавшаяся из его груди, льющаяся с его губ, хлещущая воздух вокруг него.

Его грудь снова поднялась. Пошатываясь, Кэнсин поднялся на ноги, волоча клинок по обугленным остаткам того, что когда-то было высокой травой на опушке леса. Настолько высокой и стройной, что она сгибалась и качалась на ветру. Канэ ждал его на том же месте, где Кэнсин оставил его в последний раз. Боевой конь все еще был привязан к стволу дерева на окраине поляны. Даже не удосужившись вытереть кровавые пятна с катаны, Кэнсин вложил меч в ножны и с трудом запрыгнул в седло.

Голову как будто раскололи пополам, а затем сшили воедино. Кэнсин снова поднял руки перед глазами.

Не его кровь. Но все же его боль.

Он не понимал, что произошло. Не мог понять, что могло заставить кого-то совершить такие зверства. Эхо крика наполнило его уши, заглушив все остальное. Кроме обещания грядущих мучений.

Кэнсин зажмурил глаза.

Это был не он. Он этого не делал.

Он бы никогда этого не сделал.

В тени кустов терновника неподалеку призрачная серая лиса наблюдала, как Хаттори Кэнсин подошел к своей лошади. Наблюдала, как он с ужасом рассматривал свои окровавленные руки.

Лиса улыбнулась, как мошенница, ее глаза потеплели до желтого, а затем почернели. Она дождалась, пока Дракон Кая не уедет с поляны.

Затем исчезла в вихре дыма.

На ее месте расцвел черный цветок, его сердцевина пульсировала, как бьющееся сердце.

Отбивая предупреждение.

Или, может быть, сообщение.

Кровавая резня

Оказалось, что Рэн – ее первый и самый прилежный мучитель – был также, возможно, одним из лучших певцов, которых Марико встречала в жизни.

Она осознала это только в последние несколько мгновений. И это потрясло ее. Заставило ее ценить многие прелести жизни. Когда они ехали с Черным кланом к стоянке, где Марико впервые встретила их, кузнец Харуки начал петь. Напрасно она хотела присоединиться к ним, тем более что впервые за три недели ее пребывания в их лагере они взяли ее с собой на стоянку на опушке леса. Периодически многие из них уходили вместе ночью, возвращаясь грубыми и пьяными.

Напоминая Марико о ее месте, которого никогда не было среди них.

До сегодняшнего дня.

Песня Харуки была сладкой балладой о любви, с легкими куплетами, поощряющими импровизацию. По мере того как к нему присоединялись все новые люди, мелодия становилась все более непристойной. Их голоса становились все грубее.

Когда Ёси запел о пышных грудях, Марико быстро погнала своего скакуна вперед – за пределы слышимости, – чтобы ее не заставили петь следующий куплет. Может быть, она и притворяется парнем, но она совершенно не была уверена в том, о чем парни хотели бы петь, когда дело касалось слабого пола.

Голые женщины? Безусловно.

Но что именно привлекательного было в женской наготы? Это же просто тело. Форма. Судно. Поистине, для нее это была загадка. Грудь – это же просто грудь, разве нет? Самым завораживающим в любой женщине должен быть ее разум, разве не так?

«Разумеется нет».

Марико чуть не застонала, когда услышала безошибочный щелчок языка Оками рядом с собой. Он замедлил своего боевого коня, чтобы соответствовать ее темпу. И наклонился ближе.

– Тебе разве не нравится песня, *Такэо*? – поддразнил он. Сегодня Волк был в прекрасном настроении. На мгновение Марико задумалась,

а какое у него мнение на этот счет? И чего ей может стоить эта уловка.

А потом решила, что это неважно.

– Думаю, тебе она гораздо больше нравится, чем мне, *Цунэоки*, – ухмыльнулась она.

Краем глаза Марико поймала изгиб его губы. Хитрая улыбка, разбитая шрамом.

– Это подтверждение моих навыков? – спросил Оками тихим голосом, его глаза блеснули. От многозначительности его слов кровь поднялась к ее шее. Позади них солнце медленно уходило в закат, тьма тянулась к нему из-за горизонта. И Марико внезапно вспомнила. Как ночное небо точно так же затемняло и слова. Наполняло их скрытым смыслом.

То, что было невинным замечанием, вдруг стало запретным из-за всего одного взгляда.

Обжигающее тепло прикосновения Оками той ночью возле горячих источников. Огонь, который выжигает ее вены.

Марико быстро качнула головой.

– Это скорее свидетельство твоей нелепости.

– Как жестоко, – цокнул он. – Ведь все, к чему я стремлюсь каждый день, – это убедить свою тень, что я достоин ее преследования.

Она взглянула на длинный тонкий силуэт, тянущийся за его спиной. Тень выглядела неровной и неуверенной. Подходящей ему.

– Возможно, тебе стоит стараться больше.

– Неужели так сложно сказать что-то приятное? Хотя бы один раз.

– Я скажу, – просто сказала она, – как только ты покажешь мне как.

Он рассмеялся.

Теперь они были далеко впереди других мужчин. Ехали бок о бок.

Ронин и переодетая девушка-воин.

Марико хотела бы ненавидеть Оками. Но память услужливо подкидывала ей воспоминания о его руках, перебирающих ее волосы. О его глазах, когда он улыбался. Как весь его внешний вид смягчался, когда он хотел этого. Когда он был прав.

Оками был сплошной загадкой. Юноша без чести, который, тем не менее, совершал благородные поступки. Например, спас Марико, когда он мог просто бросить ее на произвол судьбы. Или остался, чтобы

передать деньги пожилой женщине, когда должен был бежать из столицы. Или, например, сохранил ее тайну. Несмотря на то, что его верность принадлежала другому.

Марико украдкой взглянула на него. Увидела, как его сильные пальцы слегка сжали малиновую ткань поводьев. Вспомнила, как его губы складывали слова. Оками делал все с естественной грацией беспечного юноши. Он ничего не просчитывал. Он действовал интуитивно.

И у него действительно были самые прекрасные руки, которые Марико когда-либо видела.

Едва она подумала сказать что-нибудь приятное – о том, как хорошо он сидит в седле, – Оками встал поперек ее пути на своем боевом коне, остановив ее, и поднял правый кулак в воздух.

Ноздри его лошади раздулись. Конь Марико заржал.

Перед ними показалась знакомая линия кленов вдоль самой западной опушки леса. Краины возле стоянки.

Несколько клубов темного дыма поднимались в воздух за линией деревьев. Не тот стабильный дым, которого они ожидали. Не дым из разваливающейся трубы под навесом. Станный аромат разлился по небу.

Горящее мясо. Смешанное с вонью гниения.

– Оставайся здесь, – резко сказал Оками, пуская лошадь галопом.

Недолго думая Марико последовала за ним.

– Оставайся с остальными! – крикнул он через плечо, его брови сошлись вместе.

Гнев вскипел в ее груди.

– Неужели ты со мной разговариваешь? – спросила она, подъезжая к нему. – И неужели ты думаешь, что я выполню столь оскорбительный приказ?

– Идиотка, – сказал Оками, сдерживая свою лошадь, когда они приблизились к поляне. – Я приказал тебе остаться с Ранмару, потому что у тебя острый глаз и острый ум.

Они остановились на краю поляны, и у Марико перехватило горло от открывшегося зрелища.

Навес Акиры-сана дотлевал. Как и шаткие столы вокруг него. На вытопанной поляне застыли пятна крови и полосы выжженной земли.

Здесь произошла резня.

Несколько несчастных путников лежали на столах, давно мертвые. Тела некоторых из них обгорели в пожаре.

Оками соскользнул с седла. Марико спешила за ним, внимательно осматривая окрестности, хотя и видела, как Оками медленно запоминает каждую деталь.

Марико знала, каково это – путешествовать вместе со следопытом. Если бы Кэнсин был здесь, он бы делал то же самое.

Рядом с тлеющим навесом они обнаружили тела мальчика и девочки, которые прислуживали им в прошлый раз. Мальчик был ранен в грудь. Чистой, непрерывной линией, которая, тем не менее, причинила ему огромную боль. Марико знала, что он умирал медленно. Вокруг его тела было большое багровое пятно. Высохшее по краям. К счастью, девочка умерла мгновенно: глубокая рана пересекла ее горло.

Марико и Оками остановились над телами девочки и мальчика, молча оплакивая их юность. Скорбя о потере жизни, украденной до того, как ее можно было прожить.

Тишину прорезал срывающийся голос. Прерывистый крик, взывающий к небу.

– Акира-сан, – выдохнул Оками, двигаясь мимо тел, его шаги были быстрыми.

За навесом они нашли старика с обветренным лицом. Когда они увидели, что он поднял дрожащую руку, они бросились к нему. Он был ранен в живот. Медленно истекал кровью.

Ужасающий способ умереть. Путь боли и страданий.

Кровь сочилась из уголка его рта, когда он заговорил с Оками. Когда он тщетно попытался дотянуться до его воротника косодэ, чтобы заставить приблизиться.

Волк наклонился ближе.

– Кто это был?

Марико увидела, как его кулаки сжались.

Низкий гул исходил от его тела.

– С-самурай, – прохрипел Акира-сан.

В этот момент Марико поняла, что никогда раньше не видела Оками по-настоящему в ярости. Даже возле чайной той ночью на прошлой неделе она была свидетелем вспышки злости, но сейчас все было по-иному. Когда она попыталась узнать больше информации о

его способностях в те первые несколько дней, Ёси заявил, что очень немного когда-либо заслуживало гнев Волка.

«Чтобы ненавидеть, нужно сначала полюбить», – сказал повар.

А Оками любил немного.

Прежде чем Акира-сан успел сказать что-то еще, Ранмару с шумом бросился к ним сквозь обожженные кусты. Он резко остановился, его лицо побледнело. Акира-сан потянулся к главарю Черного клана, и Ранмару подлетел к старику, крепко сжимая его окровавленную руку.

Взгляд Акиры-сана переместился на Марико. Его глаза сузились. Его вдохи стали быстрыми и поверхностными.

– Найди... найди дракона, – запинаясь, сказал он.

Сердце Марико внезапно остановилось. Ледяные тиски сжали ее грудь. Разорвали повязки, стягивающие грудь.

– Дракона? – переспросил Ранмару.

– Найди Дракона... Кая. – Он закашлялся, с его губ сорвалась кровавая слюна. Затем он поднял дрожащий палец, как будто хотел указать на что-то.

Или на кого-то.

Марико ничего не слышала из-за криков своего сердца.

«Это невозможно. Все это невозможно».

Рука Акиры-сана упала, когда его глаза закрылись. Когда жизнь покинула его тело. Рука Марико метнулась к ее горлу. И ее разум был отправлен в водоворот.

Кэнсин. Ее брат. Ее семья.

«Что ты наделал?»

Дымовая завеса и скорбь

Марико погрузилась в свою работу, чтобы мир вокруг нее не развалился.

Она слушала, как Ранмару бушевал из-за Дракона Кая. Слушала, как он приказал остальным своим людям выяснить, где может быть Хаттори Кэнсин. Что касается того, зачем Хаттори Кэнсину хладнокровно убивать невинного старика и двух его внуков...

Действительно ли Кэнсин сделал это?

Марико задавала себе этот вопрос много раз. Слишком много раз, чтобы сосчитать.

«Зачем Кэнсину делать подобное?»

Самым тревожным в ответе на этот вопрос было то, что она не была уверена в том, что это был не он.

Ее брат всегда был человеком чести. Человеком, который скрупулезно следовал по пути воина. Бусидо вел Кэнсина так же, как и несколько других знакомых Марико мужчин.

Для того чтобы Кэнсин, человек, который ценил честь и благородство, убил невинных, безоружных людей, у него *должна* быть веская причина. У него должна быть хоть одна.

Но как Марико ни старалась придумать ее, у нее ничего не выходило. В конечном счете это было потому, что она знала: на подобное нет никаких веских причин.

Когда она услышала о планах, которые начал строить Ранмару – найти Дракона Кая и убить его тысячей порезов, – Марико почувствовала, как в ее душе начинает зарождаться ужас. И она знала, что должна составить план. По крайней мере сделать хоть что-нибудь вместо того, чтобы просто молча сидеть и переживать.

Если Ранмару пошлет Черный клан за ее братом, Кэнсину придется сражаться.

Он может умереть.

Она не сомневалась, что ее брат сможет противостоять большинству членов Черного клана.

Но не Оками.

Марико нужно было создать что-то, что поможет ее брату отразить неизбежную атаку Волка. Ведь хищнику нужно было видеть свою добычу, чтобы поймать ее.

Оками был решительно спокоен все время, пока Ранмару бурлил от гнева. Если это возможно, то он и вовсе казался еще более отстраненным, чем обычно. Он больше не смеялся с Марико. Вместо этого Оками вновь каждый день исчезал из лагеря. Вероятно, ездил в Инако, чтобы повидаться со своей сестрой Юми.

Не то чтобы Марико было до этого дело.

Этот страх – это растущее беспокойство – заставлял ее держаться подальше от всех разговоров, происходящих вокруг нее.

Заставлял ее избегать Оками в те редкие моменты, когда они пересекались в лагере. Избегать его, как он избегал ее. Любой ценой.

Вместо этого Марико окунулась в свои дела. Сегодня она сидела возле кузницы Харуки, осторожно наполняя пустые яичные скорлупки.

Идея пришла к ней после тревожного сна. В одном из них она наблюдала, как Ёси высасывает яйца из скорлупы, оставляя ту нетронутой. Пустой. Затем скорлупа растворялась в дыму, скрываясь из виду.

Марико резко проснулась. И начала это обдумывать.

След дыма был бы отличным способом скрыть отступление. Или, возможно, даже скрыть наступление. Особенно если дым не был вызван настоящим пожаром.

Дым был первым признаком возгорания. Обычно он вызывал у окружающих панику в поисках его источника. Панику, которая помогла бы скрыть след грабителя.

На следующий день Марико одолжила у Ёси ступку и пестик. Она начала толочь порошки почти с лихорадочной энергией. Она начала с базовой смеси: взяла вонючие желтые камни из близлежащих горячих источников и измельчила их в порошок. Затем она смешала их с сухой смолой и попыталась заставить смесь принять форму яйца.

Как и следовало ожидать, зловонный кошмар развалился в ее руках, не успев загореться.

Затем Марико вспомнила то, чему Ёси научил ее во время одного из своих многочисленных жизненных уроков. Отличным источником трута был высушенный навоз животных. Он доказал это, когда учил ее разжигать огонь.

Итак, она смешала в равных частях сухой конский навоз с желтыми камнями и смолой, измельчив все это в мелкий порошок. В последнюю очередь она добавила сажу из кузницы Харуки, что стабилизировало смесь и сделало ее менее ядовитой для работы.

Последней задачей, оставшейся Марико, было создание формы.

Итак, яичная скорлупа.

Ей нужно было что-то, что заключало бы порошки в почти кристаллическую структуру. Позволило бы их легко транспортировать, чтобы те не разваливались и не вспыхивали при поднесении к теплу. Вчера Марико вспомнила о леденце «Борода дракона» и о том, как сладкий сироп амадзура делал его твердым, если оставить его слишком долго вдали от огня.

Поэтому она взяла у Ёси сироп амадзура и дала ему растаять на медленном огне. Она подождала, пока он затвердеет, прежде чем растолочь его в порошок. Посыпала им яичную скорлупу изнутри. Затем снова оставила его возле огня, чтобы внутри яичной скорлупы образовался новый слой. Усиление, которое сделало яичную скорлупу намного прочнее.

Если бы этот эксперимент не сработал, ей пришлось бы начать с самого начала.

Марико тщательно отмерила три части разных порошков из трех контейнеров у своих ног. Засыпала каждую смесь в яичную скорлупу, покрытую глазурью амадзура.

Затем она встала.

Как она уже давно поняла, когда смешивала эти порошки, трение заставляло их реагировать друг на друга и образовывать облако дыма.

Она дважды тряхнула яйцом, прежде чем швырнуть его на землю.

То лопнуло с громким хлопком. От земли взметнулся белый дым, слабо пахнувший горелыми яйцами и конским навозом. Сойдет, чтобы быстро убежать.

По крайней мере хоть в чем-то Марико не провалилась.

* * *

– Впечатляюще, – сказал Ранмару, когда Марико показала ему конечный продукт. Его рука разогнала дым, чтобы он мог ее видеть.

Ненадолго в сознании Мариико вспыхнула мысль: что это значит, что она снабжает своего врага – врага своего брата – средствами, помогающими скрыться от глаз. Увы, было уже слишком поздно скрывать свой успех, и, по ее мнению, чем больше дыма, тем лучше. Она начала работать над этой идеей еще до событий, произошедших на поляне. Когда Мариико хотела заслужить место в ближайшем окружении Черного клана. Единственное, что спасало ее от чувства огромной вины, – это осознание того, что она не поделилась *всеми* знаниями, что почерпнула из своих экспериментов.

У нее все еще не было никаких намерений дарить Ранмару свое величайшее изобретение. Несмотря на то что ее брат сделал в лесу Дзюкай, она поможет Кэнсину победить его врагов любым способом.

Мариико взяла себя в руки.

При первой же возможности она узнает, зачем Кэнсин убил так много невинных. После всего, что она пережила, живя среди Черного клана, она знала, что внешность может быть обманчивой. И ей хотелось бы верить брату, по крайней мере пока.

– Сколько дымовых завес ты можешь сделать? – спросил Ранмару.

У Мариико был заготовлен ответ:

– Это отнимает много времени.

– Я пришлю людей, чтобы помочь тебе. Рэн и Ёси будут рады узнать, как это сделать.

«И запишут все мои ингредиенты, а также будут наблюдать, что еще я придумываю».

– Я предпочитаю работать один, – сказала Мариико. – С порохом работать опасно, а неопытная рука может поджечь весь лагерь.

Ранмару оставался непреклонным:

– Тогда научи их правильно обращаться с порошками.

– У меня нет времени обучать их *и* одновременно делать дымовые завесы.

– Ты мог бы просто сказать, что тебе нужно, и я принесу это. – Непоколебимый характер главаря Черного клана становился все более проблематичным. Ранмару редко видел проблемы. Он видел только решения, и его вечный оптимизм раздражал ее нервы больше, чем когда-либо.

Мариико быстро обдумала. Даже если бы она раскрыла ингредиенты, никто из членов Черного клана никогда не смог бы

повторить точные пропорции. Не без недель обучения. И она бы никогда не рассказала им, как ей удалось заставить внутреннюю часть яичной скорлупы затвердеть.

– Желтые скалы возле горячих источников. Сухой конский навоз. И пепел из кузницы Харуки.

– И наперстянка, – раздался голос позади нее.

«Оками».

– Наперстянка? – переспросил Ранмару с недоуменным выражением лица. – Как в яде?

Марико чуть не поморщилась.

– Это правда, у меня есть наперстянка, но...

Оками встал перед ней.

– Не пытайся нас одурачить, лорд Безбородый, – сказал он ровным тоном. – Если ты не использовал ее для дымовых завес, тогда зачем тебе было собирать ее?

Она снова быстро нашлась с ответом:

– Я использовал сок наперстянки, чтобы выровнять внутреннюю часть яичной скорлупы.

Очередная ложь, вырванная из правды. В который раз Марико вспомнила эксперимент, который проводил ее наставник в ее детстве. Когда паста из стеблей и семян наперстянки вспыхнула ярким светом. Марико давно поняла, что, если она действительно добавит пасту в дымовую завесу, та скорее всего взорвется. Не просто выделит дым и пары.

Увы, ей еще не довелось испытать свое величайшее изобретение.

– Интересно, – прокомментировал Ранмару.

Оками повернулся к ней, его лицо было напряженным, как будто он чувствовал запах ее лжи.

– Довольно-таки.

– Ладно, – сказал Ранмару. – Мы предоставим тебе ингредиенты. Сможешь сделать пятьдесят дымовых завес за следующие пять дней?

– Я попробую.

– Превосходно. – Он ухмыльнулся. – Как продвигаются твои занятия по обучению боя на мечях?

– Они... никак, – призналась она. – Большую часть своего времени я трачу на это.

Частично это было правдой. Но на самом деле было трудно чему-то обучаться, когда предполагаемый мастер никогда не находился в том же месте, что и его ученик.

– Важно, чтобы ты продолжал тренироваться. – Ранмару смотрел на нее, пока говорил. – Потому что, если у тебя получится изготовить эти дымовые завесы, я хотел бы взять тебя с собой в наш следующий набег.

Марико побледнела:

– Я бы... Я...

– Я думал, ты будешь рад, – сказал Ранмару. Марико снова почувствовала, как глаза Оками пронзают ее череп.

– Я... рад.

Ранмару нахмурился:

– Что-то так не кажется.

– Могу я спросить, на что мы в следующий раз нападём?

– На земли недалеко отсюда, – ответил Ранмару. – На те, где отчаянно требуется наше вмешательство.

Оками взглянул на нее:

– Провинция клана Хаттори.

У Марико закружилась голова, ее первые подозрения подтвердились.

Хотя от этого слышать эти слова не стало легче.

Волк продолжил:

– Чтобы выманить дракона, надо бросить угрозу его логову.

Несмотря на стук в висках, Марико заговорила спокойно. Равнодушно.

– А мы знаем, почему он напал на Акиру-сана? – спросила она у Оками, отчаянно пытаясь уцепиться за первый источник своей ненависти.

Первый и самый прочный.

«Скажи мне, что это ты был там той ночью. Скажи мне, что это ты напал на мой конвой. Скажи мне, что ты пытался убить Хаттори Марико и ее брат хочет отомстить за это Черному клану».

Скажи мне, чтобы я могла уничтожить тебя и больше не оглядываться назад.

– Неважно, зачем он это сделал, – ответил Оками. – Важно только то, что он сделал.

«Верь в поступки, и только в поступки».

Но у Кэнсина *должны* были быть свои причины. Марико должна верить, что он никогда не сделает ничего подобного без причины. Должна верить, несмотря на все доказательства обратного.

– Зачем кому-то убивать без причины? – спросила она.

– Таким людям не нужна причина, – ответил Оками.

Ранмару вздохнул:

– Ты сам все увидишь, когда мы отправимся в провинцию Хаттори. Ты поймешь, почему император подвел свой народ, поставив у власти таких людей, как Хаттори Кано. Наш император не силен. Он слабак и манипулятор. Он гораздо больше озабочен собственным статусом, чем величиим империи. Если бы Минамото Масару действительно заботился о своей стране, он бы знал, что ее сила в ее народе. И люди Ва следуют за теми, кто приносит славу нашей империи.

– Пришло время вернуть власть тем, у кого есть воля править, – продолжил Ранмару. – С сильной рукой. И единым сердцем.

Марико знала, что ей нельзя говорить слишком много. Если бы она брякнула что-то лишнее, то ее слова раскрыли бы ее чувства. А ее сердце больше не могло выносить боли. Не сейчас.

– Ты хочешь, чтобы у императора отняли власть?

Главарь Черного клана посмотрел на своего друга:

– Оками...

– Ранмару желает, чтобы власть вернулась к сёгуну, – закончил за него Волк.

– Какому сёгуну? – спросила Марико. – Я думал, что клан сёгуна вымер много лет назад.

Взгляд Оками пронзил ее. Он заговорил мягко:

– Последний в роду на звание сёгуна был сын Такэды Сингэна.

Ранмару.

– Значит, ты сражаешься, – Марико сглотнула, изучая Оками, – ты сражаешься, чтобы восстановить военную мощь Ранмару?

Оками помолчал, прежде чем ответить:

– Единственная причина, по которой я сражаюсь, – это верность моему клану. Черному клану и всем тем, кому мы служим. Если Ранмару хочет стать сёгуном, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему. Но у меня нет других планов.

Возможно, Марико наконец-то наткнулась на какую-то правду. Неужели у Черного клана были замыслы вернуть Такэду Ранмару – *ронина* – в кресло власти в Эдо?

А если так, то как эта шайка разбойников намеревалась добиться этого?

– Я говорил тебе, что однажды Санада Такэо нам пригодится, Оками, – сказал Ранмару с натянутой улыбкой. Почти угрожающей.

На этих словах Оками пронесся мимо Марико обратно в ночь.

Провинция боли

Кэнсин спешился с коня у задних ворот для слуг.

Он был дома. Усталый. Несчастный.

Его мучили сны. С того дня, как Марико исчезла, они не давали ему спокойно спать по ночам. Все только ухудшилось после того, как он потерялся во времени у стоянки на реке.

Кошмары, в которых старик зывал о помощи. Кошмары, в которых мальчик и девочка бились в море высокой травы, кровь хлестала из их тел багровыми брызгами.

Кэнсин отогнал эти мысли, тряхнув головой. Он прошел через задние ворота родового поместья, низко опустив голову.

Он не хотел ни с кем разговаривать. Видеть кого-либо. Чтобы кто-нибудь увидел его. Он стыдился не того, что может узнать его семья. Отец не стал бы попрекать его по этому конкретному поводу. В конце концов, это не было публичным провалом. В лучшем случае Хаттори Кано предложит семьям жертв что-нибудь в качестве компенсации. А мать Кэнсина? Тайра Химэ, скорее всего, нахмурилась бы, что ее сын вышел из себя. Затем накормила бы его, чтобы неприятный инцидент исчез из памяти.

Тьма окутывала его. Свет факелов мерцал во всех углах двора. Ноги Кэнсина автоматически привели его к небольшому зданию, недавно покрытому чистой благоухающей соломой.

Не раздумывая, Кэнсин присел под крайним справа окном. Прислонился спиной к шероховатой белой штукатурке. Надеясь, что близость утешит его.

Даже шепот открывающейся двери не помешал его поискам сочувствия. Кэнсин не поднял головы, когда на него упала тень знакомой фигуры.

Амая ничего не сказала. Она просто присела рядом с ним.

Через некоторое время Кэнсин уронил голову ей на плечо.

– Что случилось? – тихо спросила она.

Он не ответил.

– Кэнсин.

– У тебя неудобное плечо. – Он поднял голову.

Прежде чем он успел отстраниться, Амая схватила его за подбородок.

– Что случилось? – повторила она.

– У тебя слишком костлявое плечо. Тебе следует побольше есть.

Она улыбнулась:

– Как и тебе.

Он снова положил голову на ее плечо.

– Ты же сказал, что оно неудобное, – поддразнила Амая.

Она потянулась к его руке, переплетая их пальцы.

– Оно неудобное, потому что ты хочешь, чтобы отдохнула голова.

Вместо этого позволь отдохнуть сердцу.

Кэнсин сглотнул. Прильнул к ее теплу. Пусть его заботы исчезнут, хотя бы на мгновение.

– Я совершил ужасную ошибку, – прошептал он.

* * *

Черный клан остановился на краю провинции Хаттори.

Сгущались сумерки. Гул цикад прорезал воздух, запах ячменя и зерна наполнял ночное небо.

Сердце Марико грохотало в груди. Ей нужно было предупредить свою семью. Предупредить Кэнсина о том, что вот-вот произойдет. Она искоса глянула на Оками.

– Зачем мы пришли сюда совершать набеги и грабить этих людей? – спросила Марико ровным тоном. – Они ничего тебе не сделали.

– Мы здесь не ради набега и грабежа, – ответил он. – Мы здесь ради... – его голова склонилась набок, – перераспределения.

– Прости, что?

– Хаттори Кано годами грабил людей, которые живут и работают на его земле.

– Что? – воскликнула Марико, тонкие волоски на ее затылке встали дыбом. – Я никогда не слышала о...

– Он живет далеко не по средствам. А недавно у него украли приданое его дочери. Приданое, которое он отнял у своих людей, чтобы купить себе путь к влиянию.

Ложь!

Марико открыла рот, чтобы опровергнуть его слова. Чтобы защитить честь своей семьи. Но ползущая неуверенность заскользила по ее телу. Крошечное зерно сомнения.

Хаттори Кано не был плохим человеком.

Даже несмотря на то, что он продал свою единственную дочь, чтобы заслужить большее почтение. Для мужчины в положении ее отца не было ничего необычного в подобных поступках. Это правда, что Хаттори Кано всегда хотел, чтобы Марико была другой. Хотел, чтобы она отказалась от своих детских желаний и стала больше, чем она была. Это были его последние слова, обращенные к ней. Но он не был плохим отцом. Он заботился о Марико. Он давал ей наставления и внимание.

Такой человек не стал бы слепо грабить свой народ. Только не ради того, чтобы просто возвыситься в глазах обитателей замка Хэйан.

Тем не менее зерно сомнения пустило корни в разуме Марико.

Ее отец обменял свою единственную дочь на малейшую толику влияния. Даже не за место при императорском дворе. И ее мать ни разу не возразила. Если ее отец забирал от урожая своего народа больше, чем ему положено, ее мать тоже ничего бы не сказала. А ее брат понятия не имел, что стоит обратить на это внимание.

А Марико?

«Я была слепа во многих вещах. Я часто думала, что владею правдой. В то время как на самом деле у меня ничего не было».

– Ты нам не веришь? – спросил Ранмару. – Потому что выглядишь так, как будто нет.

– Дело не в том, что я вам не верю. Просто я не могу поверить, что даймё может настолько плевать на свой народ.

Оками взглянул в ее сторону:

– Он всего лишь идет по стопам своего императора.

– Если эта мысль тревожит тебя, почему бы тебе не отправиться в ближайшую деревню? – предложил Ранмару. – И ты сам увидишь правду.

– Ты бы отпустил меня одного? – спросила Марико.

– Конечно нет, – усмехнулся Ранмару. – Возьми с собой кого-нибудь.

Не задумываясь, она подняла глаза на Оками. Ее сердце сделало выбор за нее.

– Возвращайтесь к полуночи, – закончил главарь Черного клана. – Тогда мы совершим набег на зернохранилища и склады.

* * *

– Так *вот* что вы делаете, – Марико произнесла это как констатацию факта. – Вот чем на самом деле занимается Черный клан. Перераспределяет украденные вами богатства среди менее удачливых, таких как женщина в приюте Ивакура.

Они с Оками брели по окраинам деревни в южной части провинции ее семьи.

Он ничего не сказал в ответ.

– И ты действительно думаешь, что твои действия не причинят вреда жителям этой провинции? – настойчиво спросила Марико.

– Не причинят, – ответил Оками. – Только нанесут удар по карманам Хаттори Кано. И если Дракон Кая будет убит во время этого, то так тому и быть.

Глубоко в груди Марико пронзила боль. Ей отчаянно хотелось протестовать. Предложить хоть какой-нибудь контраргумент. Они даже не знали, действительно ли Кэнсин виновен в смерти Акиры-сана!

И все же.

Ее разум закрутился в вихрь. Единственное, что Марико могла сделать, – это остаться в группе налетчиков. Возможно, тогда она сможет найти способ предупредить какого-нибудь слугу своей семьи, пока не станет слишком поздно. До того, как произойдет что-то немислимое.

А если это должно произойти в любом случае... У Марико было наготове еще одно оружие.

Она изучала земли, раскинувшиеся перед ними. Хотя солнце уже село, многие женщины и дети до сих пор работали в поле. Выдергивали сорняки и отпугивали бесчисленных насекомых, которые всегда досаждали урожаю. Высоко колосились золотые стебли риса. Обычно Марико любила время сбора урожая. Она бродила по полям и

терялась среди множества корзин для жатвы, рисуя в грязи наброски и обдумывая в уме новые идеи.

Она сосредоточилась на лучшем из этих воспоминаний. О людях, работающих вокруг нее.

Они никогда не улыбались. А она никогда по-настоящему этого не замечала.

Оками и Марико держались в тени вдоль оштукатуренных домов под соломенными крышами, прислушиваясь к голосам крестьян, пока их дети ссорились из-за еды, а их близкие возвращались домой после утомительного рабочего дня.

Оками остановился возле семьи, собравшейся на ужин вокруг небольшого костра рядом с их крошечным домом. Он вручил Марико серп и велел ей следовать за ним на соседнее поле, притворяясь крестьянами, намеревающимися продолжить жатву. Они присели рядом с высокими волнами зерна вполоборота, наблюдая, как семья ужинает. Издалека Марико показалось, что она увидела желтые глаза лисы, затаившейся в тени в ожидании объедков.

Дети были грязными. Они улыбались, хотя их еда была скудной.

Было ясно, что их мать была ранена. Она хромала, когда пошла зачерпывать просо крошечными ложками.

– Окаа^[64], – сказала старшая девочка, когда мать подала ей миску с едой, – поешь ты. Я не голодна. – Ее взгляд скользнул по полям золотой пшеницы всего в двух шагах от того места, где они сидели, простираясь настолько далеко, насколько мог видеть глаз.

– Нет, моя дорогая. Я уже поела. – Женщина взглянула на мужа, моля его хранить молчание.

Когда мать снова села рядом с ним, Марико увидела, как он тихонько отдает ей половину своей доли.

К счастью, другие дети ничего не заметили. Они улыбнулись и продолжили есть, не обращая внимания на положение своих родителей. Но старшая девочка знала лучше. Она поставила свою миску рядом с тарелкой родителей и тихонько начала переливать им часть своей еды.

Это зрелище поразило Марико. Надорвало что-то под сердцем. В течение стольких лет она гордилась тем, что была той, кто видит то, что не замечают другие. Той, что видит мир не таким, каким он был, а

каким должен быть. Ее взгляд скользнул по улыбающимся лицам остальных младших детей.

По лицу старшей девочки и мельчайшим бороздкам, которые теперь собрались у нее над бровями.

У Мариико было бесчисленное количество приятных воспоминаний о ее детстве.

И ни в одном из них она не помнила ничего, кроме довольства едой.

«Возможно, мой разум видел только то, что хотел видеть».

Холодная рука осознания схватила ее за горло. Ни в одном из этих воспоминаний она не могла припомнить, чтобы кто-либо из крестьян ее отца был также доволен едой. Когда Мариико выходила через ворота родового поместья своей семьи в поля пшеницы и риса, часто приходили работники, чтобы увести ее прочь оттуда. Улыбки, которые они дарили ей, были бледными. Усталыми. В детстве она часто спрашивала, почему они выглядят такими грустными. Почему они не улыбаются чаще.

Мать говорила ей, что они просто устают. А потом ее няня убеждала ее вернуться обратно в поместье. Вот как все было. Даймё владел землей, которую обрабатывал его народ. В обмен на защиту и заботу своего господина люди, работающие на землях, платили даймё дань.

Возможно ли, что Хаттори Кано забирал больше своей справедливой доли?

Мариико вспомнила, как ее отец однажды сказал, насколько неблагодарны его работники. Как он давал им еду, кров и место для работы. А они все равно были недовольны.

Черный клан намеревался перераспределить богатство ее семьи. Вернуть его в руки тех, кто работал в полях. Тех, кто вспахал почву. Собрал урожай.

Все для того, чтобы Мариико могла носить красивую одежду и привлечь внимание сына императора. Часть ее боролась против чувства справедливости. Справедливости видеть, как эти люди получают полагающуюся им долю. Это были люди ее семьи, земли ее семьи.

Но сеяла ли Мариико хоть раз семя или хоть раз работала в грязи, если это не было связано с ее личными интересами? Только когда она

оказалась в лагере Черного клана, она познакомилась с основами того, как жить самостоятельно. На самом деле сейчас был первый раз в ее жизни, когда она держала серп. И даже это было сделано с целью уловки.

Как впервые заявил Оками в тот день, когда Марико поручили носить дрова, она была бесполезна.

Это была самая большая истина, которая так сильно потрясла ее. Как неправильно было то, что Марико так яростно сопротивлялась обвинениям, основанным на этой истине. Если бы Оками обвинил ее в лени, неряшливости или глупости, она бы рассмеялась.

Но когда он обвинил ее в бесполезности, это задело ее.

Больше Марико не собирается быть бесполезной. Она увидела правду.

Она заставит своего отца увидеть ее тоже.

Даже если они ошибались, они все равно были ее семьей.

Марико, чего бы это ни стоило, предупредит брата.

Как-нибудь.

Набег

«Они планируют совершить набег на хранилища глубокой ночью».

Это все, что передал ему слуга. Кэнсин погнался за стариком. Когда они повернули за угол, он схватил его за потрепанный косодэ и повернул к себе.

Глаза старика были молочно-белыми. Он был слеп или почти слеп.

Кэнсин выругался про себя.

– Ты знаешь, кто тебе это сказал?

– Нет, мой господин, – пробормотал старик. – Мне сказали передать это сообщение и дали за это монету. Это все, что я знаю. – Он широко растопырил пальцы, словно доказывая, что это все, что у него есть.

– И больше ничего? Кто собирается совершить набег на хранилища?

– Нет, господин, – ответил старик. – Это было сказано второпях, когда я проходил мимо. Как будто у посыльного не было времени добавить что-то еще.

Кэнсин отпустил косодэ старика.

Кто-то намеревался ограбить его семью. Украсть запасы, которые кормили и одевали жителей его провинции. Которые способствовали восхождению клана Хаттори к величию.

Недолго думая он направился к гарнизону своей семьи.

Кем бы они ни были, эти воры не покинут долину живыми.

* * *

У Марико тряслись руки, пока она ждала под соломенным навесом. Оками укрылся в падающих тенях в ожидании сигнала.

– Тебе не нужно драться, – мягко сказал он.

Она повернулась к нему:

– Ты не ожидаешь, что я буду драться?

– Я не ожидаю ничего ни от тебя, ни от кого-либо еще. Я просто говорю, что тебе не нужно делать то, чего ты не хочешь.

Хотя в словах Оками был смысл, холодная точность, с которой он их произнес, уязвила ее. Марико не хотела сражаться ни с кем из членов своей семьи или с самураями, которые присягнули им на верность. Она не хотела участвовать ни в одной из этих катастроф.

Но она не могла игнорировать шанс спасения жизней.

Самое странное, что небольшая часть ее чувствовала себя ответственной за то, что могло случиться с Ранмару. С Ёси. Даже с Рэнном. И с Оками. Оружие, которое она принесла с собой, могло причинить ущерб, превосходящий ее самые смелые фантазии. У нее никогда не было возможности проверить его, и поэтому она понятия не имела, чего ожидать.

Если из-за него что-то случится с Оками...

Она отогнала эту мысль.

Он был членом Черного клана. Вероятно, одним из наемников, посланных убить ее. Даже если недавние события поставили эту истину под сомнение, Марико никогда бы не предпочла Волка своей семье. Никогда, проживи она хоть тысячу лет.

Крик соловья эхом разнесся в темноте.

Сигнал, что все чисто.

Сложив свои руки, Оками помог Харуки и Рэнну подняться на соломенную крышу над ним. Жестом он приказал Марико следовать за ними. В последнюю секунду он притянул ее к себе, грудь к груди.

– Не геройствуй. Ты усложнишь мне жизнь, если попробуешь, – сказал он чуть громче шепота, а его глаза сияли как два сверкающих камня оникса.

У нее перехватило дыхание. На какое-то безумное мгновение Марико захотелось поцеловать его.

– Делай свою работу, Цунэоки-сама. А я буду делать свою. – Она запрыгнула на крышу, изо всех сил стараясь, чтобы ее шаги были такими же легкими, как у Рэна. Ее сердце колотилось в груди, когда она прижалась к соломе, пытаясь оставаться вне поля зрения.

Ёси и Ранмару, словно призраки в ночи, двинулись к хранилищу. К тем же амбарам, в которых Марико играла в детстве.

Вокруг никого не было видно.

Все было устрашающе тихо.

Пока Ранмару возился с защелкой хранилища, Рэн ухватился за край крыши, крепко вцепившись в деревянный карниз, прежде чем спрыгнуть на землю внизу.

Стрела вылетела из темноты и попала Рэну в бок.

Марико подавила крик, когда увидела, как он упал. Она хотела сказать что-нибудь – подать сигнал, что на них напали, – но слова застряли у нее в горле.

Это были ее враги. Враги ее семьи.

Которые пришли грабить клан Хаттори.

Даже несмотря на внутреннюю борьбу, вскоре Марико стало ясно, что и не нужно ничего говорить. В темноте собралось движение. Как только Ранмару увидел, как упал Рэн, он и Ёси спрятались в тени у зернохранилища.

Поперек дороги зажглись факелы.

И бледное, почти дикое лицо Хаттори Кэнсина высветилось из темноты.

* * *

Ярость бушевала в его теле.

Один из людей Кэнсина выпустил стрелу слишком рано. Теперь люди, пытавшиеся ограбить его семью, были предупреждены.

Но уже ничего нельзя было изменить.

– Покажите себя! – потребовал он.

Тени поперек пути оставались неподвижными. Кэнсин обнажил свою катану, кивком направляя своих людей. Двое сгорбившихся пеших солдат промчались через тропу, со стрелами на тетивах, когда они схватили упавшего вора за руки и потащили его к Кэнсину.

– Покажитесь, трусы! – крикнул Кэнсин.

Молодому человеку у его ног было не больше двадцати. Он был ранен в бок, древко стрелы торчало из складок его черного косодэ. Когда из темноты не донеслось никаких признаков движения и звуков, Кэнсин прижал носок сандалии к ребрам молодого вора, прямо над его раной.

Юноша застонал. Задрожал. Затем сплюнул в грязь рядом с ногой Кэнсина.

– Ты ничтожный ублюдок. – Он закашлялся.

Кэнсин направил острое катаны на горло юноши.

– Кто ты? – спросил он. – Скажи мне, кто ты, и ты умрешь быстро. Безболезненно. С долей чести.

Тот резко рассмеялся. Почти безумно.

Кэнсин еще сильнее надавил на рану. Молодой вор вскрикнул, затем стиснул зубы.

– Что вы за отвратительные, бесчестные люди? – крикнул Кэнсин в темноту. – Как вы можете заставлять вашего человека страдать, пока сами стоите, смотрите и бездействуя?

Зловещий смех раздался из-под навеса зернохранилища.

– Полагаю, теперь мы почти такие же отвратительные, как и ты, Хаттори Кэнсин. Благородный самурай, пытающий раненого, беспомощного мальчишку, чтобы заставить нас ответить.

Кэнсин вздрогнул.

– Вы довели меня до этого.

– Меньшего я от тебя и не ожидал, Дракон Кая... – Кэнсин почти мог представить себе безликую усмешку, сопровождавшую эти слова. – Что ты будешь обвинять других в своих собственных действиях. Как будто у тебя не было выбора. И при этом ты утверждаешь, что следуешь бусидо.

Ярость снова вспыхнула под кожей Кэнсина:

– Как ты смеешь так со мной разговаривать? Кто ты такой, чтобы говорить подобное?

Другой голос прорвался сквозь ночь, более мягкий. И все же бесконечно опасный.

– Мы ничто. Мы никто... – Сквозь тьму послышались шаги. В воздухе вокруг него начал собираться низкий гул. Странный и полный злобы.

– И мы *везде*.

С одной стороны зарычал зверь. Желтые глаза вспыхнули в тени.

Гул стал громче.

Затем как будто гигантский кулак ударил в центр земли – взрыв снес ворота зернохранилища.

И на них обрушилась стена огня и земли.

Она сделала это, чтобы спасти Кэнсина. Чтобы ее брат выжил.

Марико было все равно, что случится с Оками. Совершенно не заботил Ранмару.

Ее не волновало, что раненый Рэн лежал у ног ее брата.

Ей было все равно все это, когда она подожгла огненную бомбу. Когда скатилась на землю и бросила ее перед воротами в амбар. Когда она отвлекла внимание, позволив Черному клану сбежать.

Она сделала это ради Кэнсина.

Марико зашевелилась, приходя в сознание. Голова пульсировала. Она дотронулась до своего уха и обнаружила струйку теплой крови, стекающую с его края. Затем она поползла на четвереньках к опрокинутой тележке, наполненной разбитыми фарфоровыми мисками. Взрыв сорвал ворота в амбар. Поскольку члены Черного клана прятались вдоль задней части крыши и по бокам, их не убило взрывом. Но некоторые потеряли сознание, как Марико.

Крики эхом раздались в ночи, когда амбар загорелся.

Рядом с ней просвистела стрела, что заставило ее полностью прийти в себя. Усилило гул в ушах. Сквозь огонь она увидела, как Кэнсин замахнулся мечом на черное пятно.

Ее пульс участился, в горле пересохло.

Черное пятно внезапно остановилось. Кэнсин взмахнул катаной, когда Оками наклонил бо в сторону, готовый нанести удар.

– Хватай Рэна! – крикнул Ёси за спиной Марико.

Слуги ее семьи бросились в ночь, лихорадочно выискивая ведра, миски – хоть что-нибудь, что могло бы остановить разгорающееся пламя.

Марико выпрямилась, сидя неподвижно и наблюдая, как ее брат принимает решение.

Наблюдая за тем, как Оками делает выбор.

Кэнсин двинулся в атаку, когда Оками рванул, растворяясь. Затем со своего места рядом с телегой Марико увидела, как Рэн исчез в вихре тьмы.

Оками спас Рэна вместо того, чтобы атаковать Кэнсина.

В этот момент Марико поняла, что тоже не может просто сидеть здесь и смотреть, как страдают другие.

Когда она поднялась, чтобы помочь потушить огонь, один из пехотинцев ее семьи заметил ее. В глазах этого молодого человека она,

должно быть, выглядела как обычный мальчишка в черных одеждах. Солдат тут же наложил стрелу на свой лук. Не задумываясь ни о чем, Марико разбила дымовую завесу у своих ног и бросилась за телегу. Она вытащила свой танто, ее пульс бешено метался.

Стрела не попала в нее, но солдат пронесся сквозь дым, намереваясь загнать ее в угол.

Он поднял свой меч, и Марико поняла, что ей придется сражаться. Придется помешать ему стрелять в нее. Недолго думая, она выбежала из-за телеги и кинулась ему на колени. Он рухнул на землю, и Марико подняла свой танто, угрожающе размахивая им. Солдат с ненавистью ударил ее по лицу.

Искры света пронзили ее зрение. Марико схватилась за щеку, когда один глаз наполнился слезами.

Молодой солдат попытался встать. Марико вонзила кончик своего танто в его руку, прижимая к земле, звук скрежета кости о металл заставил ее содрогнуться. Он хрипло закричал, а затем схватил ее за лодыжку, когда она попыталась сбежать, и повалил на землю. Они боролись за его клинок, и солдат схватился за ее косодэ сзади, пытаясь заставить ее сдаться. Ткань разорвалась настолько, что он увидел муслиновые повязки вокруг ее груди.

Его глаза расширились от шока. Затем сузились в безудержной ярости.

– Ты... сука! – Он попытался задушить ее свободной рукой. – Что за шлюха может сражаться вместе с убийцами и ворами? Ты шлюха Черного клана? *Что ты за женщина вообще?*

Марико закашлялась. Вцепилась ногтями в его лицо. Пальцы другой руки заскребли по земле, натываясь на гладкий холодный фарфор. Одним движением она ударила солдата миской по голове. Он снова обозвал ее грязным именем, когда она уселась на него сверху.

Он ударил ее. Ее щека была разбита. Этот мальчишка пытался выстрелить в нее стрелой. Пытался задушить. Марико могла бы убить его, как он хотел убить ее. Она могла бы убить его, как убила того мужчину в лесу.

Этот солдат заслужил это за свои действия.

Марико сжала кулак и ударила его по лицу.

Когда он плюнул в нее, она снова ударила его.

За все те разы, когда мужчина заставлял ее бояться. За все те разы, когда ее заставляли думать, что с ней что-то не так. За все те разы, когда ее заставляли верить, что девочка чем-то хуже мальчика.

Она снова ударила его. Он еще раз обозвал ее, и костяшки ее пальцев снова встретились с его лицом. Вскоре она ничего не почувствовала кулаком.

– М-Марико? – позвал заикающийся голос справа от нее.

Как только она встретилась глазами со своим братом, крыша амбара рухнула в шквале дыма и пепла.

И темная тень схватила ее, ночное небо закружилось.

* * *

– Кэнсин! – закричала Амая сквозь клубы дыма и сноп искр.

Не может быть, чтобы это была его сестра.

Этот худощавый мальчишка с лицом, покрытым красными брызгами, до крови избивший одного из его людей, не был Хаттори Марико. Кэнсин покачал головой, пытаясь отогнать видение.

– Кэнсин! – снова закричала Амая.

Он обернулся и увидел, как она плещет воду из ведра в сторону горящего амбара.

– Внутри застряли работники, – умоляющим голосом воскликнула она, – они пытались спасти что-то из наших запасов. Если мы не спасем их, они сгорят заживо!

Отец Кэнсина остановился неподалеку.

– Вытащи наших людей, – приказал он, разглаживая складки своего тонкого шелкового кимоно.

Обычно Кэнсин первым безоговорочно следовал любому приказу Хаттори Кано. Но в этот момент часть Кэнсина едва могла услышать слова отца. Он все еще терялся в воспоминаниях о том, что было мгновение назад. И ему отчаянно хотелось разыскать сумасшедшего юношу с лицом, так похожим на лицо его сестры.

Амая откинула волосы с влажного лба и рванула к амбару.

– Что ты делаешь? – спросил отец Кэнсина.

Огонь вспыхнул в прекрасных серых глазах Амаи:

– Там наши люди.

– И несколько слуг. – Лицо отца стало суровым. – Не рискуй собой ради слуг. Попытайся спасти наших солдат. Если не сможешь, то так тому и быть.

Ее губы скривились от отвращения, а затем она направилась к горящему зернохранилищу с высоко поднятой головой. Кэнсин помчался к огню, пробираясь сквозь дым.

– Амая! – крикнул он.

Она вытаскивала мужчину из пламени. Пот уже стекал с ее лба, заливая воротник кимоно. Кэнсин понял по одежде мужчины, что тот слуга. Амая действовала наперекор приказам Хаттори Кано.

В углу Кэнсин заметил одного из самураев своего отца. Мужчина был без сознания, с раной на голове и ногой, застрявшей под расколотой балкой. Он направился к самураю, чтобы помочь.

Амая позвала его:

– Помоги мне, Кэнсин!

– Брось слугу, – ответил Кэнсин. – Помоги мне с Фумио-сама.

– Не спорь со мной! – ответила Амая.

– Мой отец сказал...

– Мне плевать, что сказал твой отец. Помоги мне спасти этого человека. Помоги мне спасти эту жизнь.

Кэнсин тяжело вздохнул, его глаза вспыхнули безумием. Затем он схватил слугу за плечи и, спотыкаясь, вышел из пламени. Его отец ждал снаружи, каждая часть его тела напряглась от ярости. Прежде чем Хаттори Кано успел сказать хоть слово, Кэнсин и Амая снова пронеслись сквозь пламя и вдвоем сумели поднять расколотую балку и оттащить Фумио-сама в безопасное место.

Другая сторона амбара накренилась внутрь, объята пламенем.

– Достаточно, Амая, – сказал Кэнсин хриплым от дыма голосом.

– Внутри еще двое – женщина и мальчик, работающие в зернохранилище. Мы должны помочь им. Они оказались в ловушке, потому что пытались потушить огонь! – Она развернулась, чтобы бесстрашно вернуться в пламя.

– Нет. – Кэнсин схватил ее за запястье.

Глаза Амаи были умоляющими:

– Мы должны спасти их.

– Не рискуйте собой, – возразил отец. – Вся конструкция рухнет в любой момент.

Кэнсин заколебался:

– Амая...

С выражением чистого отвращения она бросилась в огонь.

Отец Кэнсина схватил его за плечо, удерживая на месте. Держа его как можно дальше от любой опасности. Кэнсин снова помедлил, прежде чем утвердиться в решимости. Он не мог оставить Амая одну бороться с пламенем. В тот момент, когда он вырвался из хватки отца, стены амбара подкосились.

Недолго думая, Кэнсин бросился к ревущему огню.

Потребовались три солдата его отца, чтобы удержать его.

– Ее больше нет! – крикнул Хаттори Кано.

Кэнсин смотрел на пламя, пока его глаза не начали гореть.

– Какая глупая трата жизни, – произнес его отец, прежде чем направиться прочь.

Меня зовут Марико

Оками тошнило. Он позволил себе опорожнить желудок, пока ничего не осталось. И все равно дрожь не останавливалась. И все равно он чувствовал, как холодный пот стекает по его спине.

Он никогда раньше не летал так далеко. Никогда раньше не нес такую ношу.

Вдалеке позади него он мог видеть пламя. Услышать крики. Горящий амбар и его многочисленные жертвы. Оками мог только надеяться, что Черный клан исчез в лесу, позволив густой завесе ночи скрыть их от посторонних глаз.

Он надеялся, что Ранмару смог забрать Рэна с собой. Надеялся, что его братья из Черного клана избежали последствий этого внезапного взрыва.

Когда Оками закончил опорожнить желудок, он вытер рот. Хотя он продолжал дрожать, он снова взвалил на плечи бессознательное тело.

Эта девушка.

Эта проклятая, ужасная девушка.

Эта бесчестная лгунья.

Марико. Ее звали *Марико*.

Оками видел, когда Дракон Кая заметил ее. Услышал, с какой безошибочной фамильярностью Хаттори Кэнсин позвал ее.

По правде говоря, Оками был рад, что она потеряла сознание от силы рывка, когда он взмыл с ней в небо, опираясь только на ветер и дым. Или, возможно, это произошло из-за комбинации нескольких событий – взрыв, причиной которого, несомненно, была эта проклятая девчонка, и то, что она была поднята под облака. Что бы это ни было, Оками не мог с ней разговаривать. Не мог видеть, как еще больше лжи слетит с ее губ, напоминающих розовый бутон.

Ему нужно решить, что сделать в первую очередь.

Хаттори Кэнсин знал, кто она. Был только один возможный вариант для этого факта. Ранмару сказал ему, что у Хаттори Кэнсина была сестра-близнец.

Ее звали Марико.

Поэтому эта странная девушка с богатым воображением – эта девушка, которая привлекла внимание Оками своими сияющими глазами, которая запутала его до невозможности, которая бесстрашно сражалась с ним, используя слова и мечи, которая смутила все его чувства, как никто никогда прежде, – могла быть только сестрой Дракона

Кая.

Оками чуть не рассмеялся над собой, задыхаясь от последней вспышки боли. От последнего бремени, которое пришло с его силой. Бремени, которое он выбрал добровольно.

За всю свою жизнь Оками никогда не думал, что найдет любовь.

Потому что он никогда не искал ее. Любовь была бременем, которого он не хотел. Пока другие описывали ее как стрелу или молнию, он лишь усмеялся про себя. И то, и другое могло убить. Для него любовь не была выстрелом в сердце. Чем-то внезапным и непредсказуемым.

Любовь была восходом солнца. Багровым пятном, которое поднималось как предупреждение. Медленно и почти тайно.

Тайна, которой Оками не был рад.

Девушка, которая похитила сердце Оками своей ложью и острым умом.

Была сестрой Дракона Кая. Хаттори Марико.

* * *

У Марико раскалывалась голова.

Снова и снова она слышала голос брата. Видела выражение его лица.

«Марико?»

Когда она открыла глаза, то первым делом закашлялась. Ее рука двинулась к губам, когда она скорчилась от боли. Ее пальцы были туго обмотаны муслиновыми бинтами. Вокруг нее была прекрасная комната. Темное дерево и раздвижные двери с шелковой тканью. Запах, наполнявший воздух, был знаком. Сладкая слива и жимолость.

Марико была в чайной в Ханами. Ее перевязанные руки зашуршали по элегантным покрывалам, когда она попыталась сесть

прямо.

И обнаружила Оками, сидящего поблизости.

Она робко улыбнулась. Он не ответил тем же.

– Я потеряла сознание? – спросила она.

Его лицо не было холодным. И при этом на нем не было ни следа радости. Оно было... пустым.

– Нет.

– Тогда почему я так долго спала?

– Ты была тяжело ранена.

– Что ж...

– Я усыпил тебя.

Ее губы сжались.

– Почему ты...

– Я же говорил тебе, что задолжал рану. Теперь мы квиты.

Она медленно моргнула.

– Что?

– Я оставляю тебя здесь с Юми. Твоим рукам потребуется время, чтобы зажить. Не пытайся вернуться в лес. Если каким-то чудом тебя никто не видел в ту ночь, то все равно долго скрывать от них твою тайну не получится.

– Но... Я хочу вернуться, – сказала она. – Я... я не хочу уходить. – Как только она произнесла эти слова, Марико была поражена, что это была правда.

– Меня не волнует, чего ты хочешь.

Холод его слов пронзил кожу Марико до самых костей.

– Оками...

– Рэн может умереть от ран. И мы потеряли двух наших людей в бою.

Глаза Марико расширились.

Темный взгляд Оками оставался тяжелым, пока он бесчувственно смотрел на нее.

– Ты могла предотвратить это.

За все время общения с Волком – когда он показывал крошечные проблески своей правды – она никогда не считала его мрачным. А теперь он говорил подобным тоном с ней? Это еще больше встревожило Марико.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. Как я могла предотвратить это?

– Не лги мне больше, Марико.

Ничто больше не могло заглушить рев в ее ушах.

– Что? – переспросила она.

– Я слышал, как Дракон Кая назвал тебя по имени. У Хаттори Кано была дочь. Мы слышали, что она была убита в лесу Дзюкай. Не надо говорить мне, что ты не она. Не отрицай, кто ты есть, когда сталкиваешься с правдой. Имена обладают невыразимой силой.

– Вы слышали? – Марико встала, ярость внезапно наполнила ее силой. – Вы *слышали*, что ее убили? Может быть, ты имел в виду, что вы виновны в ее убийстве?

Оками оставался таким неподвижным, что Марико чуть не вытянула руку, чтобы посмотреть, не застыло ли время вокруг нее.

– Поэтому ты заставляешь меня остаться здесь? – продолжала она, и голос ее задрожал. Она должна была почувствовать стыд, но его не было. – Потому что, если Ранмару узнает, кто я такая, он попытается завершить задачу, которую провалил в прошлом месяце?

Оками поднялся на ноги.

– Это последнее, что я могу для тебя сделать. Оставайся здесь, пока не выздоровеешь. Потом уходи своей дорогой.

– Ответь мне! – Марико споткнулась об одеяло. Схватила его за воротник косодэ, пытаясь удержать на месте. Чтобы услышать ответ. – Ты убил людей моего отца? Ты пытался меня убить?

Оками высвободил свой воротник из ее пальцев и мягко оттолкнул:

– Вернувшись в лес, я расскажу все остальным. Если они увидят тебя снова, то убьют. Не ищи нас. Для тебя Черный клан мертв.

– Скажи мне! – воскликнула она.

– Сначала скажи мне свое имя. Назови свое имя. Признайся, кто ты! – Его глаза блестели. Первые признаки неконтролируемого чувства, которые Марико увидела в нем с тех пор, как очнулась.

Она выпрямилась:

– Меня зовут Хаттори Марико.

Оками кивнул:

– Если когда-нибудь настанет день, когда я попытаюсь убить тебя, Хаттори Марико, ты это узнаешь. – С этими словами он ушел, двери

сошлись за его спиной с последним щелчком.

Это всегда было возможно – хотя и маловероятно, – что Марико ошибалась насчет Черного клана. Но теперь, когда она столкнулась с реальностью, то поняла, что не знает, что ей делать.

Через мгновение в комнату вошла красивая майко – его сестра Юми.

– Что ты ему сказала? – спросила Юми.

– Он не скажет мне правды. Он не ответит мне, почему пытался убить меня.

Она нахмурилась, ее прекрасное лицо сморщилось:

– Я не верю, что он пытался убить тебя.

– А почему нет? – воскликнула Марико. – Они же это и делают. Это то, кто они такие! И теперь я никогда не узнаю правды. Они не позволят мне вернуться в лес. Не позволят вернуться в... – «в единственное место, где я чувствовала себя своей». Она разрыдалась, ее слова прервались.

Юми поставила поднос с едой, который держала в руках. Она опустилась на колени рядом с Марико.

– Если ты действительно считаешь Оками – и Ранмару – такими людьми, то ты больше никогда не заслуживаешь их знать, Хаттори Марико.

Потерянная в пепле

Кэнсин сидел на земле, облокотившись на колени. Он смотрел вдаль, ничего не видя.

Струйки темного дыма продолжали подниматься над тем, что осталось от зернохранилища его семьи.

Но он не мог думать об этом.

Он даже не мог представить, что прошлой ночью видел свою сестру. Это было невозможно. Уловка дыма. Танец гонимого ветром пламени.

Даже мысли о Марико были вытеснены из его головы.

Кэнсин не мог думать ни о чем другом, кроме Амаи.

Ее больше нет.

Огонь убил единственную девушку, которую он когда-либо любил. Они обыскали развалины в поисках ее останков и не смогли найти ничего значимого. По меньшей мере еще две души погибли в огне.

У Мурамасы Амаи даже не будет надлежащих похорон. Кэнсин больше никогда не увидит эти мягкие серые глаза и не услышит ее музыкальный смех.

Он должен был остановить ее. Должен был уберечь ее от этого последнего рокового пути. Но Кэнсин никогда и не должен был присматривать за Амаей. И быть хранителем ее сердца. Он давно сказал ей найти другого. Найти человека, на плечах которого не лежит другая ответственность. Который однажды не унаследует дело своего отца. Амая посмеялась над ним и сказала, что не хочет, чтобы Кэнсин был ее героем. Она просто хотела держать его за руку. Быть его утешением, как он был ее.

Кэнсин должен был остановить ее. Прошлой ночью. И тогда, много ночей назад.

– Что ты собираешься с этим делать? – Отец стоял рядом с ним, его лицо было осунувшимся. Суровым. – Урожая не будет еще несколько месяцев. Я могу увеличить дань, что беру с тех, кто обрабатывает нашу землю, но это может погубить нас. Теперь, когда

мы потеряли приданое твоей сестры, нам может не хватить зерна до следующего урожая.

– Ее больше нет, – вслух произнес Кэнсин, слова были как будто со вкусом пепла, когда он поднялся на ноги.

Они двинулись мимо тени обгоревшего амбара.

– То, что случилось с дочерью Мурамасы-сама, – это очень печально. Если этот урожай будет обильным, мы сможем подарить ее отцу кошелек с золотом. Конечно, ему всегда найдется у нас место. Но это не главное, Кэнсин. Ты мой сын. Дракон Кая. – Хаттори Кано поднял взгляд и искоса посмотрел на своего сына. – Что ты намерен сделать с кражей и уничтожением имущества твоей семьи?

Ярость охватила Кэнсина, горячая и быстрая. Его отец думал подарить Мурамасе-сама кошелек с *золотом*? Разве может это считаться компенсацией за то, что уважаемый кузнец потерял? Его отец должен валяться у ног кузнеца, вымаливая прощение! Прося об искуплении. Кэнсин повернулся, намереваясь поспорить с отцом единственный и последний раз. Попытаться изменить его мнение. Повлиять на него, чтобы он увидел хороший, честный и праведный путь.

Кэнсин остановился как вкопанный.

Ведь именно таким всегда был его отец. Столкнувшись с препятствием, Хаттори Кано просто предлагал деньги, чтобы убрать их со своего пути. Зачем его отцу что-то менять ради простой дочери знаменитого ремесленника?

Кэнсин знал, что лучше не пытаться убедить Хаттори Кано, что праведный путь был правильным. На самом деле он знал, что лучше вообще не убеждать отца в чем-то, что не соответствует устоявшемуся образу мыслей Хаттори Кано.

Тем более что то, что теперь собирался сделать Кэнсин, не имело ничего общего с обугленными руинами амбара его клана. Ничего общего с честью или уважением.

Он никогда не забудет выражение отвращения на лице Амаи перед тем, как она забежала в зернохранилище, чтобы закончить то, что должен был начать Кэнсин.

Самый последний взгляд, которым они обменялись.

Перед тем как выпотрошить каждого члена Черного клана, он сначала сожжет их.

Тогда, по крайней мере на мгновение, они поймут его боль.

* * *

Юми подошла к ней по татами, держа в руках поднос с едой. То, как она двигалась, напоминало Марико лебедя, скользящего по пруду, с прямой шеей и безупречными шелковыми перьями.

– Я вполне способна есть сама, – сказала Марико.

– Я и не собираюсь тебя кормить, – ответила майко, черты ее лица были почти чопорны в насмешке. – Я не твоя служанка. Я здесь только для того, чтобы помочь, так как твои руки еще не зажили.

– Я обещаю, что буду продолжать заботиться о них. Могу я уйти?

– Не можешь. Я обещала Оками, что присмотрю за тобой. Давая обещания, следует понимать их ценность.

– Я ничего не понимаю, – Марико попыталась скрестить руки на груди, но ей помешали громоздкие повязки на руках. – И мне не нужна ничья помощь.

– Понятно, – тон красавицы не был снисходительным. Хотя Марико знала, что заслуживает покровительственного тона за такую капризность.

Марико вздохнула, признавая поражение:

– Я думала, что у меня есть ответы на все вопросы. Или, по крайней мере, на большинство из них. Теперь я осознаю, что ничего не понимаю.

– Но ведь это знание и является ключом к пониманию мира, ты так не думаешь? – сказала Юми, опускаясь на колени рядом с Марико и протягивая ей миску с дымящимся рисом.

Марико подтолкнула кончик своей ложки перевязанным пальцем.

– Ты когда-нибудь злилась, что родилась женщиной?

Юми села на пятки и какое-то время изучала Марико.

– Я никогда не злилась, что родилась женщиной. Были времена, когда я злилась на мир за отношение к нам, но я рассматриваю женскую долю как вызов, с которым должна бороться.словно рождение под грозовым небом. Некоторым посчастливилось появиться на свет в ясный летний день. Может быть, мы родились под облаками.

Без ветра. Без дождя. Просто под горой облаков, на которую мы должны взбираться каждое утро, чтобы увидеть солнце.

Пока слова Юми забирались под кожу Марико, она рассматривала идеальное лицо майко. Ее красивые глаза, по форме напоминающие ягоды терна. Ее острый подбородок и широкие губы. Затем взгляд Марико скользнул по комнате Юми. По элегантно натянутому кимоно. По горшку из слоновой кости, наполненному порошком из дробленого жемчуга. По румянам для губ и щек, приготовленным из сафлора. По дереву павлонии, используемой для бровей. По косметике и шелку, предназначенным для того, чтобы скрыть и в то же время подчеркнуть черты лица женщины.

Марико подумала, что, вероятно, все мужчины и женщины носили маски, просто разные.

– Но как ты можешь говорить, что не злишься? – тихо спросила она. – Твой брат оставил тебя здесь, потому что другого места, где бы ты была в безопасности в одиночестве, не было. Кроме чайной гэйко в Ханами для молодой одинокой женщины нет другого места.

– Мой брат привел меня сюда, потому что он слишком труслив, чтобы заботиться обо мне, – коротко сказала Юми. – Это не имело никакого отношения к тому, что я девушка.

Хотя Марико удивилась, услышав, как Юми назвала Оками трусом, она не могла не согласиться с этим.

– Нам дают меньше, – продолжала она аргументировать свою точку зрения. – С нами обращаются хуже. И всякий раз, когда мы совершаем ошибку, она весит гораздо больше.

– Единственные большие ошибки – это те ошибки, которые остаются незамеченными.

Марико фыркнула:

– Я устала от такого обращения.

– Ты чувствуешь, что больше не можешь дать отпор?

– Бóльшую часть своей жизни я его и не давала.

Юми рассмеялась, и этот звук напомнил ей звон колокольчиков.

– Оками предупредил меня, что ты настоящая лгунья. Теперь я понимаю, что он имел в виду.

– Почему ты думаешь, что я лгу?

– Потому что ты, Хаттори Марико, не из тех, кто соответствует чьим-либо ожиданиям. Разве это не способ дать отпор? – Она

улыбнулась. – Поверь мне, я бы не хотела стоять у тебя на пути.

– Поверь мне, ты единственная, кто так думает, – Марико нахмурилась.

Юми склонила голову с задумчивым выражением лица:

– Есть определенная сила в том, чтобы быть женщиной. Но это сила, которую ты должна выбрать сама. Никто не сможет выбрать ее за тебя. Мы можем заставить ветер склониться к нашему уху, если только попробуем. – Она наклонилась ближе. – Разве не ты изобрела взрывающийся огонь? Разве не ты сломила волю бесчисленного множества мужчин только плодами своего разума?

– Я ничего не могу сломить. Я даже твоего брата не могу заставить меня слушать. Вся твоя семья невыносима. – Марико снова попыталась скрестить руки на груди. И у нее снова не вышло. – Не веди себя так, будто загадочность добавляет тебе что-то помимо раздражения других.

Юми снова рассмеялась, тихо и лирично. Раздался стук в раздвижную дверь ее комнаты. Майко поднялась, чтобы открыть, и вернулась с запечатанным листом пергамента. Пока Юми читала, уголки ее губ опустились. Ее глаза сузились.

Не говоря ни слова, майко сожгла письмо.

– Что там? – спросила Марико.

Юми осторожничала. Прикусила губу.

Марико отставила миску с несъеденным рисом.

– Ты что-то знаешь, не так ли?

– Я знаю много вещей, о которых никогда не должна тебе рассказывать. – Это было высокомерное заявление. Такое, которое Марико предпочла проигнорировать.

Она наклонилась вперед.

– Все равно расскажи мне, Асано Юми. И хотя бы на один день мы сможем подняться на гору вместе.

Улыбка Юми стала многозначительной.

– Моя верность принадлежит не тебе, Хаттори Марико.

– Тогда кому?

– Моему брату и его господину, Такэде Ранмару.

– Тогда зачем ты говоришь обо всем этом при мне? – настаивала Марико.

– Какое-то время мой брат не вернется в столицу. Но мне нужно передать Оками сообщение.

– Какое?

– Хаттори Кэнсин отправился в поход на западную окраину леса Дзюкай, – она сделала паузу, – намереваясь спасти свою сестру.

– Почему именно сейчас? – воскликнула Марико, отбрасывая вышитое покрывало. – Слухи о том, что Черный клан несет ответственность за мою предполагаемую смерть, ходят уже несколько месяцев!

– Я не могу сказать, почему он выдвинулся против них сейчас. Но эта информация должна быть передана моему брату.

– Как ты обычно связываешься с ним?

– Оками часто приходит сюда. К сожалению, мне так и не сказали, как найти их лагерь. Мой брат считал, что мне слишком опасно знать об этом. Это было то знание, за которое мне могли навредить. – Юми подседа ближе, аккуратно заправляя бледно-зеленое кимоно под колени. – Ты уверена, что не сможешь найти их лагерь, если пойдешь искать его?

– Я понятия не имею, как его найти.

Голос Юми резко понизился:

– Как ты думаешь, ты бы могла попробовать? Ты должна им по крайней мере эту малость.

Часть Марико была согласна. Она действительно была кое-чем обязана Черному клану. Точно так же, как и они задолжали ей объяснение. Если не они ответственны за нападение на ее конвой и попытку убить ее, то кто? Кто пытался выдать себя за них в ту злополучную ночь в лесу?

– Я могу попробовать. Как ты, – она сглотнула, – думаешь, Оками действительно раскрыл мою личность Черному клану?

– Я никогда не слышала, чтобы Волк Хонсё^[65] делал пустые угрозы.

Марико медленно вдохнула.

– Они могут не встретить тебя дружелюбно, когда ты вернешься, – предупредила Юми. – Они перерезали глотки другим и за меньшее.

Осторожно кивнув, Марико приняла решение:

– Можешь мне помочь кое с чем?

– Если это никому не вредит, тогда да. С чем?

Марико вскочила на ноги и начала разматывать бинты на одной руке:

– Если я иду на смерть, то я отправлюсь на нее девушкой. Без страха.

Теневой воин

Марико больше не боялась.

Время, проведенное с Черным кланом, научило ее, что избегание страха делает ее слабой. Принятие его дает ей силу.

«Истинная слабость – это слабость духа».

Марико жила богатой жизнью со множеством привилегий. Жизнью, проживаемой в блаженном неведении о страданиях вокруг нее. Жизнью, которую она сама никогда не ценила в полной мере. Ее мать никогда ничего не отдавала, не ожидая чего-то взамен. Ее отец всегда только брал.

А Кэнсин?

Кэнсин отдавал другим из чувства чести и ответственности. Но честь и ответственность подвели его в ту ночь. Марико видела, как он пытал Рэна. Видела последствия его попыток найти ее в лесу Дзюкай. Окровавленные тела невинных людей. Старика, любимого столь многими.

Всего несколько дней назад Марико была причиной огромного хаоса, разразившегося у нее на глазах. Ее изобретение принесло разрушения ее людям. Несомненно, ранило некоторых. И она до сих пор не знала, что случилось с остальными членами Черного клана.

С ее... друзьями?

Да. Если они больше не были ее врагами, возможно, однажды Марико сможет назвать их своими друзьями. Прежде всего Ёси. Он всегда был добр к ней. Предложил свое покровительство и вкусную еду. Смех в моменты, когда она отчаянно в нем нуждалась. А Ранмару был для Марико странным источником уверенности. Этот юноша с почти таинственным характером, который, тем не менее, казался простым и был прямолинейным во всех своих поступках. Даже Рэн – ее бывший мучитель, – хотя, если подумать, Марико решила, что он никогда не сможет стать ее другом. По крайней мере пока она не сможет застать его врасплох несколькими своими точными ударами.

А Оками? Нет. Они никогда не смогли бы стать настоящими друзьями.

Все равно Марико не была уверена, что хочет быть Волку другом. Сможет ли она когда-нибудь подружиться с этим парнем после того, как она мечтала о том, чтобы его мозолистые руки прикоснулись к ее голой коже? Чтобы его покрытые шрамами губы прижались к ее собственным?

Она полагала, что это невозможно.

У Марико никогда раньше не было друзей. Настоящих друзей. Тех, кого не отталкивала ее семья или ее странность. Ее непонятное желание знать все и вся.

Только когда Марико впервые вошла в лес, переодевшись мальчиком, она осознала, насколько маленьким был ее мир. Что значит столкнуться с настоящим препятствием. Что значит быть по-настоящему счастливой в мире, где никто не ставит под сомнение ее место.

Черный клан может отвергнуть ее.

Они могут даже убить ее.

Оками предупредил, что все им расскажет. Он сказал, что больше не обязан хранить ее секрет. Не после того как она предала их, помогая своему брату.

Их врагу.

Марико остановилась на поляне, где погиб Акира-сан. Где Кэнсин потерял свой путь. Сгоревший навес все еще стоял. Она посмотрела на деревья. Изучила зубчатый силуэт горы вдалеке.

Силуэт, который она часто изучала в лагере.

Все говорили Марико, что она никогда не сможет покинуть их лагерь. Что она не сможет бежать.

Но сможет ли она вернуться, если попытается?

На северо-восток. Если Марико пойдет в этом направлении, возможно, она найдет какую-нибудь тропу. Какие-нибудь свидетельства того, где находится лагерь.

Маловероятно. Но возможно. Это шанс, с которым Марико была готова работать.

Она пошла на северо-восток, не сводя глаз с горы.

Марико надеялась, что если существует шанс найти лагерь Черного клана, не попав в ловушку, то она будет первой, кто это сделает.

Солнце скрылось за деревьями. Бело-золотое сияние отмечало горизонт.

Сумерки были неизбежны.

Скоро Марико потеряется в лесу Дзюкай. Потеряется среди ёкаев. Среди дзюбокко. Потеряется среди тех, кого недавно предала.

Она шла осторожно, выискивая следы черных цветов. Принюхивалась к воздуху в поисках запаха крови. Ища виноградные лозы, покрытые шипами. Наблюдая за всем, что казалось необычным.

Страх не давал ей покоя. Она всегда позволяла ему кормить себя. Но никогда не позволяла ему поглотить ее.

Марико остановилась как вкопанная, когда в темноте вспыхнула пара желтых глаз.

Она узнала эту пару желтых глаз.

Когда вокруг них очертилась форма зверя, Марико затаила дыхание. Он смотрел на нее, как и прежде, склонив голову набок. Затем он отклонился назад и завыл. Звук был негромким, но затем начал расширяться, наполняясь тяжестью множества других голосов, низких и тонких. Он эхом разнесся между деревьями, отражаясь в ночи.

Она не боялась.

Затем зверь повернулся. Ожидая, что она последует за ним.

В тот прошлый раз – когда грязный бродяга преследовал Марико в ночь нападения на ее конвой – зверь предупредил ее.

Сегодня она доверится ему. Часть ее осознавала, что она почти ждала, что он найдет ее, как в тот первый раз.

Он пробирался сквозь грязь и сухие листья. Марико осознала, что он двигается бесшумно. Когда она попыталась приблизиться, он повернул к ней голову.

Зверь был окружен темным дымом. Возможно, даже соткан из него. Она последовала за ним по склону. Пока они не оказались перед прудом с пресной водой. Несмотря на полную темноту, зверь шагал с потусторонней уверенностью. Затем он растворился в дуновении ветра, его глаза почернели во тьме. Марико стояла в плотной роще. Смолкло стрекотание насекомых, смолк тихий шорох листьев.

Она ничего не слышала.

Затем в темноте на ее пути вспыхнул одинокий факел.

Он мелькнул среди ветвей, приближаясь к ней. Пульс Марико участился, но она не боялась.

Она была сильной. Свободной.

Другие факелы возникли вокруг нее. Все они тянулись к ней, как вода, собирающаяся у плотины. За каждым огненным кольцом материализовались фигуры. Более темные, более плотные тени, окутанные ночью. Но материальные.

Все они были в масках. Все одеты в черное. Глаза окрашены толстой линией черной туши. Марико знала, что они увидели ее. Увидели девушку, одетую в простое бледно-розовое кимоно, подол которого был в грязи от ее ходьбы по лесу.

К началу отряда теней двинулась фигура. Она остановилась перед ней. По ее росту и осанке Марико поняла, что это Ранмару.

– Чтобы стать тeneвым воином, лес должен сначала признать тебя, – заговорил он. – Он должен увидеть в тебе равного себе. Его союзника. – Его глаза на мгновение вспыхнули желтым. Он подмигнул ей.

Марико остолбенела, ее сердце замерло в груди. Зверь. Зверь, созданный из дыма и теней.

Это был Ранмару.

Это означало, что главарь Черного клана с самого начала знал, что Марико – девушка. Ей очень хотелось спросить его, почему он сохранил ее секрет. Почему он помог ей в лесу после нападения на ее конвой. И исчез, когда на нее напал пьяница.

Позже будет время для ее вопросов. Сейчас это не главное.

– Лес привел тебя сюда сегодня ночью, – продолжил Ранмару с многозначительной улыбкой. – Только те, кого он считает достойным, получают этот дар.

Марико вздернула подбородок, принимая объятия леса. Признание того, что она действительно нашла свое место здесь, в роще заколдованных деревьев, рядом с отрядом наемников, одетых в цвета ночи.

– Хаттори Марико... Согласна ли ты сражаться и умереть за своих собратьев – тeneвых воинов?

– Да.

– Согласна ли ты бороться за справедливость, невзирая на честь?

Марико прочистила горло, чтобы с уверенностью сказать:

– Да.

– Согласна ли ты считать всех, кто перед тобой, равными себе, независимо от происхождения или ранга?

– Да.

– Согласна ли ты использовать всевозможные уловки – даже ложь, обман и воровство – для достижения наших общих целей?

– Да.

– И умрешь ли ты, чтобы защитить эту тайну?

Она не колеблясь ответила:

– Да.

– Сегодня ты стала *кагэмусей*^[66]. Сегодня ты поклялась служить и защищать всех нуждающихся. – Договорив, Ранмару сделал шаг назад.

Листья рядом не зашуршали. Не было также звука шагов. Ветер не принес с собой запах теплого камня и древесного дыма. Но Марико почувствовала, когда Оками двинулся к ней. Ее тело наклонилось вперед по собственной воле, притягиваясь, как сухие листья к берегу реки.

Оками встал перед ней.

– Закрой глаза, – мягко сказал он. В одной руке он держал небольшой глиняный горшок, наполненный черной жидкостью.

Она позволила своим глазам закрыться, наслаждаясь тьмой. Принимая свои страхи.

– Будь быстра, как ветер. Безмолвна, как лес. Яростна, как огонь. Непоколебима, как гора. – Слова Оками окутали Марико, когда его пальцы медленно коснулись ее век, окрашивая их той же черной краской, что и у других. Его прикосновение было вспышкой тепла на ее коже. Когда он закончил, снова поднялся ветер. Деревья зашелестели от внезапного дуновения воздуха, и ветки радостно закрипели.

Как будто сам лес приветствовал ее.

* * *

Марико ворочалась в своей палатке, не в силах уснуть.

Она не понимала, почему ей не спится.

Черный клан принял ее. Ни один из них не отвернулся от нее, хотя все знали, кто она такая. Хотя все знали, что она сделала.

Она обманула их. Проникла в их ряды. Проложила себе путь среди них обманом. Перехитрила и предала их, причем несколько раз.

И они все равно приняли ее, несмотря на это, как будто она всегда была одной из них.

Никто в ее жизни никогда не принимал Марико такой, какая она есть. Ни ее родители. Ни знать. Даже Кэнсин хотел бы, чтобы она была другой. Хотел, чтобы она вписывалась, хотя бы в мелочах.

Но она никогда не делала подобного.

Теперь бояться было нечего. И все же Марико не могла уснуть.

Только когда она перестала ворочаться и посмотрела на покатый потолок своей палатки, она поняла, почему сон продолжал ускользать от нее. Оками ничего ей не сказал. Только приказал закрыть глаза. Приказал повторить слова, которые однажды он уже мимоходом произносил.

Остаток ночи Волк провел, прислонившись к искривленному стволу дерева. Когда Ёси подошел, чтобы заключить ее в довольно энергичные объятия. Когда Ранмару похлопал ее по спине, его ухмылка одновременно понимающая и таинственная. Когда каждый член Черного клана – по-своему – продемонстрировал ей свою поддержку. Свое чувство близости с ней.

Возможно, Оками не хотел, чтобы Марико была здесь.

Возможно, он был против, но был отвергнут высшим авторитетом. Отвергнут самим лесом. Деревья, должно быть, знали лучше всех, что место Хаттори Марико – и больше, чем кого-либо, – под сенью вздыхающих ветвей этого леса. Возможно, потому что она была гораздо изобретательнее всех этих мужчин, вместе взятых. Или, возможно, лес просто знал, что именно здесь кто-то вроде Марико – потерянной девушки, ищущей место, которое можно назвать домом, – сможет пустить корни и расцвести.

Она снова перевернулась, пиная свое тонкое шерстяное одеяло. Жаль, что у нее не было возможности сказать Оками, что Ранмару всегда знал, что она девушка.

Интересно, смогло бы это откровение посеять вражду между двумя друзьями?

Когда полог ее палатки приподнялся, омывая ее кожу прохладным ночным воздухом, Марико выдернула метательную звезду из-под своей соломенной постели и одновременно села.

Оками присел у входа.

– Брось ее или положи, – его голос не казался сердитым.

Но Марико не сразу положила метательную звезду.

Он ждал.

– Пригласишь меня внутрь?

– Это слова злодея.

– Я и *есть* злодей. Обманщик. Сын предателя. И многое другое.

– Я знаю.

– Так ты собираешься пригласить меня внутрь?

– А если нет?

– Тогда я больше никогда не буду просить приглашения.

Марико подвинулась в сторону, отбрасывая тонкое одеяло. На ней не было ничего, кроме белых нижних одежд, но это не имело значения. От него ей нечего было скрывать.

– Оставайся или уходи. Выбор за тобой. Но тебе всегда здесь рады. Во всех смыслах.

Оками нырнул внутрь палатки, позволив откидному пологу упасть за собой. Марико не спрашивала, почему он пришел в ее палатку глубокой ночью. Она не осмеливалась спросить, кровь бурлила в ее венах.

Он бросил на нее испытующий взгляд:

– Раньше я был несправедлив к тебе.

– Я солгала тебе, – заметила она. – И я ненавидела тебя.

– Я хотел тебя ненавидеть, – сказал он. – Было бы намного легче тебя ненавидеть. Но я не смог. – Оками лежал рядом с ней, длинный и худой. – Однажды я расскажу тебе все. О том, кем я был. О том, откуда я пришел.

Марико вытянулась рядом с ним, ее пальцы переплелись на животе.

– Мне все равно, кем ты был. Меня волнует только то, кто ты сейчас. И что ты сегодня со мной.

Он повернулся к ней.

– Я буду всегда. Во всех смыслах. – Оками провел большим пальцем по ее подбородку. Марико поддалась его прикосновениям,

когда он взял ее лицо в свои ладони. Когда он поцеловал ее закрытые глаза.

– Посмотри на меня.

Это прозвучало невинно.

Но ничто из того, что когда-либо говорил Оками, не было невинным.

Когда Марико открыла глаза, чтобы встретиться с его взглядом, она увидела ночь, полную звезд.

– Для меня ты волшебство. – Его голос был мягким. Он скользил по ее коже, как шелк. Слова, которые он говорил, были твердыми и непреклонными. Решительными. Они дарили Марико успокоение. Ибо она была столь же непреклонна. Столь же решительна.

Она поцеловала его запястье, затем потянулась к свободному воротнику его косодэ. Ее руки смахнули ткань, обнажая его во тьме. Когда его пальцы коснулись муслина ее тонкого нижнего халата, по ее спине побежали мурашки. Скольжение завязок между его пальцами было подобно искре, вспыхнувшей в темноте.

– Я хочу лежать рядом с тобой сегодня ночью, – сказал Оками.

– Как тебе не повезло, – пробормотала она, – потому что я хочу гораздо большего.

Он улыбнулся. Его губы коснулись подбородка Марико, и она обвила обеими руками его шею, притягивая к себе.

Оками схватил ее за запястья, прижимая их над головой одной рукой. Затем он провел кончиком пальца по краю повязок на ее груди, ослабляя их и стягивая.

Все это слишком медленно.

Она разочарованно вздохнула.

– Такая нетерпеливая. Ты всегда была такой нетерпеливой. – Зубами он отодвинул ткань ее нижнего халата. Он целовал каждую частичку неприкрытой кожи, его дыхание было шепотом и обещанием.

Марико снова вернула его к своим губам.

– Ты дрожишь, – поддразнила она.

– Мне холодно.

– Лжец. Скажи мне что-нибудь правдивое.

– Ты первая.

Она сглотнула с осторожностью.

– Я не служанка.

– Я тоже. – Он рассмеялся, когда она приложила руку к его лицу.

– Оками? – Она посмотрела ему в глаза. – Для меня ты тоже волшебство. – Марико прижала ладонь к его груди. – Мое сердце знает твое сердце. Сердце не заботится о хорошем или плохом, правильном или ложном. Сердце всегда правдиво.

Все следы веселья исчезли с его лица:

– Я могу лгать каждый день своей жизни, Хаттори Марико. Но мое сердце всегда будет говорить правду.

Больше ей ничего и не было нужно. Марико прижалась губами к его губам. Он обнял ее, проглотив ее вздох поцелуем. Заставляя ее гореть, когда его язык проник в ее рот. Она позволила огню пройти сквозь нее, пока каждая мысль в ее голове не превратилась в струйку дыма.

И Марико почувствовала это. Магию ночного неба, наполненного звездами. Магию заколдованного леса, в складках которого прячутся демоны.

Магию лжеца, укрытого правдой.

Она чувствовала это в каждом касании его губ, в каждом прикосновении его кожи к своей.

Обжигающее тепло этой новой эмоции. Она не осмеливалась дать имя этой надежде. Часть Марико понимала, что такое пламя лучше не трогать. Лучше не позволять чему-то добровольно сжигать ее. Но она ответила на объятия Оками. Ответила на каждый его поцелуй. На каждое прикосновение. Пока между ними не исчезло все остальное.

Кроме общих вдохов.

И невысказанных обещаний.

Лжи.

И незыблемой правды.

Черная орхидея

Канако наблюдала за своим сыном Райдэном, который сидел напротив сына ее врага. Она смотрела, как он смеется. Смотрела, как он внимательно слушает. Иногда перебивает.

Ее лицо было холодным и спокойным. Хотя внутри ее кровь кипела.

Император мечтал о мире, в котором оба его сына будут у власти. Року в роли императора. Райдэн в роли сёгуна.

В течение многих лет Канако улыбалась этой мечте. Улыбалась и дарила императору вкус своей силы. Вкус, опьянявший его. Держащий его в своем плену. Для нее не имело значения, что эта злая ведьма – жена императора – постоянно плохо с ней обращалась. Смотрела на нее сверху вниз, когда говорила. Принижала ее на каждом шагу. Для императора не было ничего необычного в том, чтобы иметь несколько жен. Для того, чтобы императрица унижала их из ревности или злобы.

Но Канако девятнадцать лет наблюдала, как эта карга плохо обращается с ее сыном.

Открыто издевается над ним. Открыто называет сыном шлюхи. Канако могла смириться с чем угодно, когда дело касалось только ее.

Но она больше не могла выносить презрения крошечной дьяволицы к Райдэну.

Император был ее любовником. Ее сын был ее любимым ребенком.

Когда дело дошло до верности Канако, не было никаких колебаний.

Она прошла через первый заколдованный мару. Прошла через следующую группу ворот. Затем еще одну. И еще. Канако остановилась перед цветущей орхидеей. Когда она подняла руку, поверхность ее листьев замерцала. Исказилась.

Дерево было заколдовано много лет назад искусной колдуньей. Канако взмахнула рукой в сторону цветов. Срезая фиолетовый бутон у основания дерева, она элегантно проплыла мимо лиан, увивавших ствол и ветви. Лозы заскользили к ее ногам, но тут же свернулись обратно, как будто оказались слишком близко к огню.

Перед ней ожила зеркальная поверхность. Канако прикоснулась пальцем к его центру и увидела, как восемь концентрических кругов расходятся от точки соприкосновения.

Она шагнула сквозь зеркальную поверхность в бесцветный сад. Все вокруг нее теперь было в оттенках серого и белого. Черного и серебристого. Ее кожа стала молочного цвета, создавая резкий контраст с ее кимоно. Многослойной композицией из окрашенного шелка.

Под деревом юдзу ждал мужчина. Его цитрусовый запах доносился до нее, резкий и свежий одновременно.

Мужчина стоял, одетый в парадные хакама, лицо его было мрачным.

Темно-серая лиса с золотыми глазами прохаживалась по углу закрытого сада. Затем замерла. В ожидании.

– У меня для вас другое задание, – сказала Канако мрачному мужчине.

– Значит, я наконец выйду из этого места?

– Время пришло. – Она сотворила из небытия шелковый кошелек. Серебряные кусочки внутри звякнули вместе, когда она передала его ему. – Вы должны сказать моему сыну отправиться в лес Дзюкай. Лиса укажет вам дорогу.

– Откуда лиса ее знает?

– Лиса – лесное создание. Она всегда наблюдает. Всегда все знает. – Канако тепло улыбнулась. – Скажите Райдэну найти Дракона Кая.

Взгляд мужчины стал жестче:

– Хаттори Кэнсина.

– В первый раз в лесу вы потерпели неудачу. Вот вам шанс исправить свою ошибку. Найдите сестру Дракона, и вы найдете того, кого мы ищем. Того, кто направит все на верный путь.

– Что мне сделать с Драконом, когда я закончу?

– Для меня не имеет значения, что произойдет с Хаттори Кэнсином. Найдите мне способ контролировать главаря Черного клана. Способ оказать влияние на сына Такэды Сингэна. Если он не придет ко мне по своей воле, то я буду дергать его за ниточки издалека и ждать.

– Этого от меня ждет император?

Канако поклонилась:

– Я во всем служу нашему императору. А вы послужите ему самым лучшим образом.

Мужчина кивнул и вернул ей поклон.

Канако передала ему цветок из своей руки. Орхидея почернела. Она глубоко вдохнула ее запах. Кровь и тяжелый мускус.

– Постарайтесь не испортить наш приз, Нобутада-сама.

– Конечно. – На мгновение его глаза остекленели. Стрдание отразилось на его лице.

Стрдание человека, сражающегося с собственной душой.

– Император не обрадуется, если вы потерпите поражение, – напомнила ему Канако, наполняя свои слова сталью.

Нобутада кивнул, выпрямляя спину:

– Если понадобится, я умру, чтобы положить конец этому конфликту.

– В этом я не сомневаюсь. – Она улыбнулась. – Вы лучший из самураев. Истинная дань уважения пути воина. – Ее глаза скользнули по серому с серебром морю перед ней. По огромному белому дубу чуть в стороне. И искажению в его центре. – Если Хаттори Кэнсин причинит вам какие-либо неприятности, не стесняйтесь сообщить мне. – Канако направилась к белому дубу. – Я забочусь о том, что он так отчаянно желает вернуть. Ваш господин должен быть благодарен нам за внимание.

Нобутада снова поклонился.

Канако провела руками по толстому стволу белого дуба. Пестрая поверхность коры раздвинулась, обнажая молодую женщину, крепко спящую в заколдованном сне.

Половина ее лица была сильно обожжена.

Гора огня

На следующий день все мужчины Черного клана были отправлены укреплять оборону лагеря против надвигающегося натиска Дракона Кая.

Все мужчины.

Марико громко протестовала, когда ее снова отправили работать к Ёси. Пустые лица и серьезные взгляды были единственными ответами, которые она получила.

Наконец – спустя три дня, потраченных на готовку, – Марико поднялась на ноги перед ужином, потуже затягивая темный шелковый шнурок, обмотанный вокруг талии. Как и раньше, она носила одежду воина, но теперь решила дополнить свой наряд элементами, более подходящими для ее статуса единственной женщины в лагере.

– Мне ненавистна мысль, – начала она грозным голосом, – что мое место у чугунного горшка только потому, что я женщина.

– Почему ты так думаешь? – На лбу Ёси появились морщинки. – Раньше ты не возражала.

– Дайте мне делать что-то полезное.

– Ты не находишь приготовление пищи полезным занятием? – фыркнул он.

– Я не хотела тебя оскорбить.

– Тем не менее у тебя получилось.

Хотя Марико никогда не была одарена искусством умиротворять кого-либо, сейчас она попыталась это сделать. Она сделала шаг назад и приложила все усилия, подражая Юми.

– Ты слишком чувствителен, Ёси-сан. Я просто имела в виду, что от меня будет гораздо больше пользы, если я буду разрабатывать способ укрепления существующих защитных сооружений, чем если буду помешивать простой горшочек с соевым творогом.

Ёси отвернулся, крикнув в темнеющий лес:

– Оками!

– Что ты делаешь? – раздраженно выдохнула Марико.

Рэн, прихрамывая, выбрался из кустов, рана в боку все еще причиняла ему очевидную боль.

– Что ты сделала на этот раз, женщина? – прошипел он, его лицо было таким бледным, что резко контрастировало с глазами.

– Ничего, что относилось бы к тебе, *мальчик*, – возразила Марико.

Оками скользнул через подлесок, его руки были покрыты тонким слоем пота. Он остановился, и Марико изо всех сил пыталась игнорировать, как заходящее солнце отражалось на его лице. Как резко очерчивало его мускулы.

– Зачем ты меня звал, Ёси-сан?

Ёси указал на Марико:

– Она была высокомерна.

– И что ты хочешь, чтобы я сделал с этим? – Оками поднял брови.

Ёси пожал плечами:

– Я думал, ты мог бы... поговорить с ней. Ведь тебя она... может послушать, – проворчал он.

Оками рассмеялся. Затем он быстро развернулся и пошел прочь.

Марико сдержала улыбку. И не стала смотреть, как высокая фигура Волка исчезает из виду. В лагере никому не принесет пользы знание, как часто она засматривается на него, даже в самые неподходящие моменты.

С тяжелым вздохом она повернулась к дымящемуся чугунку.

В землю рядом вонзились стрелы, их перья дрожали, издавая звук.

– Предупреждающие стрелы. – Ёси уронил миску с молотым имбирем, и она разлетелась на куски, как только ударилась о лесную подстилку.

Марико вскарабкалась на холм, пока несколько членов Черного клана спешили посмотреть на цвет оперения стрел. Ранмару резко остановился рядом с Марико, уже с мечом в руке.

Окрашенным красным.

Это означало, что в непосредственной близости от лагеря были замечены вооруженные незваные гости.

– Как они смогли так быстро нас найти? – шепот Марико был хриплым.

– Темная магия преследует эти деревья, – сказал Ранмару. – Подобное притягивает подобное. Если у солдат есть способ общаться с ёкаями, то, возможно, один из духов провел их мимо наших ловушек.

Земля под ними зароптала.

Ранмару оглянулся:

– Гора снова говорит.

– Что она говорит нам? – Марико почувствовала тепло присутствия Оками за своей спиной.

Волк указал через ее плечо на линию деревьев:

– Что у нас нет времени.

Когда Марико увидела знамена, развевающиеся над шеренгой конных самураев вдалеке, у нее чуть не подкосились ноги.

Герб клана Минамото. Рядом с гербом ее собственной семьи.

Во главе отряда был ее брат. Дракон Кая.

* * *

Он начал с поляны. Судьбоносной поляны, где он потерял след. И у него осталось только чувство.

Ощущение, что ему угрожают. Обманывают.

Что он добыча.

Кэнсин вышел из себя в тот день. Рубил всех и каждого, кто приближался. Когда он очнулся, то обнаружил, что его меч весь в крови. Тела старика и мальчика и девочки, работавших с ним, отпечатались в его сознании.

Во сне его спасла лиса.

Теперь его снова спасла лиса.

Когда Кэнсин начал искать в лесу Дзюкай какие-либо признаки Черного клана, существо привело его к другому водоему. Где огромный мужчина со сломанным запястьем – почти на три головы выше всех присутствующих – сидел и напивался до одури.

Этот сердитый великан велел ему ехать к горе. Собрать пучок волос Такэды Ранмару. И вернуть ему, чтобы он мог получить награду от ближайшего даймё. Награду, которая позволит ему вернуть уважение своих людей.

Кэнсин был рад, когда Райдэн первым предложил сопровождать его. Чтобы помочь спасти его сестру. Одичавшее существо, которое Кэнсин увидел той ночью сквозь пламя вокруг амбара, не было Марико. Оно было безумным. Диким. Так непохожим на мягкую умную девушку, которую всегда знал Кэнсин.

Должно быть, именно эти люди – эти кровожадные наемники Черного клана – превратили ее в такую невообразимую версию самой себя. Это они заставили ее опуститься до самых низменных инстинктов, чтобы выжить.

Кэнсин уничтожит каждого из этих мужчин – разорвет их на части – за то, что они сделали с его сестрой. За то, что они сделали с Амаей.

Но еще не все потеряно.

Марико предупредила его. То сообщение на самом деле могло исходить только от его сестры. Она велела слепому разыскать Кэнсина. Спасти зернохранилище.

Точно так же, как сегодня он собирался спасти Марико.

Он искоренит это зло из леса Дзюкай раз и навсегда. Рядом с ним сын императора и жених его сестры. Мощь империи на его стороне.

Хаттори Кэнсин исправит грехи этого леса.

И узнает, что именно скрывают его деревья.

* * *

Гора снова заворчала, на этот раз громче. Как будто предупреждая всех присутствующих, что солнце вот-вот исчезнет. Что весь свет вот-вот погаснет. Марико схватила катану и отправилась искать Оками. Волка отправили приказать другим членам Черного клана отойти к деревьям, как они условились заранее.

Им не хватало людей, и они планировали восполнить это возвышенностью. Марико должна была немедленно залезть на свое место. Но она задержалась, чтобы помочь Рэну. Ее бывший мучитель до сих пор не собрал достаточно провизии или подходящего оружия для предстоящей осады.

И теперь у них не было времени. Не все из них доберутся до назначенных позиций. Не все из них смогут отразить нападение.

Когда стрелы посыпались сквозь деревья, Марико поняла, что они упустили возможность сбежать. Ее глаза бегали по быстро темнеющему подлеску, ища что-то, но не находя...

– Следуй за мной, – Оками рядом с ней шел уверенно, даже сквозь сгущающийся мрак. Он посадил Марико на дерево, прежде чем забраться за ней.

– Анатэ!^[67]

Призыв к еще одному залпу стрел эхом разнесся из-за деревьев впереди.

Оками схватил деревянный щит и прижал Марико к груди. Твердое биение его сердца отдавалось в ее ушах, пока стрелы вонзались в щит и ветки вокруг них.

Грохот копыт последовал вскоре после последнего залпа стрел. Когда первый конный самурай оказался в пределах досягаемости, Черный клан начал отстреливаться.

Марико полезла в свой мешочек с метательными звездами. И сделала глубокий вдох.

Оками вырвал стрелу из ствола дерева, прежде чем послать ее обратно в первую волну атакующей кавалерии.

– Сражайся, Хаттори Марико. Я знаю, что он твой брат. Но его люди не делают различий. И ты не должна.

– Я знаю. – Она стиснула зубы.

– Единственная власть любого мужчины над тобой – это власть, которую ты ему даешь. – Оками выстрелил еще раз, и внизу с лошади свалился солдат.

На этих словах Марико повела плечами, прицелилась метательной звездой и швырнула ее в темноту.

Она успела ранить трех самураев и сбить с коня еще одного воина, прежде чем кое-что заметила. Марико нигде не могла найти своего брата. Если она вообще что-то знала о Хаттори Кэнсине, так это то, что он должен быть в авангарде любой битвы.

Что-то было не так.

Марико посмотрела за деревья. И увидела факелы вдалеке.

Но это были не обычные факелы.

Они были огромными. Огненные снаряды больше, чем железный котел Ёси.

– Мы должны спуститься. – Она чуть не задохнулась. – Прикажи всем немедленно слезть с деревьев.

Волк выпустил еще одну стрелу.

– Что?

– Сейчас же, Оками!

Спускаясь, она услышала крик. Марико увидела, как Ёси обрушился с дерева, по пути сломав несколько веток. Оками громко

свистнул, прежде чем спрыгнуть на лесную подстилку, чтобы помочь ему подняться.

В этот момент в их сторону полетел первый огненный шар.

И слышались крики ужаса.

Феникс

– Все кончено! – крикнул Кэнсин из-за деревьев.

Дым клубился в ночном воздухе перед братом Марико. Листья по бокам от нее пахли кровью. Огонь тлел на лесной подстилке. Она снова вытянулась, пытаясь разглядеть Оками и Ёси, но ничего не смогла увидеть за стеной дыма слева от нее.

– Покажитесь, – мрачно сказал Кэнсин. – Верните мою сестру. И оставшиеся ваши люди смогут пережить эту ночь.

– А если я откажусь? – ответил Ранмару. Он прижался спиной к стволу дерева вне поля зрения ее брата. Главарь Черного клана улыбнулся Марико, произнес эти слова, но улыбка не коснулась его глаз.

– Я подожгу каждое дерево в этом лесу.

Ранмару горько рассмеялся:

– Тогда ты и твоя сестра сгорите вместе с нами.

– Этот лес больше не в твоей власти, – сказал жених Марико ясным и твердым голосом.

– Мне было интересно, по какой причине ты решил показаться сегодня, Райдэн-чан.

– Кто это? – спросил Райдэн, подгоняя лошадь вперед.

Ранмару выпрямился, по-прежнему прислоняясь спиной к дереву.

– Мы вместе играли детьми. Интересно, узнал бы ты меня, увидев сейчас?

– Покажи себя.

Марико наблюдала, как Райдэн спрыгивает со своего черного боевого коня.

– Вы взяли в плен мою невесту. Я предлагаю обмен. Верни мне Хаттори Марико, и я верну тебе кое-что очень ценное.

– А если я откажусь? Неужели ты сожжешь и свою невесту?

Прошло мгновение напряженной тишины.

– Покажи себя. – Райдэн повернулся к самураю позади него, взяв меч в ножнах из руки воина. – И я дам тебе то, что твой отец потерял много лет назад.

Справа от Райдэна появилась серая лиса, уставившаяся на Марико сквозь тлеющие деревья. А затем она бросилась обратно в тень.

– Меня не интересует ничего из того, что ты можешь предложить. – Ранмару даже не посмотрел, что это было. Вместо этого он потянулся к руке Марико и сжал ее один раз.

Факел рядом с Райдэном сделал его улыбку зловещей. Улыбку, которая – в любом другом случае – была услугой для глаз большинства женщин. Но Марико никогда так не считала. Не после этой ночи.

– Думаю, ты не знаешь, что у меня есть.

Ранмару тихо вздохнул:

– А я думаю, ты не знаешь, что ищешь. – Тем не менее главарь Черного клана отпустил руку Марико.

И вышел к принцу.

* * *

Оками вытер кровь с уголка рта Ёси, слушая, как его самый близкий друг торгуется с сыном его злейшего врага.

Ёси снова закашлялся, и с его губ вновь потекла кровь.

– Ты не можешь умереть вот так, старик, – сказал Оками с грустной улыбкой.

– А ты не можешь указывать мне, что делать, неблагодарный мальчишка. Ты давно отказался от этого права. – Он вернул улыбку, затем поморщился.

Оками взглянул на рану на его боку. На кровь, вытекающую из-под стрелы, пронзившей живот Ёси.

Медленно убивая его.

– Ты позволишь ему это сделать? – прошептал Ёси.

Оками еще раз вытер кровь с его рта.

– Не позволяй ему этого сделать, – продолжал Ёси торопливым шепотом. – Молодой господин сделал все возможное, чтобы исправить то, что произошло много лет назад. То, что сделал его отец. Пожалуйста, прости его.

– Здесь нечего прощать, Ёси-сан.

– Тогда не дай молодому господину умереть, чтобы сохранить твой секрет.

– Я скорее умру, чем позволю, чтобы с ним что-нибудь случилось, – медленно вздохнул Оками. – И все это началось не как мой секрет.

– Это всегда было твоим секретом. Молодой господин сделал это, чтобы защитить тебя. – Ёси скривился от боли. – Теперь твоя очередь защитить его. Сделай это ради меня. Сделай это ради своего отца. – Он потянулся к руке Оками. – Будь быстр, как ветер. Безмолвен, как лес.

Оками обеими руками сжал окровавленную ладонь Ёси.

– Яростен, как огонь. Непоколебим, как скала.

– Восстань из пепла, – сказал Ёси. – И займи свое законное место.

* * *

Главарь Черного клана осторожно двинулся вперед. Сквозь ветки донесся звук натягиваемых луков.

Марико смотрела, как Ранмару приближается к ее жениху. На мгновение ее встревожило то, насколько крупным казался Минамото Райдэн. Ранмару не был маленьким. Но Райдэн был намного шире его в плечах. Его доспехи и изогнутые рога, торчащие из шлема, заставляли его казаться более мощным, чем Ранмару, во всех смыслах. Особенно на поле боя.

Как и другие ее собраты – теневые воины, Марико притаилась, наклоняясь вперед и проводя большим пальцем по поверхности своей последней метательной звезды.

Готовая нанести удар.

Она попыталась игнорировать боль, которая застилала ее зрение, когда она взглянула на своего брата. Марико никогда не смогла бы выстрелить в Кэнсина. Ее брат пришел за ней. Но он даже не пытался заключить сделку, пока не обрушил дождь стрел на Черный клан. Пока не послал огненные шары в деревья. Любой из них мог убить ее. Любой из них почти это сделал.

Ее брат был больше озабочен причинением урона, чем поиском решения.

Совсем как ее отец.

Ранмару остановился перед Райдэном. Он стоял гордо. Бесстрашно.

Со злым блеском в глазах Райдэн обнажил меч в своих руках. Марико вздрогнула от этого зрелища.

Металл меча не был обычной сталью. Он отливал белым, как вспышка молнии. Как нечто, зачарованное потусторонним светом. В самых глубинах памяти Марико начало обретать очертания смутное воспоминание. Старая история, чей сюжет ускользал от нее.

Ранмару не потянулся за мечом.

– Ты не узнаешь это оружие? – спросил Райдэн.

Ранмару стоял спиной к Марико, но она видела, как его руки сжались в кулаки.

– У тебя нет права на этот меч.

– Я имею на него полное право.

– Твой отец хладнокровно убил моего. Верни меч его законному владельцу.

– Верни мою невесту.

– Девушка – это не меч. И никакая цена не стоит этой сделки.

Райдэн сделал шаг вперед.

– Ты действительно в это веришь? Этот меч принадлежал твоей семье тысячу лет. Твои предки перевернутся в гробу, увидев, как ты пренебрег его важностью.

– Мои предки, – вздохнул Ранмару, – никогда бы не согласились с тем, что оружие стоит чьей-то жизни.

Райдэн взмахнул мечом, ведя его из стороны в сторону по медленной дуге.

– Это великолепный клинок. Я не видел равных ему. Когда мне приказали вернуть его – предложить тебе меч в обмен на мою невесту, – я подумал о том же, о чем и ты сейчас. Что никакое оружие не может стоить жизни. – Он взмахнул им еще раз. На последней дуге меч приблизился к лицу Ранмару. Райдэн задержал его там на мгновение. Лезвие оставалось зловещим, почти жемчужно-белым. Как будто его поверхность состояла из отшлифованных алмазов.

Ранмару оставался решительно непоколебимым. Хотя Марико видела, как его кулаки дважды разжались и сжались.

– Ты не узнаешь этот меч. А он не узнает тебя, – медленно произнес Райдэн. – *Кто ты такой?*

Когда Ранмару не ответил, сердце Марико ёкнуло. Потерянная история с внезапной захватывающей ясностью коснулась ее языка.

Меч Такэда. Фуринкадзан. Его забрали у клана Такэда, когда тот впал в немилость. Зачарованное оружие. Меч света.

Меч, который мог носить только член клана Такэда.

Шквал слов взметнулся в ее голове, пытаясь найти порядок среди хаоса. Найти правду среди лжи. Затем меч начал светиться. Слабо. Но уверенно. Его лезвие начало нагреваться и мерцать. Свет, исходящий из его сердцевины, был ослепительно-белым.

Из теней вышла жилистая фигура, двигаясь сквозь пелену дыма.

Его руки и лицо были в крови. Он шел, как будто ужасно устал. Постарел.

Сломался.

Марико, замерев на месте, наблюдала, как Оками подходит ближе. По-прежнему беззвучно. Скользя сквозь ночь.

Райдэн держал меч неподвижно. Его лицо сморщилось в замешательстве, а затем разгладилось, когда Оками – Волк – шагнул, вставая рядом с главарем Черного клана.

Его лучшим другом.

С довольной улыбкой Райдэн кивнул Оками:

– Я много слышал о тебе, Такэда Ранмару.

* * *

Единственный сын последнего сёгуна остановился перед старшим сыном своего заклятого врага. Человека, который стал причиной смерти его отца.

Оками не дрогнул при виде отцовского меча. Меча Такэда. Оружия, которое он считал потерянным. Туда ему и дорога.

Фуринкадзан был оружием человека правды. Человека принципов.

Не притворщика. Не вора. Не лжеца. Не труса.

И все же увидев его в руках Минамото Райдэна, он почувствовал пробуждение давно дремлющей эмоции. Чувства, наполненного борьбой. Богатого историей. Исполненного мстью.

Оками так долго отрицал его.

А его дорогой друг? Его лучший друг. Сын Асано Наганори. Мальчик, который почти семь лет притворялся им. Оками никогда не

просил его об этом. Цунэоки сделал это, чтобы обезопасить его. Сделал это, чтобы загладить вину за предательство отца. За действия, приведшие к смерти Такэды Сингэна.

Но в глубине души Оками знал, что там было скрыто нечто большее. Что-то, о чем его лучший друг никогда не говорил. Он надеялся, что когда-нибудь Цунэоки расскажет это ему.

Вот то, что он задолжал своему ближайшему другу. Он не позволит сыну Асано Наганори погибнуть вместо него. Или ответить за его скрытность.

– Чего ты хочешь, Минамото Райдэн? – спросил Оками.

«Оками». Это имя было подарено ему, когда он впервые вышел на бойцовскую арену вскоре после того, как обменял последнее сокровище своей семьи на свои способности. История для другого раза. Из другой жизни.

Волк Хонсё.

Он никогда никого не направлял на верный путь. Он только стремился учиться. Разрушать. Чтобы узнать, каково это – чувствовать себя по-настоящему могущественным. По-настоящему понять, что было украдено у его семьи.

Райдэн изучал его, отмечая его окровавленный вид. Без сомнения, радуясь тому, каким сломанным и усталым выглядел Оками.

– Мою невесту взяли в плен по дороге в Инако.

То, что он называл Мариико *своей*, невероятно раздражало Оками. Почти так же, как его дурацкие помпезные доспехи.

– Это был не я и никто из моих людей.

– Это неважно. Сейчас она здесь.

Оками вдохнул через нос:

– Ты уверен?

– Да, – коротко отозвался Дракон Кая.

– Но она не подчиняется тебе, – столь же высокомерно заметил Оками.

Хаттори Кэнсин двинулся вперед, пытаясь запугать свою добычу:

– Она отвечает перед своей семьей. У нее есть долг.

– Мариико отвечает только перед самой собой, – ответил Оками, даже не дрогнув.

– Мариико? – На лице Райдэна начала появляться ухмылка.

– Она одна из нас, – отозвался главарь Черного клана – истинный сын Асано Наганори. – И ты не тронешь ни одного из наших воинов.

Райдэн рассмеялся, как будто нашел его мысль смехотворной.

– Если она решит встать на твою сторону, я не смогу помочь ей.

На этих словах вперед выступил Хаттори Кэнсин. Хотя он изо всех сил старался скрыть это, Оками увидел, как на его лице отразился ужас. Расцвел на его лице, как лесной пожар.

– Марико! – крикнул он. – Где ты?

Ни звука не донеслось из теней и дыма.

– Марико! – снова выкрикнул Дракон Кая, его голос стал более отчаянным.

Снова без ответа.

– Закуйте Такэду Ранмару в цепи, – приказал Райдэн, потянувшись к поводьям и снова привязывая защиту для подбородка к своему шлему. – И убейте всех, кто еще стоит на ногах.

* * *

Марико услышала, как гул начал нарастать, еще до того, как Райдэн произнес последнее слово. Она дернула Рэна и протянула ему свой меч.

Она предотвратит кровопролитие этой ночью, чего бы это ни стоило. Марико не могла потерять тех, кого любила.

– Бей и пинай меня, если придется, – с настойчивостью прошептала она Рэну. – Заставь их поверить, что ты меня ненавидишь. Обменяй меня на свою безопасность.

Глаза Рэна расширились, а Марико начала втирать грязь в лицо и одежду.

– Не стой просто так! – подстегнула она его. – Вот твой шанс продемонстрировать, как ты всегда меня ненавидел.

Рэн сглотнул.

– Мне... мне правда очень жаль, – просто сказал он. – Это не то, что я хотел бы почувствовать, лорд Безбородый. – С этими словами он вытолкнул ее из тени.

– Постарайся не хромать, – сказала она сквозь стиснутые зубы. – Будь сильным. Не бойся.

Меч за ее спиной дрогнул.

– Выпрями спину, Рэн, – прошептала она. – Единственная истинная слабость – это слабость духа.

Мужчины перед ней вскрикнули, когда в поле зрения появились Марико и Рэн. Гул вокруг Оками только усилился. Ранмару – или, точнее, Цунэоки – положил руку на плечо Волка. Только тогда гул начал медленно утихать.

Марико остановилась в десяти шагах от него. Рэн прочистил горло. В мгновение ока он приставил лезвие танто к ее горлу.

– Ты хотел свою невесту, Минамото Райдэн? Вот она. Я верну ее тебе в целости и сохранности. При одном условии.

Райдэн отпустил поводья:

– Зачем мне невеста, которая предала меня?

– Эта глупая девчонка? – Рэн безумно рассмеялся. – Она не смогла бы предать даже саму себя. Рыдала перед сном почти каждую ночь. Посмотри на нее. Какая она грязная. Когда мы взяли ее в плен, мы понятия не имели, кто она такая.

Кэнсин двинулся вперед:

– Марико? Это правда?

Не вид брата тронул ее до слез, а мысль о том, что те, кто был ей дорог – ее друзья, юноша в ее сердце, – могли умереть, заставила глаза Марико заслезиться. Слезы собирались и капали, стекая по ее грязному, окровавленному лицу.

– Кэнсин, – сказала она дрожащим голосом, – пожалуйста, забери меня отсюда. Мой господин Райдэн, эти люди похитили меня. Они лжецы и воры. Они обращались со мной отвратительно.

Сын императора остался равнодушным. Он продолжал обращаться к Рэну, а не к Марико.

– Даже если она моя невеста, почему ты думаешь, что мы обменяем Хаттори Марико на жизни всех ваших людей, оставшихся в живых? – спросил Райдэн, его рука все еще лежала на рукояти катаны.

В этот момент Марико впервые почувствовала ненависть к своему жениху. И она знала, что это будет не последний раз.

– Потому что речь идет не только об одной жизни. Оставь остальных моих людей в покое. И тогда я тоже пойду с тобой, – тихо сказал Оками.

Нem!

Марико подавила желание закричать. Заорать в знак протеста.

Но Минамото Райдэн улыбнулся своей угрожающей улыбкой. И сделка была принята.

Рэн толкнул Марико к рядам солдат. Кэнсин шагнул ближе, и остаток пути Марико пробежала. Когда она пронеслась мимо Асано Цунэоки – настоящего сына Асано Наганори, – ее глаза на мгновение встретились с его. Те светились желтым и диким, когда он кивнул.

Этот взгляд был обещанием. Зверь будет за ее спиной. Охранять ее. Всегда.

Кэнсин обнял ее. Крепко сжал. Слезы продолжали безостановочно течь по лицу Марико.

Через плечо своего брата она увидела, как Райдэн толкнул Оками и тот упал на колени в грязь. Наблюдала, как императорские солдаты сковывают его запястья цепями. Марико плотно закрыла глаза, желая прогнать этот образ.

– Я отвезу тебя домой, – мягко сказал Кэнсин.

– Нет, – возразила Марико. – Для меня ничего не осталось дома. Отвези меня в Инако. – Ее взгляд, полный слез, впился в лицо ее жениха, заставляя его снова поднять руку на Оками. – Если мой господин Райдэн все еще захочет меня, я готова начать свою жизнь при императорском дворе.

– Ты уверена?

Слезы горели в ее глазах, когда она смотрела, как улыбающиеся, насмехающиеся императорские солдаты поднимают Оками на ноги.

– Я никогда ни в чем не была так уверена в своей жизни.

Конец

Это была необычная чайная церемония.

В необычном месте. В необычное время ночи. Но ведь ее император всегда был необычным человеком.

Ее Императорское Величество Ямото Гэнмэй, Императрица Ва, медленно направлялась к павильону любования луной, каждый ее шаг был путешествием. Напоминанием.

Ее нервы были натянуты до предела. Но она этого не показывала. Годы, проведенные в замке Хэйан, научили ее, что нельзя выставлять свои эмоции на всеобщее обозрение.

Император попросил ее присоединиться к нему за чаем сегодня вечером. Прошли годы с тех пор, как он предлагал ей заняться чем-то вместе. Годы с тех пор, как он просил разделить с ним что-нибудь под звездами. А павильон любования луной был одним из его любимых мест в середине теплого лета. На самом деле этот павильон был построен именно для *нее*. Для его шлюхи Канако.

Гэнмэй остановилась. Она залезла в рукав и достала крошечный стеклянный пузырек. Капнула каплю под язык и глубоко вдохнула, позволив настойке растечься по горлу. Охладить ее горящие нервы.

Она высоко подняла голову. И продолжила свой путь. Император попросил ее присоединиться к нему этой ночью. Это не было ошибкой.

Гэнмэй наконец дошла до павильона любования луной. Император уже был там. Сложив руки за спиной, он повернул голову к звездам. После того как она сняла свои лакированные дзори и поклонилась, взойдя по ступеням, он повернул голову к ней.

– Я рад, что ты здесь, – сказал он с улыбкой.

– Мой государь просил меня прийти.

– Ты могла отказаться.

– Я никогда и ни в чем вам не отказывала.

– Тем не менее сегодня ночью ты могла это сделать.

Гэнмэй опустила голову:

– Моя жизнь посвящена служению моему императору.

Император снова улыбнулся. Он кивнул ей на татами, стоящий перед железной жаровней для чая:

– Присоединишься ли ты ко мне за чаем?

Гэнмэй снова поклонилась:

– Только если мне будет позволено подать его.

Император с теплотой кивнул.

Шелк элегантно кимоно и носков таби Гэнмэй заскользил по циновкам, когда она опустилась на колени перед жаровней. С предельной осторожностью и аккуратностью она начала с того, что сложила кусок чистой оранжевой ткани втрое, а затем свернула его в аккуратный жгут. Используя одну сторону ткани, она сняла крышку с железной жаровни.

Император уселся на колени напротив нее. Выпрямился, черты его лица были почти мягкими.

Гэнмэй взяла бамбуковый ковш с длинной ручкой, чтобы начерпать дымящуюся воду в маленькую глазурованную фарфоровую чашу. Она ополоснула пиалу, затем другой стороной оранжевой ткани вытерла ее досуха, прежде чем аккуратно положить три крошечные ложки бледно-зеленого порошка *маття*^[68] в фарфоровую чашу.

Бамбуковым венчиком и еще одной ложкой дымящейся воды Гэнмэй взбивала чай, пока тот не стал легким и пенистым. Каждое ее движение было точным. Спокойным. Искусным.

Такова была чайная церемония. Наполненная гармонией. Уважением. Чистотой. И умиротворением.

Она еще раз вытерла края, прежде чем поставить чашу перед императором. Прислуживая ему с почти нерешительной улыбкой.

Между ними было так много всего. Столько невысказанных чувств.

Император сделал большой глоток из чаши. Поставил ее обратно.

Гэнмэй ополоснула ее и повторила весь процесс, чтобы она тоже могла выпить из той же чаши. Разделить с ним эту церемонию гармонии и уважения.

– Я не был добр к тебе, – тихо сказал император, когда Гэнмэй допила свой чай.

Она ничего не сказала. Отказалась позволить надежде проникнуть в ее разум.

Надежда была ядом для ее мира.

– Я не хотел, чтобы все произошло таким образом. Но я хочу, чтобы в будущем это изменилось, – продолжил он.

– Прошу прощения, мой государь, но как может что-то измениться, пока... пока *она* все еще здесь? – спросила Гэнмэй, и ее слова были пропитаны ядом.

– Канако – моя императорская супруга. Она не покинет замок Хэйан. – Тон императора был тверд. – Но я действительно хочу наладить отношения между нами. Я действительно хочу создать мост между нашими мирами.

– Зачем?

– Потому что я смотрю на нашего сына и хочу, чтобы он был лучше нас, Гэнмэй. – Император вздохнул. – Я хочу, чтобы перед ним был лучший пример.

– Року *уже* лучше, чем мы.

– Я знаю, что могу быть лучше. Что мы можем быть лучше. – Император поднялся и направился к ступеням павильона любования луной. Он подождал Гэнмэй.

То, чего он никогда не делал раньше.

Каждое ее движение было полно настороженности, когда Гэнмэй присоединилась к нему. Они надели свои дзори и вместе пошли к краю пруда. Восковые подушечки лилий блестели под призрачной полной луной. Лягушки и цикады пели вместе нестройным хором.

Император прочистил горло:

– Между нами ненависть.

– Так и есть, – согласилась Гэнмэй.

– Неужели ты не согласишься стать выше нашей ненависти? Ради нашего сына?

Гэнмэй повернулась к нему. Заглянула своему императору в глаза.

Он кашлянул, когда встретился с ней взглядом. Его лицо покраснело.

Было время, когда она отдала бы все, чтобы услышать от него эти слова. Услышать, как он говорит, что заботится о ней – заботится об их будущем – даже в каких-то мелочах.

Император снова кашлянул, поднеся кулак к губам. В его глазах начало формироваться осознание. Они выпучились, когда его пальцы вцепились в воротник.

Он попытался закричать. Но его голос так и застрял в горле.

Гэнмэй молчала. Она наблюдала.

Спокойно. В гармонии с собой.

Пока император Ва не рухнул в пруд рядом со своим любимым павильоном любования луной.

Гэнмэй на мгновение взглянула на своего мужа.

– Нет, мой государь, – тихо сказала она. – Мы не можем стать выше, чем наша ненависть. Но чтобы защитить нашего сына от ваших ошибок, я сделаю все, что необходимо. – Носком своей лакированной сандалии она толкнула его голову под воду.

Затем Гэнмэй глубоко вздохнула. Зашла в пруд. И начала кричать:

– На помощь! Кто-нибудь, пожалуйста, помогите. Император упал!

Над ними, оседлав порыв ветра, взлетела ласточка с радужными крыльями.

И исчезла в ночи.

Словарь

Акума – злой дух из народных легенд

амадзура – сладкий сироп

анатэ – команда «огонь»: например, для лучников «выпустить стрелы»

асигару – пехотинцы

Бансэнсюкай – древнее руководство по **синоби-но моно**, или искусству ниндзя.

бо – посох

боро – лоскутная ткань, которую носят служанки и крестьяне

бусидо – путь воина

вакасама – молодой господин

вакидзаси – короткий меч, похожий на катану; самураи традиционно носят оба клинка одновременно

васи – тип бумаги, обычно изготавливаемой из волокон коры дерева гампи

ги – справедливость; один из принципов бусидо

Го – сложная стратегическая настольная игра для двух игроков; цель игры в том, чтобы, используя черные и белые фигуры, называемые «камнями», окружить большую территорию, чем ваш противник

гэйко – гейша

даймё – феодал, обычно вассал сёгуна; эквивалент английского графа

дайфуку – сладость из клейкого риса с начинкой из бобовой пасты

дзиммаку – ограждение лагеря

дзин – сострадание; один из принципов бусидо

дзори – вид сандалий

дзюбокко – дерево-вампиры в японской мифологии. Согласно фольклору, оно появляется на полях сражений, где погибло много людей

до – нагрудная броня

ёкай – лесной демон

ёройхитатарэ – броня самураев

ити-го, ити-э – одна жизнь, одна встреча; в знач. «жить настоящим моментом», «только на этот раз»

кабурая – свистящая стрела

кагэмуся – теневой воин, человек за сценой

канабо – дубинка с шипами или палица

ката – набор комбинаций движений для занятий боевыми искусствами

катана – тип меча

коку – единица измерения, в феодальные времена обычно была единицей измерения земли

косодэ – простой халат, который носят как мужчины, так и женщины

кунай – разновидность кинжала

майко – гэйко-ученица

макото – искренность; один из принципов бусидо

мару – внутренний двор замка

мэйё – честь; один из принципов бусидо

нагината – клинковое оружие на длинном древке

норимоно – паланкин, средство передвижения

оби – широкий пояс

окаа – мать

пондзу – соус из цитрусовых, уксуса и соевого соуса

рё – золотая монета, валюта Империи Ва

ронин – самурай без хозяина

рэй – почтение; один из принципов бусидо

– **сама** – уважительный суффикс, немного более формальный, чем – сан, как в Марико-сама

самурай – член воинского сословия, обычно на службе у сюзерена или даймё

– **сан** – уважительный суффикс, как в Акира-сан

сая – ножны

сёгун – военачальник, возглавляющий армию

сёдо – каллиграфия

синоби-но моно – искусство ниндзя

сумимасэн – спасибо

сэнсэй – учитель

сэппуку – ритуальное самоубийство

сямисэн – струнный инструмент

таби – носки с отдельным большим пальцем

танто – кинжал короче вакидзаси

татами – тканый коврик, традиционно сделанный из рисовой соломки

тацумура – редкий вид шелка, из которого изготавливают бесценные кимоно

уба – няня

умэсю – сливовое вино

Фуринадзан – меч света, принадлежащий клану Такэда; на нем написаны фразы: *«Быстр, как ветер. Безмолвен, как лес. Яростен, как огонь. Непоколбим, как гора».*

хакама – длинные широкие плиссированные штаны, похожие на юбку, надеваемые поверх кимоно

хаори – тип верхней одежды, верхний халат

хатимаки – налобная повязка

хонсё – правда

цуба – гарда меча

– **чан** – уменьшительно-ласкательный суффикс и выражение близких отношений, как в Тиё-чан

тёги – преданность; один из принципов бусидо

юдзу – небольшой цитрусовый фрукт с терпким вкусом, похож на помело

юки – мужество; один из принципов бусидо

ябусамэ – конные лучники

Благодарности

Следует понимать, что на вершину горы есть не только один путь.

– Миямото Мусаси

Я написала семь романов, и некоторые из них, к счастью, никогда не увидят свет. Всякий раз, когда я заканчиваю писать книгу, я всегда нахожу минутку, чтобы подумать о том, чему меня научил этот опыт. Во многих отношениях создание «Пламени в тумане» было самой сложной задачей из всего, что я делала до этого в профессиональной сфере.

А также одной из самых плодотворных.

Конечно, часто нужна была целая деревня народу, чтобы указать мне правильное направление. Я готова каждый день благодарить свой компас – моего агента Барбару Поэль. Спасибо за вашу мудрость, ваше руководство, ваш юмор, вашу прямоту – без вас моя мечта никогда бы не осуществилась.

Спасибо моему редактору Стейси Барни: хватит ли когда-нибудь слов, чтобы выразить мою благодарность? Думаю, нет. Так что вместо этого давайте вместе обчистим еще несколько ресторанов и убедимся, что каждое место, которое мы посещаем, наполнено эхом нашего смеха.

Спасибо команде замечательных людей из Penguin: меня всегда будет поражать ваша безграничная страсть. Работа, которую вы делаете, и работа, которую вы позволяете мне делать, сейчас важнее, чем когда-либо. Кейт Мельцер и моему неутомимому публицисту Марисе Рассел: вы всегда направляете наш корабль по верному курсу. Спасибо тысячу раз. Огромная благодарность Кармеле Иариа, Алексис Уоттс, Дони Кей, Чандре Волебер, Терезе Евангелисте, Эйлин Сэвидж, Джен Бессер, Элиз Маршалл, Лизе Келли, Линдси Боггс, Шейле Хеннесси, Шанте Ньюлин, Эрин Бергер, Кристине Коланджелло, Коллин Конвей, Джуди Паркс Сэмюэлс, Таре Шанахан и Бри Локхарт. И особая благодарность Каре Браммер за все ваши гениальные идеи.

За последние несколько лет мне посчастливилось встретиться и пообщаться со многими замечательными блогерами, библиотекарями, читателями и книголюбями со всего мира. Большое спасибо за ваш смех, фан-арты, письма и разделяемое воодушевление. Вы причина, по которой я занимаюсь всем этим. Привет Наташе Полис и Кристин Риччио: эта птичка из Сан-Диего уже никогда не будет прежней после встречи с нами.

Спасибо моим сестрам по перу – Джой Каллауэй, Саре Хеннинг, Рики Шульц, Джей Джей, Рошани Чокши и Трейси Чи – мне не терпится увидеть, что готовит нам будущее, пока мы вместе будем двигаться по этому пути.

Для первых читателей «Пламени в тумане» – Сабы Тахир, Мари Руткоски, доктора Яна Бардсли, Мисы Сугиуры и Сары Николь Лемон – ваши заметки, ваше руководство и ваша любовь были неоценимы. Без вас эта книга не была бы такой, какая она есть. Любые ошибки или упущения в работе являются исключительно моими собственными. Одним из величайших даров моей карьеры стала дружба, которую я завела со столькими поразительно талантливыми писателями. Бет Ревис, Лорен ДеСтефано, Соне Чарайпотре, моей гастрольной подруге Дониэль Клейтон, Виктории Авеярд, Адаму Сильвере, Дэвиду Арнольду, Ники и Дэвиду Юн, Виктории Шваб, Джейсону Рейнольдсу, Даниэлю Хосе-Олдеру, Брендану Рейхсу, Соману Чайнани, Марджи Стол, Ками Гарсия, Меган Миранде, Гвенде Бонд, Саре Маас, Кесси Бизли, Лорен Биллингс, Кристине Хоббс и Ник Стоун: спасибо вам всем за смех и чудесные полуночные беседы. Ло, я не думаю, что смогу снова поехать в Вегас без тебя. Брендану и Ками: спасибо за смелость бросить вызов суперпауку в нашем квесте по поиску Кольца Всевластия.

Мари Лу и Кэрри Райан за постоянный источник любви и поддержки. Я всегда ухожу от вас, мечтая, чтобы мы могли поболтать подольше.

Моей помощнице Саре Вайс: спасибо за то, что с твоим фирменным стилем и изяществом убедилась, чтобы я расставила все точки над буквами «i» и перечеркнула каждую букву «t».

Брите Лундберг, Хизер Барор-Шапиро и замечательной команде IGLA: спасибо за всю вашу невероятную работу и бесконечный профессионализм.

Саба: каждый раз, когда я вижу «7», я благодарю звезды за тебя.

Элейн: нет слов, чтобы выразить, как много значит для меня твоя дружба. Сквозь все хорошее и не очень ты всегда была моим светом на далеком берегу.

Моей семье: моим братьям и сестре – Эрике, Йену, Крису и Иззи – спасибо за вашу любовь и поддержку. Впереди еще много лет празднования всего и ничего, как только мы это умеем. Моим родителям – Умме, Маме Джун, Бабе Джуну и папе – спасибо за всю жизнь, полную вашей любви и наставлений.

Омиду, Джули, Навиду, Джинде, Эвелин, Изабель, Эндрю, Элле и Лили: спасибо за то, что вы были рядом во время каждого радостного события, и за то, что пережили со мной любой шторм наилучшим образом: все вместе.

И Вику: неважно, какой дорогой мы пойдем в гору. Важно только то, что ты со мной.

notes

Примечания

1

В пер. с кор. «мама». – *Прим. пер.*

2

Уба – няня.

Самурай – член воинского сословия, обычно на службе у сюзерена или даймё.

4

Хакама – длинные широкие плиссированные штаны, похожие на юбку, надеваемые поверх кимоно.

Татами – тканый коврик, традиционно сделанный из рисовой соломки.

6

Танто – короткий меч.

7

Катана – длинный японский меч.

-*сама* – уважительный суффикс, немного более формальный, чем – сан.

Норимоно – паланкин, средство передвижения.

10

-чан – уменьшительно-ласкательный суффикс, выражение нежности и дружеских отношений.

Асигару – пеший воин, пехотинец.

Нагината – клинковое оружие с длинной рукоятью.

Ёкай – лесной демон.

Даймё – феодал, который обычно является вассалом сёгуна; эквивалент английского графа.

Тацумура – редкий вид шелка, из которого изготавливают бесценные кимоно.

Дзори – японские национальные сандалии на плоской подошве.

Сумимасэн – «спасибо».

Оби – широкий пояс для кимоно.

Вакидзаси – короткий меч, похожий на катану; самураи традиционно носят оба клинка одновременно.

Bo – посох, палка, жезл.

Лига – мера длины, равная 4827 метров. – Прим. пер.

Таби – носки с отдельным большим пальцем.

Косодэ – простой халат, которые носили и мужчины, и женщины.

До – нагрудная броня.

Боро – лоскутная ткань, которую носят служанки и крестьяне.

Вакасама – молодой господин.

Праздник Обон – японский трехдневный праздник поминовения усопших.

Эдо – старинное название Токио, современной столицы Японии.

Императорская супруга – титул женщины, занимавшей второе место (после законной супруги императора) в императорском гареме.

Сямисэн – струнный инструмент.

Коку – единица измерения, в феодальные времена обычно была единицей измерения земли.

Гэйко – гейша.

Сугороку – настольная игра в кости с передвижными фишками.

Умэсю – ликер из фруктов умэ.

Го – сложная стратегическая настольная игра для двух игроков; цель игры в том, чтобы, используя черные и белые фигуры, называемые «камнями», окружить бóльшую территорию, чем ваш противник.

Канабо – разновидность палицы или дубинки с шипами.

Pë – валюта Империи Ва, монета.

Ронин – самурай без хозяина.

Kata – набор комбинаций движений для занятий боевыми искусствами.

Асигару – пехотинцы.

Хатимаки – налобная повязка.

Сая – ножны.

Цубе – гарда японского меча.

Кунаи – кинжал.

Дзюбокко – дерево-вампир в японской мифологии. Согласно фольклору, оно появляется на полях сражений, где погибли много людей.

Дзиммаку – лагерная стена из парусины.

Хатимаки – налобная повязка.

Васи – тип бумаги, обычно изготавливаемый из волокон коры дерева гампи.

Дайфуку – сладость из клейкого риса с бобовой начинкой.

Мару – внутренний двор замка.

Сёгун – военачальник, возглавляющий армию.

Ябусамэ – конные лучники.

Окрас лошади.

Ёройхитатарэ – броня самураев.

Кабурая – свистящая стрела.

Сёдо – искусство каллиграфии.

Хаори – тип верхней одежды, верхний халат.

Сямисэн – струнный инструмент.

Пондзу – соус из цитрусовых, уксуса и соевого соуса.

Майко – гэйко-ученица.

Ябусамэ – конные лучники.

Сэптуку – ритуальное самоубийство.

Японская идиома, передающая неповторимость момента.
Буквально: «живем один раз». – *Прим. пер.*

Окаа – мать.

Хонсё – правда.

Кагэмусей – теневой воин, человек за сценой.

Анатэ – команда «ОГОНЬ» для лучников.

Маття – перемолотый зеленый чай.